

ЭЛЕН
ФАЙНШТЕЙН

Анна Ахматова

ЭЛЕН ФАЙНШТЕЙН

Анна Ахматова

ЭКСМО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Женщина-Богиня

ELAINE FEINSTEIN

Anna of all the Russias

Анна Ахматова

ЭЛЕН ФАЙНШТЕЙН

Москва
«ЭКСМО»
2007

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(4Вел)
Ф 17

Elaine Feinstein

ANNA OF ALL THE RUSSIAS

Перевод с английского *Татьяны Новиковой*

Оформление обложки *Е. Савченко*

На обложке использована фотоинформация РИА «Новости»

Файнштейн Э.

Ф 17 Анна Ахматова / Элен Файнштейн. — М.: Эксмо, 2007. — 416 с.: ил.

ISBN 978-5-699-21784-7

Гениальные стихи и противоречивая, страстная натура Анны Ахматовой известны во всем мире. К сожалению, многие мемуары и воспоминания об одной из величайших русских поэтесс грешат предвзятостью, слишком личностными взглядами на ее творчество и судьбу. «Какая страшная жизнь ждет эту великую женщину после смерти — воспоминания современников», — говорила Фаина Раневская.

Перед вами — одна из немногих биографий Ахматовой, которые можно в полной мере назвать беспристрастными и объективными. Известная британская поэтесса Элен Файнштейн, персводившая на английский язык стихи русских поэтов Серебряного века, написавшая блестящие книги о Пушкине и Цветаевой, решила обратиться к жизни «неистой Анны».

Во время работы над этой книгой Элен Файнштейн тщательно изучила архивные документы, биографические материалы, мемуары, письма, дневники и публикации в периодике на разных языках, а также интервью с друзьями и родственниками Ахматовой. Она создала прекрасный, живой и яркий портрет женщины, достоинство и талант которой позволили Марине Цветаевой назвать ту, как настоящую царицу, «Анной всея Руси»...

УДК 82(1-87)-94
ББК 84(4Вел)

© Elaine Feinstein, 2005. First published
by Weidenfeld & Nicholson Ltd, London
© Перевод. Т. Новикова, 2006
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21784-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анна Ахматова — одна из величайших поэтесс в русской литературе. В ее стихах присутствуют классическая элегантность, почерпнутая у Пушкина, и поразительная страстность, связанная с драматичностью ее собственной судьбы. Многие мужчины восхищались ее красотой, но все три брака Ахматовой оказались несчастливymi. Она начала писать в те времена, когда сама мысль о том, что женщина может быть поэтом, казалась абсурдной. Ее гений не укладывается ни в какие рамки, но за свой триумф она заплатила счастьем жены и матери.

Все значимые события XX века стали вехами судьбы Анны Ахматовой. Она стала голосом народа, страдавшего от сталинского режима. Какая храбрость нужна была этой женщине в ту четверть века, когда ей было запрещено публиковаться, когда ее сын и третий муж находились в лагерях! Ахматова стала иконой для всех угнетенных советским режимом. Жизнь принесла ей болезни, бедность и страдания. Гений жесток, и ей не удалось насладиться простым женским счастьем.

Ахматова переносила несчастья с огромным достоинством и самообладанием. Единственная равная ей по таланту русская поэтесса Марина Цветаева назвала ее «Анной всея Руси», как чествуют цариц.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я должна поблагодарить Евгения Рейна, Михаила Ардова и Анатолия Наймана, хорошо знавших Ахматову и любезно согласившихся побеседовать со мной в 2003 году. Я благодарна также Наде Рейн, ответившей на мои вопросы по электронной почте, и Анне Каминской, внучке Николая Пунина, встретившейся со мной в Санкт-Петербурге в 2003 году. Я благодарна Дмитрию Бобышеву, ответившему на все мои письма, и Михаилу Мейлаху, с которым мы встречались в Санкт-Петербурге.

Хочу выразить благодарность Ричарду Маккейну, щедро делившемуся со мной своими знаниями и помогавшему искать полезные источники, Джене Хаулетт, познакомившей меня со своими русскими друзьями, Елене Рюминой и Валерии Пайковой, помощь которых в России далеко выходила за обязанности обычных переводчиц.

Я с благодарностью использовала следующие источники: 684 строки стихов Анны Ахматовой, любезно предоставленные литературным агентством ФТМ; В.И. Черных «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой»; Сергей Лавров «Судьба и идеи»; Orlando Figes «A People's Tragedy»; Константин Поливанов «Анна Ахматова и ее круг»; Frances Laird «Swansongs»; J. Martin King «A Captive Spirit»; Аманда Хейт

«Анна Ахматова. Поэтическое странствие»; Соломон Волков «Диалоги с Иосифом Бродским»; Соломон Волков «История Санкт-Петербурга»; Лидия Чуковская «Записки об Анне Ахматовой»; Надежда Мандельштам «Воспоминания» и «Вторая книга»; Эмма Герштейн «Воспоминания»; Ирма Кудрова «Смерть поэта»; Simon Sebag Montefiore «Stalin»; Maria Enzensberger «Listen!»; «Избранные стихи Александра Блока»; Lois Oliver «Boris Anrep: The national Gallery Mosaics»; S. Monas and J. Green Krupala «Diaries of Nikolay Punin»; Вера Инбер «Ленинградский дневник»; Georgy Dalos «The Guest from the Future»; Софья Островская «Воспоминания об Анне Ахматовой 1944—1950»; Анатолий Найман «Рассказы о Анне Ахматовой»; Фаина Раневская «Дневник на клочках» под ред. Д. Щеглова; Фаина Раневская «Монолог»; Фаина Раневская «Судьба-шлюха».

Мне хотелось бы выразить особую благодарность Веронике Лосской, которая разрешала все возникавшие у меня проблемы, профессору Валентине Полухиной, дававшей мне бесценные советы и познакомившей меня с людьми, которые могли помочь в моей работе, а также Памеле Дэвидсон. Я благодарна леди Берлин, встретившейся со мной в Оксфорде в 2004 году. Я бесконечно благодарна Нине Поповой и ее помощникам из музея А. Ахматовой в Санкт-Петербурге. Я хочу поблагодарить Симона Себага Монтефьоре, познакомившего меня с известными архивариусами Дженнифер Андерсон и Энн Уоллхайм, за помощь в работе с материалами по Борису Анрепу. Я в неоплатном долгу перед Робертой Ридер не только за подробнейшее исследование «Анна Ахматова: поэт и пророк» (1994), но и за ее помощь и дружбу. В 2004 году Роберта навестила меня в Лондоне и поделилась со мной списком книг, вышедших уже

после публикации ее собственной книги. В последние годы появилось много новых материалов, проливающих иной свет на жизнь Ахматовой. Среди таких книг мне бы хотелось особо отметить работу Вадима Черных «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой», дневники Николая Пунина, вышедшие на английском и русском языках, книгу Сергея Лаврова «Судьба и идеи», где появилась автобиография Льва Гумилева, а также «Воспоминания» Эммы Герштейн.

Я должна поблагодарить моего редактора Йона Тревина и его помощницу Анну Эрве, а также Линдена Лоусона, Маргарет Боди и Илзу Ярдли, проявлявших безграничное внимание к мельчайшим деталям. Я очень благодарна Писательскому обществу, грант которого позволил мне работать над этой книгой, а также обществу Уингейт Сколаршип, организовавшему мою поездку в Россию и Германию. Как всегда, я хочу поблагодарить моего верного и терпеливого секретаря Джейн Уинборн.

Хотя мы старались найти всех правообладателей, но если что-то от нас все же ускользнуло, мы будем благодарны за любую полезную информацию, чтобы учесть ее в последующих изданиях этой книги.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

В феврале 1918 года Россия перешла со старого юлианского на новый григорианский календарь, который уже был введен во всей Европе. Разрыв между двумя системами увеличился с десяти дней (в XVII веке) до двенадцати (в XIX веке) и тринадцати (в XX веке). Таким образом, 1 февраля 1918 года по старому стилю стало 14 февраля по новому. Годовщину большевистского переворота стали отмечать 7 ноября по новому стилю вместо 25 октября по старому.

Для удобства читателя все даты в книге приведены по новому стилю за исключением особо отмеченных.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1913

...И весь траурный город пыл
По неведомому назначенью. (1)

Ахматова

Позвольте мне начать с 1913 года. Блестящие и мрачные стихи, которыми начинается ахматовская «Поэма без героя», связаны с ее воспоминаниями о последних днях развращенного и пленительного мира. В поэме Ахматова приглашает гостей встретить новый, 1941 год. Зажжены свечи, сверкает хрусталь, искрится вино, но вместо гостей в дом поэтессы приходят ее умершие друзья в карнавальных костюмах, и начинается зловещая фантазмагория. И вновь перед поэтессой возникает Санкт-Петербург прошлого, когда ей было всего двадцать четыре года. Интересная молодая женщина уже стала известным поэтом, но все трагедии XX века ждут еще впереди.

В 1913 году Санкт-Петербург еще был столицей Российской империи. Над Зимним дворцом развевался черно-желтый флаг. По улицам катили элегантные экипажи, запряженные породистыми лошадьми. Лакеи в ливреях открывали дверцы карет и помогали дамам сойти. В городе уже появились первые трамваи. Иногда попадались даже автомобили. «Устрицы из Парижа, омары из Остенде, цветы из Ниццы!» У аристократов особенно популярен был «Английский магазин» на углу Невского, где, как позже вспоминал Владимир Набоков, «можно было купить всякие симпатичные, вкусные вещи — фруктовые

торты, нюхательные соли, грушевое мыло, игральные карты, картинки-головоломки, полосатые пиджаки, белоснежные теннисные мячи и футболки цветов Кембриджа и Оксфорда». (2) На солнечной стороне Невского проспекта книжные лавки бойко торговали книгами современных поэтов.

Построенный ниже уровня моря на берегу пасмурной Балтики, Санкт-Петербург всегда казался городом, построенным наперекор природе. Тысячи людей погибли от голода и болезней ради того, чтобы воплотить мечту Петра Великого об окне в Европу. Даже после того, как Петр объявил Санкт-Петербург своей столицей, в город по ночам забегали волки. Последнего волка видели в городе в 1712 году. Порой волки преследовали свою добычу даже при свете дня. Главной напастью Петербурга были наводнения. В 1721 году сам царь Петр чуть было не утонул на Невском проспекте. Это город пушкинского Медного всадника. Это город теней и фантомов Гоголя. Роскошь и бедность в Петербурге соседствовали бок о бок. Даже в 1913 году Петербург напоминал кошмарные видения Достоевского.

Ахматова называла Санкт-Петербург своей колыбелью, хотя родилась она не здесь. В автобиографических заметках она описывает улицы своего детства, где играли шарманки, бродили старьевщики и лудильщики, стояли дома всех оттенков красного цвета, веяло духами дам и сигарами проходящих мимо господ, а на черных лестницах домов пахло кофе, блинами, грибами, но чаще всего кошками.

В 1913 году праздновалось трехсотлетие дома Романовых. В феврале все главные улицы города были украшены гирляндами и портретами царствующих династий. Все это должно было производить неизгладимое впечатление на иностранцев и приехавших из

глубинки гостей. Зимний дворец сиял электрическими огнями. Подсветили и золотой шпиль Адмиралтейства, все его колонны, арки и двуглавых орлов. Роскошные наряды знати поражали воображение. В Мариинке давали патриотическую оперу Глинки «Жизнь за царя». Ложи сверкали бриллиантами. Большинство аристократов жили на Невском проспекте или неподалеку, череда балов и банкетов сменяла друга друга. В парках играли военные оркестры. Все прославляло монарха Николая II и величие его империи.

Февральским днем, когда начались юбилейные торжества, царская семья в открытом экипаже торжественно подъехала к Казанскому собору. Чтобы предотвратить теракты против царя во время его первого появления на публике после революции 1905 года, экипаж сопровождали два батальона конных гвардейцев. Гвардейцев выстроили и вдоль всего проспекта. Те, кто присутствовал на этой церемонии, были потрясены роскошью и блеском.

Но окраины Петербурга были рассадниками заразы. Фабрики сбрасывали отходы производства в реки и каналы. Каждые три года в городе вспыхивала эпидемия холеры. Уровень смертности был самым высоким из всех европейских столиц. Воду приходилось несколько раз процеживать и кипятить — только после этого она становилась пригодной для питья. Но рабочие не обращали внимания на такие предосторожности, из-за чего эпидемии тифа и холеры возникали снова и снова. В XIX веке с подобными проблемами столкнулся Лондон, и тогда там была проложена новая система канализации. Но в Петербурге вплоть до 1917 года не делалось никаких попыток улучшить ситуацию.

Николай считался помазанником Божиим. Крестьяне, обращавшиеся к нему за помощью, считали

его отцом, сочувствующим и сострадательным. Но за пределами огромной империи Николая еще было живо воспоминание о революции 1905 года. Тогда было осуждено множество радикалов, жестокие меры были применены в отношении этнических меньшинств, в основном поляков и евреев. Такую политику проводил премьер-министр Столыпин. Власти по-прежнему с подозрением относились к полякам и евреям, считая их главными заговорщиками.

В 1913 году началось дело Бейлиса. Абсолютно невиновного человека обвинили в ритуальном убийстве ребенка. И тем не менее Николай II пребывал в твердой уверенности, что народ его обожает.

Надо сказать, что Николай не обладал ни одним из качеств, необходимых для управления страной, находящейся в преддверии революции. Он был скромным, застенчивым человеком. Домашние оберегали его, как ребенка. Он прекрасно танцевал, отлично ездил верхом и великолепно говорил по-английски. Но вспомните, что сказал Николай, когда в возрасте сорока девяти лет умер его отец: «Что мне делать? Что будет теперь с нами, с Россией? Я не готов быть царем. Я ничего не понимаю в делах правления. Я даже с министрами не знаю как разговаривать». (3) Не пользовалась популярностью и его императрица. Она не любила бывать на людях. Юбилейные торжества были ей в тягость. Александра Федоровна не присутствовала даже на гала-концерте в Мариинском театре. Она взошла на русский трон в двадцать два года. В России ее всегда считали немкой, хотя, по сути, она была англичанкой. Мебель для Зимнего дворца она заказала в лондонском магазине «Маплас», не понимая, что та совершенно не соответствует классическому ампиру царской резиденции. Аликс и Нико-

лай называли друг друга английскими ласкательными именами «loveу» и «wifey».

Императрица страстно мечтала подарить России наследника, но до рождения царевича Алексея у нее родилось четверо дочерей. Впрочем, рождение цесаревича было омрачено трагическим известием — у мальчика обнаружилась гемофилия. И вскоре рядом с царицей появился загадочный человек — Григорий Распутин, обладавший таинственной силой, останавливающей кровотечение. Зафиксировано даже так называемое «чудо Спалы», когда кровотечение у Алексея прекратилось после получения телеграммы от Распутина. Распутин занял особое положение при царской семье. Ему несли подношения, взятки, он мог покорить любую женщину. Хотя говорили, что он не любителю появляться на людях, по слухам, Распутин проводил целые дни в банях и борделях с проститутками. Сплетни о его поведении еще более уменьшали популярность царской семьи. Но Николай не мог удалить Распутина от двора, поскольку императрица считала его единственным человеком, способным помочь ее мальчику.

Никто еще не понимал, что «серебряный месяц ярко над серебряным веком стыл». На 1913 год приходятся удивительные культурные события. В этом году появились первые части наиболее значительного русского модернистского романа «Санкт-Петербург» Андрея Белого и автобиографическая трилогия Максима Горького. В Петербурге действовали три оперных театра. Когда выступал Шаляпин, в Мариинский театр было невозможно достать билеты. По средам и воскресеньям давались балетные спектакли. На сцене в балетах Михаила Фокина блистали Анна Павлова и Вацлав Нижинский. Театральная жизнь Петербурга была весьма многообразной. Бок о бок действова-

ли традиционный императорский Александринский театр и модернистский театр Всеволода Мейерхольда. В кинотеатрах шли иностранные фильмы. Самой популярной русской киноактрисой того времени была Вера Холодная. Публика валом валила на любовные драмы с ее участием.

На период с 1908 по 1913 год приходится расцвет авангардного искусства в России. Футуристы устраивали уличные представления и поэтические вечера, на которых поражали всех экзотическими нарядами. Огромное влияние футуризм оказал на изобразительное искусство. (5) Но, вне зависимости от формы, многие поэты инстинктивно отвергали ценности общества, которое их окружало. Некоторые из них выступали за политические методы переустройства общества, но все же большинство русских поэтов до 1913 года считали, что мир поэзии един и всеобъемлющ.

На Михайловской площади на углу Итальянской улицы находился знаменитый подвальчик «Бродячая собака», принадлежавший актеру Борису Пронину. Чтобы попасть в «Бродячую собаку», нужно было спуститься по узкой каменной лестнице и войти в дверь настолько низкую, что мужчинам приходилось снимать шляпы. Все окна кафе были зашторены — попав сюда, нужно было забыть о внешнем мире. Низкие сводчатые потолки и стены художник Сергей Судейкин расписал яркими цветами и птицами. Художники и артисты приходили сюда после закрытия театров и засиживались до рассвета. Здесь подавали охлажденное шабли. Англоманы предпочитали белые булочки черному русскому хлебу. В «Собаке» всегда было многолюдно, накурено, хотя и не всегда весело. Богема жила собственной жизнью, словно не осознавая, что происходит за стенами подвальчика.

В 1913 году «Бродячая собака» была одним из немногих мест Санкт-Петербурга, где теплый прием находили художники, поэты и артисты, зачастую не имевшие денег. В отличие от парижских «Ла Куполь» или «Ду Магот» этот подвальныйчик не был традиционным кафе. «Бродячая собака» считалась клубом, где читались серьезные лекции, устраивались художественные выставки, проводились музыкальные вечера. Гости расписывались в толстенной книге, переплетенной в свиную кожу. Завсегдатаями «Собаки» были композиторы, художники, ученые. Порой сюда заглядывали и иностранцы — Рихард Штраус и итальянский футурист Филиппо Маринетти. Писатели и художники приходили бесплатно, тогда как обычные посетители, которых на жаргоне называли «фармацевтами», должны были платить по 25 рублей с человека. (***) у Георгия Иванова — 50 копеек и 3 рубля — «Петербургские воспоминания» ???)

«Те подчинялись: где еще можно было увидеть балерину Тамару Карсавину, танцующую на зеркале номера, поставленные Михаилом Фокиным, или наблюдать за поэтом Владимиром Маяковским, в позе раненого гладиатора возлежащим в своей полосатой кофте на огромном турецком барабане и торжественно ударяющим в него при появлении очередного причудливо размалеванного соратника по футуризму?» (6)

К четырем часам утра в «Собаке» клубился густой табачный дым, повсюду валялись пустые бутылки. Занятыми оставались лишь несколько столиков. В одном из ранних стихотворений Ахматова описывала это удивительное место с его неповторимой атмосферой:

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам. (7)

Здесь были позволены любые эксперименты, в том числе и сексуальные. Гомосексуальные отношения и брак втроем не вызывали осуждения у интеллигенции.

Анна Ахматова тоже стала частью этого сексуально неразборчивого общества, хотя 25 апреля 1910 года она вышла замуж за Николая Гумилева. На склоне лет она назвала их совместную жизнь «браком чужих», а он сам писал о том, что «взял не жену, а колдунью».

Музыканты играли на рояле. Артура Лурье тогда считали подающим надежды молодым композитором. (8) Илья Сац, прославившийся своей работой в Художественном театре Станиславского в Москве, иногда экспериментировал с «подготовленным» фортепиано, под струны которого подкладывались разные предметы. Позже такие же эксперименты проводил американский композитор Джон Кейдж. У Саца были густые черные волосы и моржовые усы. В «Собаке» он написал свою самую значительную вещь — «Пляску нимф и козлоногих». Символисты, футуристы, акмеисты собирались за крохотными столиками «Собаки», забывая о своих творческих баталиях. Конечно же, здесь бывали и поэты: Владимир Маяковский в знаменитой желтой кофте, Михаил Кузмин и Осип Мандельштам — худой юноша с длинными черными ресницами, с неизменным цветком в петлице. В углу часто курила Ахматова в узкой юбке, с шарфом, брошенным на плечи, в черных агатовых бусах. Ее всегда окружали поклонники. Знаменитый Александр Блок находил красоту Ахмато-

вой странно пугающей. Мандельштам называл ее «черным ангелом» со странной печатью Господней.

Поднимаясь на сцену читать свои стихи, Ахматова полностью преображалась. Она бледнела, взгляд ее становился пристальным и глубоким, словно она пыталась загипнотизировать слушателей. Ее голос буквально завораживал. Художник Юрий Анненков писал: «Я не помню никого другого, кто владел бы таким умением и такой музыкальной тонкостью чтения, какими располагала Ахматова».

Георгий Адамович вспоминает: «Нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица. Никогда не приходилось мне видеть женщину, лицо и весь облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, неподдельной одухотворенностью, чем-то, сразу приковывавшим внимание...» (9)

Многие художники пытались передать эту «неподдельную одухотворенность» в портретах Ахматовой, среди которых выделяется портрет работы Натана Альтмана. Ахматова всегда двойственно относилась к этому знаменитому портрету, где она изображена в синем платье с ярко-желтой шалью. Ей всегда больше нравился портрет Александра Тышлера.

Центральной фигурой кабачка была актриса Ольга Глебова-Судейкина. Ольга танцевала в Малом театре и играла Коломбину в постановке «Шарф Коломбины» у Всеволода Мейерхольда. Ее исполнение «Пляски нимф и козлоногих» у Ильи Саца было невероятно эротичным. Ольга играла также Деву Марию в «Полете Девы Марии с младенцем в Египет» по пьесе Михаила Кузмина. Музыка к этому спектаклю также написал Илья Сац.

В «Поэме без героя» Ольга появляется с черным белым веером в руке. Она шепчет о вечной весне и

пробуждает воспоминания об ушедшей юности. Ахматова называет Ольгу «своим двойником», но физически эти женщины совершенно не походили друг на друга. У Ольги были длинные белокурые косы, «как у Мелисанды», по словам Артура Лурье. Ольга была очаровательна, красота же Ахматовой совершенно иного рода. Она была элегантна, чуть угловата, стройна. У нее высокие скулы, большие серые глаза и нежный абрис губ, черные волосы всегда зачесаны назад и собраны в низкий пучок. Лоб закрывала челка. Черты лица Ахматовой отличались классическим совершенством, хотя по сегодняшним меркам ее орлиный нос вряд ли вызвал бы восхищение. «Ее лицо и вся ее внешность были поразительны. Когда она стояла на сцене и шаль спадала с ее плеч, она излучала странное хладнокровное достоинство, которое гармонично дополняло ее образ». (10)

Даже украшения идеально вписывались в этот образ. Бабушка Ахматовой оставила ей черное кольцо, гладкое и покрытое золотой эмалью. В центре сверкал небольшой бриллиант. Анна всегда считала, что оно обладает магической силой и защищает своего владельца.

В «Петербургской повести» «Коломбина десятых годов» живет в квартире, обставленной в стиле Ольгиного дома:

Дом пестрей комедьянтской фуры,
 Облупившиеся амуры
 Охраняют Венерин алтарь.
 Певчих птиц не сажала в клетку,
 Спальню ты убрала, как беседку... (11)

Ольга всегда тяготела к итальянской комедии масок. И это удивительно, потому что родилась она в Пскове и прадед ее был крепостным. Отец Ольги служил мелким чиновником, точно таким, о которых

писал Достоевский. Не все находили ее интересной. Жена Осипа Мандельштама, Надежда, писала о ней довольно недоброжелательно, называла ее одной из «кукол» Санкт-Петербурга и отмечала ее неестественный, изможденный вид, хотя и признавала, что она была «милым, легкомысленным, воздушным созданием». (12) Вера де Боссет, позднее ставшая женой Игоря Стравинского, увела у Ольги мужа и вышла замуж за Судейкина. Об Ольге она отзывалась довольно презрительно: «Актриса она была никакая, петь и танцевать не умела и вообще была довольно пустая особа, которую мало что интересовало, кроме ухажеров». (13) Но вот Артур Лурье отмечал, что Ольга была исключительно музыкальна, у нее были чарующий смех и игривые манеры. Ей нравилось самой делать кукол. Свои сокровища — Дон Жуана, Царицу Ночи и Дездемону — она хранила в специальных коробках и доставала только для того, чтобы показать гостям. Ольга обожала гулять по Александровскому рынку, где можно было купить старинный фарфор и разные безделушки — табакерки и миниатюры. Ей нравилось приходить в знаменитый «театральный дом» Озаровского. Этот изящный маленький дом был обставлен мебелью елизаветинской эпохи из карельской березы, здесь стояли клавесины, висели венецианские зеркала... Ольга обладала прекрасным слухом и великолепной музыкальной памятью. Она могла спеть все что угодно, лишь раз услышав. (14)

Осип Мандельштам часто присаживался за столик Ахматовой. Он великолепно читал собственные стихи. Ахматова, не любившая слушать поэтов, в конце жизни говорила Анатолию Найману: «Все мы читали стихи, а потом начинал читать Мандельштам, и это было, словно взлетал белый лебедь». (15) Мандельштам всегда называл себя разночинцем-интел-

лектуалом, не принадлежащим ни к одному общественному классу. Он родился в Варшаве в 1891 году. Его отец, Эмиль, торговал кожами¹. Будучи разночинцем, Мандельштам с легкостью вписался в круг заведомо «Бродячей собаки». Он часто влюблялся. Впрочем, Ахматова отрицала, что Мандельштам был влюблен в нее, предпочитая считать его лишь другом. Ей Осип рассказывал о своей страстной влюбленности в красивую художницу Анну Михайловну Зельманову-Чудовскую, великую поэтессу Марину Цветаеву и княгиню Саломею Андроникову, близкую подругу Ахматовой².

Но для большинства поклонников творчества Ахматовой две ее первые книги печально свидетельствовали только о неразделенной любви. «Молодежь двух или трех поколений влюблялась, так сказать, под аккомпанемент стихотворений Ахматовой, находя в них воплощение своих собственных чувств», — вот как написал о первой книге Ахматовой «Вечер» (1912) известный писатель и переводчик Корней Иванович Чуковский. Никто так и не узнал, кому именно адресованы эти печальные стихи. Она никогда не показывала своих чувств окружающим.

Под сводчатыми потолками «Бродячей собаки» Ахматова была признанной королевой. Цветаева, вспоминая Ахматову 1913 года, писала о ней:

¹ Родным языком Эмиля был немецкий. В его библиотеке книги Гете и Шиллера соседствовали с еврейскими книгами на иврите. Его жена прекрасно говорила по-русски. Именно она устроила так, что ее сыновья, и Осип в том числе, получили образование в Тенишевской школе, одной из лучших в Санкт-Петербурге.

² Профессор Валентина Полухина однажды спросила Саломею, почему она всегда отказывала Мандельштаму. И та ответила: «Но, Валентина, он же был так некрасив!»

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии. (16)

Чтение Ахматовой произвело на Цветаеву столь глубокое впечатление, что позднее она посвятила ей целый цикл стихотворений. А пока она просто спрашивала:

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный — темен — лоб
Юного демона. (17)

СТАТЬ АХМАТОВОЙ

Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому никогда не отдам я его. (1)

Ахматова

Анна Ахматова изобрела себя сама. Отец не позволял ей писать стихов, поскольку боялся, что они могут его скомпрометировать. И тогда Анна в качестве псевдонима взяла себе фамилию татарской княжны, своей прабабушки по материнской линии. Иосиф Бродский назвал выбор имени «первой поэмой» Ахматовой.

Анна Андреевна Горенко родилась в канун дня Ивана Купалы, 23 июня 1889 года, на побережье Черного моря под Одессой (Большой Фонтан). По народному поверью, в ночь накануне Ивана Купалы силы добра и зла вступают в противоборство. Даже Церковь терпеливо сносила своеобразный ритуал очищения — например, прыжки через костры — в эту ночь. Суеверия, связанные с днем Ивана Купалы, были сильны даже среди интеллигенции. Анна всю жизнь считала, что наделена опасной силой.

Анна была третьей дочерью морского инженера Андрея Горенко и его второй жены, Инны. В 1882 году Андрею Горенко было предложено оставить пост преподавателя Морского училища в Санкт-Петербурге, поскольку он был близко знаком с лейтенантом Никитенко. Политические взгляды Никитенко были крайне радикальны. Он изготовил бомбу, которая впоследствии была использована для убийства одного

из членов царской семьи. Никитенко судили и повесили. Горенко не мог никоим образом участвовать ни в создании бомбы, ни в ее использовании и поэтому всего лишь лишился работы — на удивление легкое наказание.

Уйдя в отставку в ранге капитана, Андрей Горенко в 1890 году занял скромную должность на гражданской службе. Семья переехала сначала в пригород Санкт-Петербурга, Павловск, а затем в небольшой городок Царское Село, где императорская семья проводила лето.

Царское Село считалось летним аристократическим курортом. Здесь размещались гвардейские полки. Здесь красовался императорский дворец, построенный в 1752 году архитектором Растрелли для царицы Елизаветы. Николай II и его супруга использовали дворец для официальных приемов и банкетов.

Брак родителей Анны был не первым для обоих. От первого брака у Горенко было двое детей. Андрей Горенко был дворянином, хотя лишь во втором поколении. Его отцу был пожалован дворянский титул в благодарность за службу на флоте. Во втором браке у Горенко родилось шестеро детей. Андрей и Инна были старше Анны. Ирина родилась в 1892 году, Ия — в 1894, а Виктор — в 1896. Дети не отличались крепким здоровьем. Инна была очень болезненной девочкой. Ирина, которую в семье звали Рикой, умерла летом 1896 года, когда ей исполнилось всего четыре года. Позднее Ахматова призналась своему первому биографу, Аманде Хейт, что это событие омрачило все ее детство.

Анна с печалью вспоминала о своих сестрах, и в особенности о старшей, Инне, которая умерла в 1906 году в возрасте двадцати семи лет: «Инна была очень особенная, суровая, строгая... Она была такой,

какую читатели всегда представляли себе меня и какую я никогда не была». (2) Инне никогда не нравились стихи Анны, она считала их слишком легкомысленными. А мать проявляла большую чуткость. Прочитав стихи дочери, Инна Эразмовна неожиданно заплакала и сказала: «Я не знаю, я вижу только, что моей дочке — плохо». (3)

Зимой 1900 года, когда семья Горенко жила в Царском Селе, Анна тяжело заболела, по-видимому, оспой. Тогда, в возрасте одиннадцати лет, она и написала свое первое стихотворение и с тех пор всегда связывала свой поэтический дар с этой болезнью: «Удивительно то, что, когда я еще не написала ни строчки, все кругом были уверены, что я стану поэтессой. А папа даже дразнил меня так: декадентская поэтесса...» (4) Всю жизнь Ахматова отрицала тот факт, что детство оказало какое-то влияние на ее личность. На вопрос, было ли ее детство несчастливym, она отвечала очень просто: «Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастны». (5) И тем не менее, внутренняя меланхолия ее поэзии кажется самым тесным образом связанной с юностью поэтессы.

Семью Горенко нельзя было назвать гармоничной. Отец Анны всегда отличался красивой наружностью. Он прекрасно одевался, носил цилиндр, слегка сдвинутый набок. Мать Анны, Инна Эразмовна, происходила из семейства Стоговых. Когда-то Стоговы были богатыми и знатными землевладельцами, но их богатство осталось в прошлом. Первый муж Инны, Змунчилла, был намного старше ее. Вскоре после свадьбы он застрелился. Инна влюбилась в красивого молодого Андрея Антоновича Горенко, вышла за него замуж и жила счастливо до тех пор, пока не поняла, что ее новый муж был, по словам ее младшего сы-

на, Виктора, «страшный мот и вечно увивался за женщинами». (6)

Мать Анны слыла прекрасной женщиной. Всю жизнь Ахматова вспоминала о ней с огромной любовью. Анатолий Найман, познакомившийся с уже молодой Ахматовой, вспоминал, что при упоминании о матери лицо Анны Андреевны сразу же смягчалось. (7). В первой «Северной элегии» Ахматова так написала о своей матери:

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
Средчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни. (8)

Однако Евгений Рейн, также хорошо знавший Ахматову на закате ее жизни, замечал: «Ахматова всегда говорила о том, что ее мать была нежной, доброй женщиной, но, как я понимаю, они не были близки после того, как Анна оставила дом». (9)

Школьная подруга Ахматовой, Валерия Тюльпанова (в замужестве Срезневская), вспоминала великолепную фигуру Инны Эразмовны, ее вечно падающее пенсне и абсолютную неспособность к домашним делам. Мать Ахматовой была безнадежно непрактична. Имея множество прислуги, она не могла организовать нормальную жизнь в доме. Даже разжечь плиту было выше ее сил. Судя по всему, непрактичность Ахматовой и ее неспособность справляться с самыми простыми бытовыми проблемами явно была наследственной. Отец же Анны терпеть не мог беспорядка и очень ядовито критиковал жену.

Горенко не принадлежали к художественной интеллигенции, хотя тетя деда Анны по материнской линии была первой русской поэтессой. Ее звали Ан-

на Бунина. Андрей и Инна исповедовали либеральные взгляды, знали наизусть стихи Некрасова, исполненные сочувствия к страданиям простого народа. Книга стихов Некрасова, которая, по воспоминаниям Анны, была единственным поэтическим сборником в доме, была подарена Инне Эразмовне ее первым мужем¹. И Андрей, и Инна восхищались героизмом жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь. Оба симпатизировали движению народолюбцев, несмотря на то что это движение было весьма радикальным и осуществило несколько политических убийств.

Несмотря на политические взгляды, Инна Эразмовна оставалась искренней христианкой. Анна вспоминала, как ее мать в Прощеное воскресенье приходила на кухню, кланялась слугам и говорила: «Простите меня, грешную». Слуги тоже кланялись, прощали хозяйку и, в свою очередь, просили прощения у нее.

Семья Горенко никогда не принадлежала к петербургской элите. Высшая знать жила на Невском и Литейном проспектах. Горенко же поселились всего лишь в Царском Селе. Хотя Анна не могла попасть в царские дворцы, она любила гулять по прекрасным дворцовым паркам. Школьнице нравилось представлять, что когда-то по этим же садам гулял молодой Александр Пушкин:

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов. (10)

Для Анны Царское Село было неотделимо от Пушкина, который когда-то учился здесь в Царскосельском лицее. Ей нравилось, что местные жители ни-

¹ По крайней мере, так говорила Ахматова Лидии Чуковской 25 июня 1940 года.

когда не одевались экстравагантно, предоставляя это право женам адвокатов и врачей. Царское Село вдохновляло многих поэтов — от Лермонтова до Иннокентия Анненского.

В базарные дни на рыночной площади Царского Села устанавливали деревянные столы, где горами были свалены отрезки тканей и различная домашняя утварь. Крестьяне привозили на продажу картофель, лук и капусту. Чуть дальше от центра города тянулись деревянные домики, чаще всего одноэтажные, окруженные деревянной изгородью. Семья Горенко жила вдали от парадных дворцов, в темно-зеленом деревянном доме, выходящем на Широкую улицу. Когда-то в этом доме содержался трактир, и запах молока, хранившегося в подвалах, поселился здесь надолго. По крайней мере, так запомнила Ахматова. Напротив дома Горенко, в Безымянном переулке, приютилась лавка сапожника.

В комнате Анны стояла железная кровать, столик и этажерка для книг. Медный подсвечник, в красном углу — икона. Окно выходило в небольшой переулок, зимой занесенный снегом, а летом зараставший сорняками. Ахматова называла себя «чудовищем», а соседи прозвали ее «дикой девочкой». Анна была настоящим сорванцом. Она плавала, как рыба, и могла забраться на любое дерево не хуже бродячей кошки. Летом семья отправлялась на Черное море. Анна целыми днями бродила с непокрытой головой, босиком и купалась в одном лишь тоненьком платице, надетом на голое тело. Другие девушки, отправляясь на пляж, должны были надевать корсет и лиф, две нижние юбки (причем одна была крахмальной) и шелковое платье. Надев резиновые тапочки и специальную шапочку, они могли немного поплескаться у берега. Анна же ныряла в море и уплывала часа на два.

Иногда она сидела на камнях, как русалка. Ее платье, высыхая, становилось жестким от выступившей на нем соли.

Много позже, в 1914 году, Ахматова написала поэму «У самого моря», рассказав о своей юности, о любви к прекрасному царевичу и о разочаровании, постигшем ее, когда оказалось, что влюблена она в простого смертного. Удивительное обаяние поэмы кроется в искренности воспоминаний о детстве. Ахматова великолепно передает ощущение свободы и беззаботности, бесконечное счастье, почувствовать которое можно только в детстве. Героиню поэмы окружает теплое море, чайки, паруса. Она собирает гильзы, оставшиеся после войны, «как собирают грибы и чернику». Она представляет себе влюбленного сероглазого мальчика, который дарит ей белые розы. Интересно, что предложение руки и сердца связывается у героини с возможностью покинуть провинциальный мир.

...Он сказал, — скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север... (11)

Цыганка нагадала героине любовь царевича, но ее пророчество оказалось горьким. Царевич приплыл за своей возлюбленной, корабль перевернулся, и он утонул.

Анна с раннего детства была лунатиком, что очень беспокоило родителей. Во сне она могла даже выйти на крышу дома. Однажды ее обнаружил там отец и принес домой на руках. Подобно многим, кто обнаруживает, что окружающие считают их странными, Анна очень рано начала считать себя особенной. Как-то раз она привела в полнейший ужас собственную мать, заявив, что дача, которую они снимали на Украине, когда-нибудь будет украшена мемориальной доской в ее честь. Сейчас это действительно так, но в

то время Инна Эразмовна была шокирована нескромностью и дурными манерами дочери.

Анна очень точно запомнила все случаи, которые предвещали ей необычную судьбу. Няни и гувернантки сыграли в убежденности девочки большую роль. Когда Анне было всего пять лет, семья Горенко отдыхала в курортном городке Гунгербурге. Там девочка нашла необычный «царь-гриб». Суеверная няня из Калуги сочла это счастливым предзнаменованием. Позднее, уже в Киеве, в Царском саду Анна нашла булавку в форме лиры. Гувернантка сказала, что девочка обязательно станет поэтессой. (12)

Мать не уделяла особого внимания воспитанию дочери. Анна росла совершенно не так, как Марина Цветаева. (13) Читать она научилась в семь лет по «Азбуке» Льва Толстого. В возрасте десяти лет ее отдали в царскосельскую гимназию. К тринадцати годам Анна была страстно увлечена поэзией, зачитывалась стихами Александра Блока.

С 1900 года Анна посещает Мариинскую гимназию в Санкт-Петербурге. Ученики не слишком увлекались поэзией и считали Анну замкнутой горячкой. Подруга Анны, Валерия, тоже называла ее «ничем не примечательной, довольно тихенькой и замкнутой». (14) Хотя сама Валерия была весьма общительной и жизнерадостной, девочки подружились. Этому способствовало и то, что их семьи жили в Царском Селе в одном доме. Девочки вместе играли в большом красивом саду. Валерия очень скоро поняла, что Анна отнюдь не столь «непримечательна», как показалось ей на первый взгляд. Анна не только писала стихи, но еще и читала запрещенные книги. К тринадцати годам она уже знала всех *poetes maudits* (проклятых поэтов), в том числе Верлена и Бодлера.

На снимках Анны в шести-семилетнем возрасте

мы видим девочку с полным лицом и короткими волосами. К четырнадцати годам детская пухлость почти совсем исчезла. Анна превратилась в красавицу с точеными чертами лица, огромными серыми глазами и длинными прямыми черными волосами. У нее была фигура балерины. В подростковом возрасте Анна была очень высокой и гибкой настолько, что с легкостью могла пяткой коснуться затылка. (15) Валерия неожиданно заметила, что подруга начала проявлять интерес к собственной внешности.

Не все ученики Мариинской гимназии были одинаково богаты. Богатым в полдень приносили обед на серебряных подносах. Анна к привилегированному кругу не принадлежала, но тем не менее вела себя как истинная аристократка. К тому времени она уже обрела внутреннее спокойствие, хотя лунатизм свидетельствовал о том, что в ее жизни не все было гладко, что неудивительно, если принять во внимание разлад между родителями и болезни сестер.

Лидия Чуковская, ставшая впоследствии близкой подругой Ахматовой, считала, что уязвимость, беспомощность и слабость Анны Андреевны уходят корнями в ее одинокое детство. Анна выросла и не могла не понимать, что родители давно уже не близки между собой.

В 1902 году отец зачислил Анну на полный пансион в Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Ей предстояло учиться в Смольном институте в Петербурге. Это учебное заведение славилось суровой дисциплиной. Проведя там несколько недель, Анна была отчислена. Скорее всего, это произошло из-за того, что Анну застали бродящей во сне по институтским коридорам.

Отца Анна видела гораздо реже, чем мать, хотя он иногда брал ее в Петербург — в оперу и в Эрмитаж.

Но внебрачные связи отца были у всех на слуху. В Царском Селе сплетничали о том, что некий Леонид Галахов — его внебрачный сын.

Осенью 1904 года старшая сестра Анны, Инна, вышла замуж за Сергея фон Штейна, филолога, специалиста по Пушкину. Поэт Иннокентий Анненский, приходившийся фон Штейну родственником через свою невестку, замечал: «На его месте я бы женился на младшей дочери». Этот комплимент Анна запомнила на всю жизнь. В рукописи мемуаров Срезневской эта фраза записана рукой самой Ахматовой. (16)

Анна страстно жаждала любви, и жажда эта выплеснулась в стихотворении 1904 года, посвященном «А.М.Ф.». По-видимому, под этими инициалами скрывается Александр Федоров, одесский писатель, о котором Анна весьма неромантически писала фон Штейну. Поцелуи Федорова слишком уж пахли обедом. Но в стихотворении эти поцелуи становятся нежными и возбуждающими. Ахматовой был нужен учитель поэзии. Позднее таким учителем стал Анненский, способный увидеть психологическую глубину в самых обычных событиях повседневной жизни. Его стихи Анна и Валерия впервые прочли еще в школе и навсегда запомнили речь, произнесенную Анненским в 1899 году на открытии памятника Пушкину.

1905 год стал для Анны переломным. Она связывала это с поражением русского флота, уничтоженного японцами при Цусиме. Это был год революции и репрессий. Той зимой Анна впервые услышала пушечные выстрелы. Но революцию 1905 года она воспринимала со стороны. (17) Анна ничего не знала о жизни в рабочих кварталах Петербурга, где не было воды, а нечистоты собирали на задних дворах и вывозили раз в день. Хотя Анна не видела всех этих ужасов, она не могла не видеть шпиля Петропавловской

крепости, где томились узники царизма. Порой их содержали в камерах настолько маленьких, что они не могли ни сидеть, ни лежать. (18)

День 9 января 1905 года вошел в историю как Кровавое воскресенье. Сто пятьдесят тысяч безоружных рабочих во главе с попом Гапоном с крестами и иконами, распевая гимны, направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить свою петицию царю. Царя в тот момент во дворце не было, он находился в Царском Селе. Охрана дворца петицию не приняла. Мирная демонстрация была расстреляна и растоптана кавалерией. В тот день было убито и ранено около 4600 человек. Вслед за этим по всей стране прокатилась волна восстаний и демонстраций. Власть подавила народные выступления с чудовищной жестокостью.

В том году Анна с матерью жила на Черном море, в Евпатории, вдали от революционных событий. Но семья Горенко не могла не знать о происходящем в стране. В русской глубинке царили бедность, жестокость и болезни. Даже в XX веке восемьдесят процентов населения страны составляли крестьяне. К женщинам в деревнях относились совершенно поварварски. Мужья жестоко избивали жен. Возникла даже поговорка: «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее». В деревне существовали и более жестокие наказания. Провинившуюся женщину могли привязать к телеге и протащить по всей деревне. Страдали не только женщины. Преступников забивали палками до смерти. (19) Царь на протяжении долгих лет спокойно наблюдал за ростом национализма в огромной империи. Особенно сильны в те годы были притеснения евреев, которых обвиняли в причастности к убийству Александра II.

Революция 1905 года стала переломным момен-

том. Основной причиной ее стали длительные неурожайи, из-за чего в стране возникла угроза голода. Царь не препятствовал жестокому подавлению бунтов и погромов. Семья Горенко тоже не была счастлива. Весной 1905 года, поссорившись с великим князем Александром Михайловичем, отец Анны решил уйти в отставку. В сентябре 1905 года сестру Анны, Инну, поместили в туберкулезный санаторий. 15 июля 1906 года Инна умерла. За свою короткую жизнь Анна потеряла уже двух сестер, и это глубоко на нее повлияло. В письме к фон Штейну она признается в том, что пыталась покончить с собой: «Говорил Вам Андрей, как я в Евпатории вешалась на гвоздь и гвоздь выскочил из известковой стенки? Мама плакала, мне было стыдно — вообще скверно». (19*) В этом же году родители Ахматовой окончательно расстались.

Главной причиной развода стало увлечение Андрея Горенко Еленой Ивановной Страннолюбской, вдовой контр-адмирала А. Н. Страннолюбского. (20) Именно она убедила его отправить семью в Крым, поскольку крымский климат полезен для легких. Андрей переехал к Елене, а его жена и дети отправились на юг. Хотя Инна Эразмовна старалась ничем не выдать своих чувств, Анна не могла не почувствовать ее боли. Странная готовность Ахматовой принимать несчастье и распад собственных браков могла быть связана с тем смирением, с каким ее мать восприняла роль брошенной жены. Любовницу отца Ахматова называла «настоящей горбуньей». Это было несправедливо. Елена была необыкновенной женщиной. Она окончила Оксфордский университет. Ей хотелось, чтобы Андрей Горенко стал ее безраздельной собственностью. Вся жизнь у самой Анны складывались непростые отношения с женами своих лю-

бовников, так что неудивительно, что у нее не нашлось доброго слова для любовницы отца.

Судя по письмам, Анна была глубоко уязвлена тем, что отец оставил семью. «Уважать отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться». (19) Ахматова часто говорила о том, как ненавидела, когда отец начинал кричать. Она вспоминала его брюзжание и скупость. Он даже отказался дать дочери денег на новое пальто.

Самым значительным событием 1905 года в жизни Анны стала потеря девственности. Весной 1905 года она влюбилась во Владимира Викторовича Голенищева-Кутузова (21), студента Петербургского университета. Он был на десять лет ее старше. Она позволила ему соблазнить себя, а когда он вернулся в университет, страшно страдала. Зимой 1905 года Анна была в Евпатории. В 1906 году она приехала в Киев, чтобы сдать экзамены в Фундуклеевскую гимназию. Анна поселилась с теткой. После смерти Инны, находясь вдали от семьи и друзей, оставшихся в Царском Селе, она чувствовала себя очень одинокой.

Именно на юге, когда Анне было чуть больше тринадцати, поэт Николай Гумилев понял, что влюблен в нее. Это была не первая их встреча. Николай со старшим братом встречал Анну и Валерию Тюльпанову по дороге из школы в Царском Селе. Гумилева поразила серьезная девочка. Он стал часто встречаться с ней, словно случайно. Иногда они встречались на вечерах, устраиваемых Инной и фон Штейном. На Анну Гумилев сильного впечатления не произвел. Николай был совершенно обыкновенным, слегка шепелявил, смотрел в сторону.

Гумилев не был красив, но обладал интересным складом ума. Его привлекали литература и приключения. Он разделял многие интересы Анны — увле-

кался поэзией символистов и творчеством Александра Блока. Других мужчин Ахматова любила более страстно, чем Гумилева, но его жизнь и смерть тесно переплелись с ее жизнью. Гумилев стал отцом ее единственного ребенка.

Николай Гумилев родился 3 апреля 1886 года в Кронштадте. Его отец был корабельным врачом. Мать на восемнадцать лет моложе мужа. Когда отец вышел в отставку, семья поселилась в Царском Селе. Николай, как и Анна, жил не среди дворцов и роскошных павильонов, а на окраине, где селились многие отставные военные.

В детстве Николай был очень близок с матерью. Именно она приучила его к чтению. Из-за слабого здоровья до десяти лет Коля учился дома, затем семья переехала в Петербург, и мальчик поступил в гимназию Гуревича. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Его увлекала даже астрономия. К тринадцати годам он уже читал в переводах Мильтона, Кольриджа и Ариосто и, конечно, книги русских классиков.

Когда Коле исполнилось четырнадцать лет, семья переехала в Тбилиси. Кавказ вдохновлял многих русских поэтов XIX века. В 1903 году Гумилев открыл для себя Ницше и решил посвятить жизнь поэзии. Первые стихи он опубликовал в октябре 1905 года за свой счет.

В гимназии Гумилев одевался щегольски. Одноклассники постоянно говорили о его высокомерии и частых нарушениях школьных правил. Удивительное поведение для мальчика, который считал себя уродливым и еще не состоялся как поэт. Одним из тех, кто с пониманием относился к его стремлению стать поэтом, был директор гимназии поэт Иннокентий Анненский, стихами которого через несколько лет

будет восхищаться юная Ахматова. Анненский был не только прекрасным учителем. В его школе практически отсутствовала дисциплина. Его не беспокоило то, что большая часть учеников прогуливает уроки. Анненский был отличным переводчиком и писал прекрасные стихи. Он не жалел времени на то, чтобы ободрить начинающего писать Гумилева.

Впервые Гумилев признался Анне в любви на Пасху 1905 года. Его чувство было достаточно серьезным, чтобы, получив отказ, впасть в глубокую депрессию. Он даже пытался покончить с собой. Анна была столь напугана нежеланной ответственностью, которую возлагало на нее поведение Гумилева, что окончательно рассорилась с ним. Они не встречались вплоть до весны 1906 года. Всю осень Ахматова жила в Киеве. Несмотря на то что она давно не видела Голенищева-Кутузова, вернувшегося в Петербург, в письмах к фон Штейну Анна продолжала твердить о своей любви. Она умоляла зятя прислать ей фотографию любимого. Спустя какое-то время Сергей неохотно уступил просьбам девушки.

11 февраля 1907 года Анна пишет фон Штейну письмо, в котором благодарит его за присланную фотографию. По ее описанию Голенищев-Кутузов очень похож не только на героев ее стихов, но и на тех мужчин, к которым ее всегда влекло: «Я пять месяцев ждала его карточку, на ней он совсем такой, каким я знала его, любила и так безумно боялась: элегантный и такой равнодушно-холодный». (22) В том же письме Анна пишет: «Я не могу оторвать от него душу мою. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви». Возможно, упоминание об «отравлении» несколько мелодраматично, но состояние здоровья Анны в тот момент действительно стало важным. Потерять первую любовь сразу после того,

как из семьи ушел отец, было очень тяжело. Всю жизнь Ахматова ожидала, что ее бросят, и эти ожидания отразились в ее стихах.

Павел Лукницкий пишет о том, что в Севастополе на даче Шмидтов Анна призналась Гумилеву в том, что более не девственница. (23) Возможно, именно это и послужило причиной серьезной попытки самоубийства, предпринятой Гумилевым в августе 1907 года в Париже. (24)

Гумилеву шел двадцать первый год. Он был очень застенчив, хотя ничего не боялся. Его страсть к приключениям была не слабее страсти к литературе. В 1907 году он совершил первое путешествие в Стамбул. Деньги на поездку он сэкономил из сумм, ежемесячно присылаемых ему родителями. По пути домой Гумилев, переполненный впечатлениями, остановился в Киеве, в дешевой привокзальной гостинице. Ему хотелось снова увидеть Анну. На этот раз их встреча была более дружеской: они говорили о поэзии и об оккультных тайнах.

Гумилев находился в состоянии постоянного возбуждения. В письме к поэту-символисту Валерию Брюсову он с явной бравадой описывает свой роман с гречанкой в Смирне и стычку с бандитами в Марселе. Несмотря на любовь к Анне, у него продолжают романы с другими женщинами. В «Башне» Вячеслава Иванова Гумилев познакомился с поэтессой Елизаветой Дмитриевой. В 1909 году между ними завязался роман. Гумилев отправился вместе с ней в Крым, к Максимилиану Волошину. Там Гумилев сделал Дмитриевой предложение, но, к своему глубокому разочарованию, получил отказ. Когда он приехал к Анне, в то время жившей в небольшом городке возле Одессы, она почувствовала в его поведении какую-то неискренность. После неудачной попытки изда-

вать вместе с Алексеем Толстым журнал «Остров» (вышел только один номер) Гумилев сблизился с Сергеем Маковским. Группа литераторов начала выпускать журнал «Аполлон», очень скоро ставший одним из наиболее влиятельных журналов того времени.

Тем временем Дмитриева и Волошин объединили творческие усилия. Они изобрели таинственную поэтессу, Черубину де Габриак, и стали от ее имени посылать стихи в журнал «Аполлон». Маковский был заинтригован. Его интерес подогревало и то, что поэтесса упорно отказывалась от личной встречи. Вскоре авторство Дмитриевой было раскрыто, но эта шутка могла иметь серьезные последствия. Маковский предпочел стихи Черубины произведениям Анненского. Ахматова всегда считала, что это оскорбление и стало причиной смерти Анненского, последовавшей через месяц. Гумилев был в ярости от того, что Дмитриева с Волошиным дурачили его.

Опубликовав свой первый поэтический сборник, Гумилев сразу же отправил книгу Брюсову. Брюсов оставался его наставником и ментором даже в Париже, когда он слушал курс французской литературы в Сорбонне. В Париже Николай был очень одинок, несмотря на то что в то время там жили брат Анны, Андрей, и Алексей Толстой. Однако поведение снобов выводило его из себя. Неподалеку от Гумилева жил Константин Бальмонт. Гумилев отправил ему письмо, но Бальмонт не потрудился ответить. Не сложились отношения и с Зинаидой Гиппиус, хотя Гумилев привез в Париж рекомендательное письмо к ней, написанное Брюсовым.

С гривой рыжих волос, зелеными глазами и бесстрастным, всегда напудренным лицом, Зинаида Гиппиус представляла собой весьма экзотическую фигуру и безраздельно властвовала в своем литературном

салоне. В этом доме Гумилева ждал самый недоброжелательный прием. Позднее Брюсов интересовался у Гиппиус, приходил ли к ней молодой поэт. Гиппиус ответила более чем откровенно: «Да видели ли вы его? Мы прямо пали. Боря (Андрей Белый) имел силы издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, вид бледно-гнойный, сентенции старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. <...> После того, как он надел цилиндр и удался, я нашла номер «Весов» с его стихами, желая хоть гениальностью его строк оправдать ваше влечение, и не могла». (25)

Переписка Анны с фон Штейнгом продолжалась и в 1907 году. Сергей явно был обескуражен, получив 2 февраля 1907 года такое известие: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю». (26) Через несколько дней, 11 февраля, она снова пишет о своей безответной любви к Кутузову, но затем заявляет: «Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей». (27)

Жизнь Анны была нелегкой. По письмам к фон Штейну можно понять, что Инна Эразмовна после расставания с мужем была весьма стеснена в средствах. Из-за отсутствия денег им не удалось приехать в Петербург на Рождество, о чем Анна так мечтала. Тем не менее отец продолжал пользоваться своей властью. Он считал, что имеет право запрещать дочери делать то, чего ей хотелось.

Вернувшись в гимназию, чтобы закончить учебный год, Анна написала фон Штейну (28) о том, что ее стихотворение «На руке его много блестящих колец» было опубликовано во втором номере гумилевского журнала «Сириус». Вышло всего три номера

этого журнала. Большинство опубликованных в нем стихов было написано самим Гумилевым под различными псевдонимами. Возможно, Ахматова и права в критической оценке своего раннего творчества, но все же в нем уже чувствуется та своеобразная смесь печали и непокорности, которыми будут проникнуты ее более поздние стихи:

На руке его много блестящих колец —
 Покоренных им девичьих нежных сердец.

Там ликует алмаз и мечтает опал,
 И красивый рубин так причудливо ал.

Но на бледной руке нет кольца моего,
 Никому, никогда не отдам я его.

Мне сковал его месяца луч золотой
 И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:

«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
 Я кольца не отдам никому, никогда. (28)

Не уверенная в реакции фон Штейна, Анна пишет ему: «Не стесняйтесь, критикуя мое стихотворение или передавая отзывы других, — ведь я больше не пишу. Мне все равно! Все ушло из души вместе с единственным, освещавшим ее светлым и нежным чувством». (29) В том же письме она интересуется, когда у Кутузова кончатся экзамены. 28 мая 1907 года Анна окончила киевскую гимназию с хорошими оценками.

Ей уже почти восемнадцать. Здоровье ее оставляет желать лучшего, хотя, как мне кажется, она несколько преувеличивает серьезность проблем. В письмах к фон Штейну Анна жалуется на лихорадку, головную боль, бессонницу и сердечные приступы, преследовавшие ее всю жизнь. В Киеве семья жила на Меринговской улице. Анна описывает, как она упала в обморок, когда в доме никого не было. «Я сама не

могла раздеться, а на обоях чудились страшные лица! Вообще скверно!» (28**) Ее безумно тянуло в Петербург. И это неудивительно — ведь там жил Голенищев-Кутузов. Тон писем Анны — печальный, жалобный. Похоже, ей хочется произвести впечатление на взрослого мужчину своей романтичностью.

В конце апреля 1907 года Анна снова отказала Гумилеву. Они стояли на берегу молча, глядя на прибой. Об этом моменте Гумилев написал в стихотворении «Отказ»:

Царица — иль, может быть, только печальный ребенок, —
Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем,
И стан ее стройный и гибкий казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям. (30)

В последней строфе образ Ахматовой чудесным образом оживает: «Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда».

Лето 1907 года Анна проводила с матерью. Гумилев снял комнату поблизости от их дома и умолял Анну бежать с ним. Она по-прежнему отказывалась. Осенью она начала изучать юриспруденцию в Киевском университете. Впрочем, во всем курсе ее привлекали только латынь и история. В декабре 1907 года Гумилев вернулся в Париж и снова пытался отравиться. Его нашли без сознания в Булонском лесу. И все же вторую книгу своих стихов он посвятил Анне. Через четыре месяца Гумилев приехал в Севастополь, чтобы снова сделать предложение. И вновь Анна ответила отказом. В августе 1908 года она отправилась в Петербург и провела там в одиночестве десять дней. Подобное поведение могло показаться немислимой дерзостью, но Анна остановилась в доме отца, что сгладило впечатление от ее поступка.

Анна по-прежнему отказывалась выйти замуж за Гумилева. Ей казалось, что она его не любит, хотя и

признает его выдающиеся качества. Однако осенью 1909 года Анна внезапно сдалась. Она утверждала, что убедило ее единственное предложение в его письме: «Я понял, что в мире меня интересует лишь то, что имеет отношение к Вам». (31) Анне отчаянно хотелось стать главной в чьей-то жизни. В одном из самых печальных писем, написанных Анной фон Штейну, она писала: «Сергей Владимирович, если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда». (32) Поведение Гумилева казалось гарантией того, что ему-то она будет нужна всегда.

Во второй «Северной элегии» Ахматова написала о себе:

Себе самой я с самого начала
 То чьим-то сном казалась или бредом,
 Иль отраженьем в зеркале чужом,
 Без имени, без плоти, без причины. (33)

В ранних стихах Гумилева она видела себя то русалкой с рубиновым ожерельем на шее (1904), то царицей или капризным ребенком (1907), то Евой, молодой тигрицей, одновременно и святой, и блудницей («Сон Адама», 1909).

29 ноября 1909 года, встретившись на поэтическом вечере с Гумилевым и несколькими поэтами, писавшими для «Аполлона», Анна наконец согласилась выйти замуж за Николая. Тем не менее Гумилев отправился в Африку — ему хотелось увидеть Александрию и Каир, Нил и Сфинкса. Африка стала для него источником вдохновения.

В феврале 1910 года Анна снова едет в Петербург. Она останавливается в доме отца и встречается со старинной подругой Валерией. Анна не рассказывает о предстоящей свадьбе. Но в конце февраля она пишет подруге загадочную записку: «Птица моя, —

сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Вы все знаете, единственная, ненаглядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела плакать. Аня». (34)

Почему Анна вышла замуж за Гумилева в 1910 году? Валерия Срезневская была убеждена в том, что она никогда его не любила, но он символизировал для нее литературный мир, куда ей так страстно хотелось войти. Гумилев всегда был поэтом оригинального склада. Осип Мандельштам считал его одним из немногих, с кем стоило беседовать. Но Анна никогда не любила его стихов так, как любила стихи Анненского, а позднее Мандельштама. (35)

Влюбленная или нет, Анна с юмором описывает свое состояние фон Штейну: «Всякий раз, когда приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недомогание. Это от страстности моего характера, не иначе. Он так любит меня, что даже страшно». (36) В том же письме Анна умоляет Штейна не оставлять ее, когда она будет жить в Петербурге, и пишет: «Не оставляйте меня, я себя ненавижу, презираю, я не могу выносить этой лжи, опутавшей меня...» О какой лжи она говорит? Или это всего лишь юношеский максимализм? Не забывайте, в этот момент Анна еще только заканчивает школу.

В бытовом отношении решение выйти замуж за Гумилева было весьма разумным. В провинции царил невыносимая тоска. Вполне понятно, что Анна хотела выйти замуж, чтобы вырваться из этого мирка. Для своего положения Анна была чрезвычайно бедна. «Мы живем в крайней нужде, — писала она Штейну. — Приходится мыть полы, стирать». (37) Теперь Анна живет у дяди, который относится к ней весьма

грубо. Незамужние женщины были вынуждены подчиняться множеству условностей. Предложение Гумилева давало Анне шанс войти в блестящий литературный мир Петербурга, где сам он уже занял определенное положение. Анатолий Найман считает, что нелюбовь Ахматовой к пьесам Чехова (а об этом она говорила постоянно) совершенно понятна — ведь Чехов писал «о девушках, подобных Анне Горенко».

(38) Ахматова не любила описываемых Чеховым ситуаций, из которых нет выхода, боясь, что такая судьба может ожидать ее саму. Словом, каковы бы ни были причины ее решения, она согласилась выйти замуж за Гумилева. Скорее всего, если бы Анна осталась на юге, ей никогда не удалось бы стать Ахматовой.

БРАК С ГУМИЛЕВЫМ

Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

Ахматова

Ахматова и Гумилев обвенчались 25 апреля 1910 года в Николаевской церкви в Никольской слободке на Днепре, неподалеку от Киева. Никто из родственников Анны на свадьбе не присутствовал, что удивительно — ведь ее мать жила в том же самом городе. (1)

До конца апреля молодожены оставались в Киеве, а затем отправились проводить медовый месяц в Париж. Возвращаясь домой, они встретили в поезде Маковского. Ирина Одоевцева пишет о том, как описывал ей эту встречу сам Гумилев:

«Возвращаясь из Парижа домой, мы встретились с Маковским, с рара Мако, как мы все его называли, в wagon-lits. Я вошел в купе, а Анна Андреевна осталась с рара Мако в коридоре, и тот, обменявшись с ней впечатлениями о художественной жизни Парижа, вдруг задал ей ошеломивший ее вопрос: «А как вам нравятся супружеские отношения? Вполне ли вы удовлетворены ими?» На что она, ничего не ответив, ушла в наше купе и даже мне об этом рассказала только через несколько дней. И долгое время избегала оставаться с ним с глаз на глаз». (2)

Даже если эта история правдива — а Ирина Одоевцева не была так близка с Гумилевым, как описывает это в своих мемуарах, — истолковать это происшествие можно по-разному. Маковский считал, что

Ахматова и Гумилев не подходили друг другу в сексуальном отношении. Лично мне кажется более вероятным то, что подобный вопрос показался Анне оскорбительным. Ее собственная трактовка отношений с Гумилевым выглядит намного более убедительной. Лидии Корнеевне Чуковской Ахматова признавалась: «Я нахожу, что мы слишком долго были женихом и невестой. Я в Севастополе, он в Париже. Когда мы поженились в 10-м году, он уже утратил свой пафос...» (3)

Если судить по стихам, написанным в 1910 году, Гумилев вряд ли мог жениться раньше. Ему быстро наскучили бы ограничения, накладываемые браком. Возможно, его романы и интрижки были всего лишь проявлениями обычного для аристократического молодого человека поведения. Любовь Гумилева к Ахматовой сохранялась в течение семи лет, и он не успокоился, пока не убедил ее выйти замуж. Теперь же, когда он обладал реальной женщиной из плоти и крови, его страсть остыла.

Однако Париж был прекрасен. Ахматова впервые оказалась в городе, сыгравшем столь значительную роль в русской культуре, впервые услышала настоящий язык поэтов, которых любила с детства. Они с Гумилевым целыми днями бродили по Парижу, восхищались Эйфелевой башней, элегантно одетыми женщинами, зелеными площадями и узкими улочками, вдоль которых теснились маленькие магазинчики, кондитерские и прилавки зеленщиков. Молодожены сняли комнату в доме № 10 на рю Бонапарт, откуда было рукой подать до музеев, средневекового квартала Клюни и Латинского квартала, так нравившегося обоим. Здесь Ахматова впервые встретилась с итальянским художником Амедео Модильяни. Вернувшись в Россию, она получила от него множество

писем. В Париже Ахматова впервые увидела «Шехерезаду» в исполнении Иды Рубинштейн, посещала все представления дягилевской труппы.

В конце июня супруги вернулись в Россию. Гумилев всегда был щедр по отношению к молодой жене, хотя непонятно, откуда он находил для этого средства. Ирина Одоевцева вспоминает его слова: «Когда я женился на Анне Андреевне (он почти всегда называл Ахматову Анна Андреевна, а не Аня), я выдал ей личный вид на жительство и положил в банк на ее имя две тысячи рублей. <...> Я хотел, чтобы она чувствовала себя независимой и вполне обеспеченной». (4) На первое Рождество Гумилев подарил Ахматовой красивую коробку с шелковыми чулками, флакон духов «Коти», два фунта шоколада от Крафта, черепаховый гребень и книгу Тристана Корбьера «Желтая любовь» («Les Amours jaunes»). «Как она обрадовалась! Она прыгала по комнате от радости». (5)

В своих стихах Гумилев пишет о любви, которая мгновенно превращается в борьбу двух самолюбий. Избегая магических образов, которые часто встречаются в его африканских стихах, он откровенно описывает сексуальную битву. Любовнику приходится понять, что женщина однажды может отвергнуть его, и смириться настолько, чтобы подчиниться другой. Гумилев предостерегал, что поиски наслаждения в такой игре опасны и жестоки, так что Ахматову ничто не могло удивить:

Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью. (6)

Нужно признать, что это стихотворение вполне может быть связано с одним из романов Гумилева. Весной 1911 года Гумилев пишет другое стихотворение — о домашнем чтении стихов Леконта де Лиля.

Судя по всему, это описание вечера, проведенного с Ахматовой. К ним в комнату сошел дух самого французского поэта:

И сквозь сумрак вечерний запрокинутый в кресле
Резкий профиль креола с лебединой душой. (7)

Поскольку Ахматова часто писала свои стихи от первого лица, возникает соблазн истолковывать их как своего рода личный дневник. Во многих стихах из ее первого сборника «Вечер» мы видим ту же одинокую девочку, которая писала фон Штейну о своих несчастьях. Возникает ощущение, что поэтесса искренне признается читателю в своих самых сокровенных чувствах, рассказывает о своей безответной любви. Позже, когда она напишет об отвергнутой любви, станет совершенно ясно, что героиня — сама поэтесса:

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам? (8)

Но ни одна из героинь Ахматовой не обладала тем отточенным лаконичным остроумием, о котором вспоминают все друзья поэтессы.

Особенно трудно понять, какие стихи Ахматовой адресованы мужу, хотя одно из них, датированное 1910 годом, кажется совершенно однозначным:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой. (9)

Семейные проблемы еще более усугублялись тем, что лето Гумилевы проводили в семейном имении, в Слепневе. Неведомские, жившие неподалеку, сравнивали лицо Ахматовой с суровыми ликами монахинь-раскольниц. Она не казалась им красивой, чер-

ты ее лица были слишком угловатыми, а огромные серые глаза никогда не улыбались. Домашняя прислуга тоже считала Анну слишком экзотичной. Старые слуги называли ее французенкой, а кто-то даже предположил, что она — египтянка. Хотя Ахматова и не обращала внимания на подобные замечания, но деревня ее утомляла. Гумилев любил верховую езду, Анна же оставалась дома. Развлекали ее только любительские спектакли.

Вера Неведомская вспоминала, что за столом Ахматова всегда молчала. Сама же Ахматова вспоминает семейные обеды совершенно по-другому. Она заметила, что Вера флиртует с ее мужем, и сразу же решила, что между ними существует связь: «Я помню, как нашла ее письмо, адресованное Николаю. Оно могло быть истолковано одним только образом». (10)

В начале осени Ахматова с радостью вернулась в Царское Село и поселилась в городском доме, принадлежавшем матери Гумилева. Дом был двухэтажным. Хотя лепнина кое-где отваливалась, в комнатах было тепло и уютно. В библиотеке стояли широкие диваны с подушками, а книжные полки уходили к потолку. Анна мечтала о том, как войдет в литературный мир Петербурга. Гумилев же снова собирался в Африку, на этот раз в Абиссинию. Он уехал 25 сентября 1910 года и вернулся только в марте 1911-го. Оставшись в одиночестве, Ахматова начала ездить в Петербург к своей подруге Валерии Тюльпановой. Потом она отправилась в Киев, к матери. Там Анна прочла «Кипарисовый ларец» Анненского. Под влиянием этих стихов она начала писать собственные, которые «шли ровной волной». (11) За шесть месяцев, проведенных Гумилевым в Африке, Ахматова написала столько стихов, что они составили сборник «Вечер».

21 октября, через несколько дней после отъезда Гумилева, находясь в Киеве, Ахматова написала небольшое стихотворение. Его можно истолковать как воспоминание о прощании с мужем, однако мне такая интерпретация кажется маловероятной:

Хочешь знать, как все это было? —
 Три в столовой пробило,
 И, прощаясь, держась за перила,
 Она словно с трудом говорила:
 «Это все... Ах, нет, я забыла,
 Я люблю вас, я вас любила
 Еще тогда!»
 — «Да». (12)

В тот момент в жизни Ахматовой не было другого мужчины, хотя это стихотворение вполне может быть навеяно воспоминаниями о Голенищеве-Кутузове.

Другое стихотворение датировано 17 февраля 1911 года. Оно было написано в Царском Селе и тоже могло быть связано с отъездом Гумилева:

Дверь полуоткрыта,
 Веют липы сладко...
 На столе забыты
 Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
 Шорохам внимаю.
 Отчего ушел ты?
 Я не понимаю... (13)

А вот следующее стихотворение, также написанное в 1911 году, скорее всего навеяно страстью к любовнику, расчетливому и властному. Ахматову всегда влекло к таким мужчинам, и покориться она могла только им.

Как соломинкой, пьешь мою душу,
 Знаю, вкус ее горек и хмелен.
 Но я пытку мольбой не нарушу.
 О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
 Что души моей нет на свете.
 Я пойду дорогой недалней
 Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
 И везут кирпичи за оградой.
 Кто ты: брат мой или любовник,
 Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
 Отдыхает усталое тело...
 А прохожие думают смутно:
 Верно, только вчера овдовела. (14)

Гумилев не был для молодой Ахматовой ни образцом для подражания, ни наставником. Не был он и первым почитателем ее стихов, несмотря на то, что опубликовал ее раннее стихотворение в «Сириусе». Чуковская вспоминает рассказ Ахматовой об отношении Гумилева к ее стихам:

«Он выслушивал их внимательно, потому что это была я, но очень осуждал, советовал заняться каким-нибудь другим делом... А потом было так: мы поженились в апреле... А в сентябре он уехал в Африку и пробыл там несколько месяцев. За это время я много писала и пережила свою первую славу: все хвалили кругом... Он вернулся. Я ему ничего не говорю. Потом он спрашивает: «Писала стихи?» — «Писала». И прочла ему... Он ахнул. С тех пор он мои стихи всегда очень любил». (15)

Более всего Ахматову волновала ревность Гумилева к ее успеху. Он возражал против публикации ее стихов в «Аполлоне». Маковский пишет о том, что, когда он предложил опубликовать несколько стихотворений, Ахматова ответила: «А что скажет Нико-

лай Степанович, когда вернется?» Маковский предложил притвориться, что он выкрал стихи из альбома без ее согласия. В действительности, Гумилев не выражал против литературной деятельности жены. Ахматова с возмущением опровергает историю Маковского. Но даже если Гумилев не ревновал к успеху Ахматовой, он не мог не ревновать к самой поэзии. Он чувствовал, что страсть Анны к стихам превосходит ее чувство к нему.

Очень скоро Ахматова заняла видное место в художественном сообществе не только благодаря своей красоте и поэтическому дару. Величественная печаль, окутывавшая эту женщину, не могла не производить впечатления.

В марте 1911 года ее пригласили читать стихи в «Башню» Вячеслава Иванова. Илья Эренбург вспоминал, что Иванов своей старомодной одеждой и очками в золотой оправе более всего напоминал пастора из пьесы Ибсена. В «Башне» горели свечи, рекой лилось красное вино. Вечера обычно начинались с чтения какой-либо работы на религиозную или мистическую тему. Павел Лукницкий вспоминает рассказ Ахматовой: «Когда она 1-й раз была на «Башне» у В. Иванова, он пригласил ее к столу, предложил ей место по правую руку от себя, то, на котором прежде сидел И. Анненский. Был совершенно невероятно любезен и мил, потом объявил всем, представляя АА: «Вот новый поэт, открывший нам то, что осталось нераскрытым в тайниках души И. Анненского»...» (16)

Одно из самых знаменитых стихотворений Ахматовой, «Сероглазый король», было написано 11 декабря 1910 года в Царском Селе. Муж невзначай сообщает жене, что умер король. Но боль жены и «серые глазки» дочери говорят нам о том, что именно король был отцом ребенка, которого муж считает своим:

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...» (17)

В стихотворении явно чувствуются личные мотивы, несмотря на то что центральная ситуация целиком вымышлена: идеальная любовь утрачена, а рядом остался только скучный муж. Но возможно и то, что когда-то Гумилев был одновременно и мужем, и сероглазым королем. Тот юный Николай, который обещал быть страстным возлюбленным, умер. Ахматова осталась с отстраненным, холодным мужем, мечтавшим только о том, чтобы бежать от нее подальше. (18)

В мае 1911 года Ахматова вернулась в Париж. Надежда Чулкова, познакомившаяся с ней в этой поездке, вспоминает, как они гуляли вместе, а иногда заглядывали в небольшие кафе. Ахматова не могла не замечать того интереса, который к ней проявляли. «Она была очень красива. Мужчины на улицах не могли оторвать от нее глаз». (19) Во время этой поездки Ахматова провела несколько недель в Париже в полном одиночестве. Тогда она и сблизилась с Модильяни. Они познакомились еще в 1910 году. Теперь Анна и Амедео под огромным черным зонтом сиде-

ли на скамье в Люксембургском саду под проливным дождем и читали друг другу Верлена. А иногда по ночам они бродили по старинным кварталам Парижа, залитым лунным светом.

Амедео Модильяни родился в Ливорно в июле 1884 года. Он был младшим, четвертым, ребенком в еврейской семье. Его отец был неудачливым антрепренером. Более предприимчивая мать управляла школой. Семья Модильяни была не самой спокойной. Старшего брата Амедео, Эммануэле, приговорили к шести месяцам тюрьмы за анархистские выступления. Амедео тогда было всего восемнадцать.

Модильяни учился у итальянского импрессиониста Джованни Фаттори. Затем он перебрался в Венецию, где познакомился с художниками, возглавлявшими движение футуристов. Из Венеции в 1906 году он уехал в Париж. Мать дала ему немного денег. Когда Ахматова впервые познакомилась с Модильяни, тот еще не завоевал никакой репутации и практически не имел средств. Его считали алкоголиком, поговаривали, что он принимает наркотики. За год до знакомства с Ахматовой ему пришлось на некоторое время вернуться в Ливорно — он был слишком изможден и болен. Но Амедео было чуть за двадцать, и он был очень красив. Его прозвали Моди — сокращение его фамилии звучало так же, как французское слово *maudit*, то есть «проклятый». Модильяни верил в то, что художники — это особые люди, которые не подчиняются обычным правилам морали.

Когда Ахматова вернулась в Париж, Модильяни жил в Сите-Фальгьер. Они стали очень близки, хотя Ахматова никогда не говорила о том, что Амедео был ее любовником. Он был так беден, что не мог заплатить за стулья в Люксембургском саду, куда они час-

то приходили обедать. Им приходилось сидеть на скамейках. Ахматова вспоминала, что Модильяни не знал никого из ее друзей, живших в Латинском квартале.

Во Франции Модильяни впервые столкнулся с проявлениями антисемитизма. В Париже он по-новому осознал свое еврейство и сблизился с еврейскими художниками, работавшими во Франции, в том числе с Хаимом Сутиным, а также с поэтом Максом Якобом. Ахматова вспоминала, как Модильяни говорил ей: «Я забыл вам сказать, что я — еврей». Это откровение не поразило ее. Ахматова всегда отрицала, что делала различие между своими друзьями — евреями и неевреями. Многие близкие ей люди были евреями, но подобный образ мыслей разделяли не все русские. Единственными евреями, получившими разрешение жить в Петербурге, были богатые торговцы, люди с высшим образованием, квалифицированные ремесленники и те, кто служил в армии. В 1913 году в российской столице проживало около 35 000 евреев. Хотя они составляли менее двух процентов от общего населения города, среди них были талантливые художники, музыканты и писатели.

Модильяни сделал несколько рисунков Ахматовой: на одном она одетая лежит на постели, на другом Анна изображена обнаженной, что говорит об определенной близости между ними. Иногда Ахматова приходила к нему без договоренности, подчеркивая эту близость. Однажды, обнаружив, что Амедео нет дома, она бросила букет роз в его окно. Неважно, были ли они любовниками, дружба между ними сыграла важную роль в жизни Ахматовой. Вернувшись в Россию, она смогла обрести новую любовь.

Узкий круг символистов продолжал собираться в «Башне» на Таврической улице. Символисты пытались подняться к некоей «высшей реальности». Акмеисты же стремились постичь внутренний мир человека. Подобно американским имажинистам, акмеисты прежде всего ставили точность и ясность. Они писали о реальном мире. В 1910 году ведущие поэты-символисты начали отвергать идею о том, что поэт — это жрец искусства. Михаил Кузмин со своей статьей «О прекрасной ясности», опубликованной в «Аполлоне», стал провозвестником грядущих перемен. Акмеисты хотели вырваться из старых тенет, делающих поэзию тайной. Ключевыми фигурами нового течения стали Ахматова, Гумилев и Осип Мандельштам. Прозрачные стихи Ахматовой — чистейшее выражение новой идеи. Поэты-акмеисты часто собирались у Гумилевых в Царском Селе или в доме поэта и критика Георгия Адамовича. На этих встречах Ахматова говорила очень мало и оживлялась только тогда, когда Мандельштам начинал читать свои стихи.

В 1912 году в гумилевском «Цехе поэтов» вышел сборник стихов Ахматовой «Вечер». Тираж его составил 300 экземпляров. Но популярность сборника оказалась настолько высока, что пришлось сделать несколько допечаток. Сборник состоял из сорока шести стихотворений. Предваряло книгу предисловие Михаила Кузмина. Гумилев прекрасно написал о стихах Ахматовой, обратив внимание на то, что в ее книгах «обретает голос ряд немых до сих пор существований — женщины влюбленные, лукавые, мечтающие и восторженные говорят, наконец, своим, подлинным и в то же время художественно-убедительным языком». (21) Ахматова была смущена свалившейся на нее славой: «Я чувствовала себя неудоб-

но, словно оставила на столе чулок или бюстгальтер». (22) Она хотела, чтобы ее стихи воспринимали как вымысел, а не как исповедь автора. Хотя Ахматова тщательно скрывала, кому посвящены ее стихи, и за каждым ее стихотворением можно увидеть сразу несколько фигур, все они наполнены неподдельным чувством. Мандельштам писал о том, что поэзия Ахматовой вобрала в себя «всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века». (23)

Гумилев страстно любил поэзию, но неутолимое любопытство и любовь к приключениям не позволяли ему сидеть на месте. Его гораздо больше привлекали путешествия по экзотическим странам, чем литературные салоны Петербурга. По Египту и Восточной Африке он путешествовал на мулах и вернулся в Россию с солнечными ожогами, в лохмотьях, но с охотничьими трофеями. Путешествие по Абиссинии и Сомалийскому полуострову частично финансировала Академия наук. Из этой экспедиции Гумилев привез великолепные фотографии. Он встречался с будущим императором Хайле Селассие, пересекал реку, кишашую крокодилами. Жара стояла такая, что путешествовать днем было просто невозможно. После таких приключений домашняя жизнь стала для него еще более невыносимой. Брак был ошибкой, и теперь он это понял. Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях пишет о том, что Гумилев мечтал о счастливой семейной жизни, мечтал найти в жене друга и верного спутника. Ахматова же предпочитала устраивать ему сцены ревности, заканчивавшиеся бурными примирениями.

Одно из самых знаменитых стихотворений Ахматовой, написанное в 1911 году, описывает такую семейную ссору:

Сжала руки под темной вуалью...
 «Отчего ты сегодня бледна?»
 — Оттого, что я терпкой печалью
 Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
 Искривился мучительно рот...
 Я сбежала, перил не касаясь,
 Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
 Все, что было. Уйдешь, я умру».
 Улыбнулся спокойно и жутко
 И сказал мне: «Не стой на ветру». (24)

Кому бы ни было посвящено это стихотворение, образ, возникающий в нем, напоминает ранние стихи Ахматовой. Мы не чувствуем здесь никакой иронии. Впрочем, когда в газете «Утро России» появилась рецензия на журнал «Аполлон», где были опубликованы стихи Ахматовой, критик заметил тайный яд иронии, которым были проникнуты почти все ее сочинения. Если Гумилеву и не нравилась исповедальность стихов жены, он никогда об этом не говорил, хотя и признавал, что тема некоторых из них ему не близка:

Муж хлестал меня узорчатым,
 Вдвое сложенным ремнем.
 Для тебя в окошке створчатом
 Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
 Подымается дымок.
 Ах, со мной, печальной узницей,
 Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,
 Долю-муку приняла.
 Или любишь белокурую,
 Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
 В сердце темный, душный хмель,
 А лучи ложатся тонкие
 На несмятую постель. (25)

Это реалистичная попытка представить себе жизнь русской крестьянки, ожидающей своего любимого. Было бы несправедливо на основании этого стихотворения представлять себе Гумилева настоящим садистом. Источник фантазии Ахматовой до сих пор неясен, поскольку в своей жизни она никогда не подвергалась физическому насилию и жестокости. Несомненно, ей был свойственен определенный мазохизм (26), но популярность ее стихов среди женщин России говорит о том, что это явление широко распространено.

Гумилеву не нравились «вымыслы» Ахматовой, но еще больше ему были неприятны слухи, в которых ему отводилась роль принца-консорта при знаменитой жене. Слава Ахматовой превосходила его собственную. Эти обвинения раздражали и саму Ахматову. Спустя много времени после смерти Гумилева, когда его стихи были забыты и не печатались, она тратила массу усилий на то, чтобы сохранить его наследие.

Гумилев не ревновал Ахматову к ее почитателям. Он с легкостью предоставил жене ту же свободу, какой пользовался сам. Анна Ахматова всегда оставалась великой любовью его жизни. Он не собирался разводиться с ней, несмотря на увлечения другими женщинами. А вот его воспоминания о ревности самой Ахматовой Евгений Рейн находит сомнительными. Анна никогда не была страстно влюблена в Гумилева, а поскольку «он спал с любой женщиной, которой удавалось его соблазнить, она относилась к нему не с ревностью, а, скорее, с презрением». (27)

Это вполне возможно. Школьная подруга Ахматовой, Валерия Срезневская, вспоминает, что в стихах подруги встречалось очень мало образов Гумилева, а вот его стихи были полны ею до самой его

смерти. Разочарование Ахматовой в браке было более глубоким, чем думал Гумилев. Она, несомненно, чувствовала себя преданной и униженной. Роль обманутой жены была не для нее. Младший брат Ахматовой, Виктор, в 1973 году говорил, что уход отца из семьи не позволил Анне смириться с таким же поведением молодого мужа. Надежда Мандельштам считает, что, если бы не революция, Ахматова продолжала бы жить с Гумилевым и никогда не развелась с ним. Но очень трудно представить литературный салон Ахматовой в крыле гумилевского дома.

В гумилевском сборнике «Чужое небо» Ахматова узнала себя в образе Маргариты, влюбленной не в Фауста, но в Мефистофеля. Гумилев писал об отношениях, напоминающих битву со смертью, столь похожих на их собственные. Но Анна мечтала о царе-виче, а царевич умер. Преодолеть чувство одиночества помогала только поэзия, ставшая неисчерпаемым источником новой силы, а возможно, и славы. Гумилев страдал оттого, что Ахматова не считала его любовь своим величайшим сокровищем:

Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха. (27)

И тем не менее Гумилев по-прежнему высоко ценил то, что она писала. В письме к ней из Одессы, написанном 9 апреля 1913 года, он писал: «Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят...» (28)

Ахматова всегда была до конца преданна Гумилеву. Узнав о том, как жестоко обошлись с ним в Париже Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, она решила никогда с ними не встречаться, несмотря на то, что они были очень влиятельны в литературном мире. И решение свое Ахматова не изменила.

В апреле 1912 года Ахматова была уже на третьем месяце беременности, и все же 3 апреля они с Гумилевым отправились в Италию. Их путь пролегал через Берлин, Лозанну и Сан-Ремо, откуда они должны были отплыть в Геную. На неделю они расстались: Гумилев отправился в Рим, а Анна осталась во Флоренции. На обратном пути они посетили Болонью, Падую и Венецию. В Венеции супруги провели около десяти дней. Ахматова была потрясена итальянским искусством. Великие полотна отпечатались в ее воображении, словно прекрасный сон.

Лето 1912 года Ахматова провела с матерью в поместье Нанички Змунчиллы возле австрийской границы. Рожать Анна отправилась в Петербург. Первые схватки она почувствовала очень рано. Они с Гумилевым дошли до больницы пешком, потому что он был слишком растерян, чтобы поймать машину или хотя бы сесть на трамвай. В больницу на Васильевском острове они пришли в 10 утра. Вечером Гумилев исчез и не возвращался всю ночь. Он появился лишь на следующий день, когда все поздравляли Ахматову с рождением сына. Гумилев был весьма смущен тем, что провел эту ночь вне дома. (29) Сын Ахматовой и Гумилева Лев (Лева, Левушка, как его называли в семье) родился 1 октября 1912 года. Вскоре после его рождения родители согласились дать друг другу полную сексуальную свободу и «перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга». (30)

В отношении сына Ахматова испытывала противоречивые чувства. Материнская ответственность казалась ей непосильной. Тем не менее она кормила ребенка грудью и оставалась дома до тех пор, пока заботу о маленьком Левушке не взяла на себя свекровь. Анна Ивановна обожала внука и с радостью приняла на себя эти обязанности. Леву отправили в Слеп-

нево. Для женщин, занимавших положение, подобное ахматовскому, такой поступок был совершенно естественен. Но позднее Лев счел решение матери первым предательством.

Вернувшись в «Бродячую собаку», Ахматова обнаружила, что здесь ничего не изменилось. Вот одно из стихотворений, посвященных этому кругу:

Ты куришь черную трубку,
 Так странен дымок над ней.
 Я надела черную юбку,
 Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
 Что там, изморозь или гроза?
 На глаза осторожной кошки
 Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
 Не смертного ль часа жду?
 А та, что сейчас танцует,
 Непременно будет в аду. (31)

Танцующая женщина — это Ольга Судейкина, близкая подруга Ахматовой. Ольга всегда вела очень свободный образ жизни. 29 марта 1913 года стрелял в себя ее любовник Всеволод Князев. 5 апреля он умер от полученной раны. В «Поэме без героя» Ахматова вспоминает об этом самоубийстве и о поведении Ольги. Казалось, эти люди считали себя выше обычной морали. Ходили слухи, что и из-за Ахматовой кто-то тоже покончил с собой. Через двадцать лет, анализируя собственную жизнь и пытаясь снова уверовать в Бога, Ахматова стала думать, что их с Ольгой детский эгоизм и послужил причиной ужасных лет террора.

Самый яркий образ Всеволода Гавриловича Князева мы находим в стихах и дневниках Михаила Кузмина, композитора и поэта, любовника Сергея Судейкина. Когда Ахматова стала писать «Поэму без героя», Кузмин появился в ее стихах в образе Мефи-

стофеля. Во времена же «Бродячей собаки» она подарила ему книгу с надписью: «Михаилу Алексеевичу, моему чудесному учителю». (32) Князев был очень красив, писал стихи. В 19 лет он влюбился в актрису Палладию Старинкевич. Кузмин, которому было тогда тридцать восемь лет, встретился с Князевым в воскресенье 2 мая 1910 года в Павловске и сразу же влюбился в него. Они стали близки. Кузмин посвятил молодому красавицу множество эротических любовных стихов.

Летом 1911 года Кузмин и Князев жили вместе с Судейкиным и его женой Ольгой. Судейкин хотел написать портрет Кузмина и Князева. Брак Судейкина и Ольги был весьма передовым, супруги не ограничивали свободу друг друга. Очень скоро стало понятно, что Князев безнадежно влюблен в красавицу Ольгу. Он разорвал отношения с Кузминым. Но любовь к Ольге закончилась трагически. Увидев, как она возвращается домой с новым любовником, Князев застрелился. В свете грядущих трагедий поступок Князева кажется абсурдным, хотя и трагическим.

Через год после рождения сына, 1 октября 1913 года, Гумилев снова отправляется в Африку. Он возглавляет экспедицию в Сомали. Павел Лукницкий вспоминает рассказ Ахматовой о том, что вскоре после отъезда сына мать Гумилева попросила невестку разобрать в ящиках его письменного стола. Выполняя это поручение, Анна нашла письма от одной из любовниц мужа. Она впервые узнала об этой связи. Ахматова долго гадала, не хотела ли свекровь намеренно подтолкнуть ее к этому открытию. Хотя Ахматова и Гумилев согласились предоставить друг другу полную сексуальную свободу и Анна всегда категорически отрицала какое-либо чувство ревности, она не написала Гумилеву ни единого письма, пока он был в Африке. Когда он вернулся, она царственным

жестом бросила ему любовные письма, найденные в его столе. Ахматова старалась держаться, но интимные детали измены мужа больно ее ранили. Евгений Рейн считает, что Ахматова не могла ревновать, потому что не любила Гумилева, но он недооценивает силы пережитого унижения. (33)

13 октября 1913 года у Гумилева и Ольги Николаевны Высотской, актрисы театра Мейерхольда, родился сын, Орест. Ахматова записывает это событие в своей записной книжке, но тут же добавляет, что все это не имеет никакого к ней отношения. Ахматова и Гумилев продолжают вместе появляться в «Бродячей собаке». Связь Гумилева с Ольгой продлилась недолго. Он начал встречаться с Татьяной Адамович, сестрой поэта и критика Георгия Адамовича.

Осенью 1913 года Ахматова написала очень важное в автобиографическом отношении стихотворение. Последняя строфа дает нам ключ к пониманию ее жизни и той силы, которую она черпала в поэзии. Стихотворение начинается так:

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает. (34)

Героиня просит, чтобы любимый сохранил ее письма, потому что они помогут пролить свет на его собственную биографию. И когда-нибудь школьники прочтут ее стихи уже после ее смерти:

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой. (35)

Конец 1913 года Ахматова провела в одиночестве. 15 декабря она навестила Александра Блока. С собой она принесла книги. На двух из них поэт просто написал: «Ахматовой — Блок». На третьей появился мадригал, посвященный Ахматовой: «Красота страш-

на, вам скажут...». Мадригал был написан в испанском духе, что очень удивило Ахматову. Несмотря на то, что Блока считали настоящим донжуаном, Ахматова говорила Чуковской, что даже настоящие роковые женщины, пытавшиеся его соблазнить, терпели досадные неудачи: «Он в последнюю минуту оттолкнул их». (36)

В начале января 1914 года Ахматова написала Блоку стихотворение. Красота и слава поэта привлекали множество поклонниц, покупавших открытки с его портретами.

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы. (37)

Блок был женат на красивой актрисе Любови Менделеевой, дочери великого химика Дмитрия Менделеева. Ей он посвятил цикл стихотворений «Стихи о Прекрасной Даме». Но этот брак нельзя было назвать счастливым. Каждый из них жил своей жизнью.

Стихи Блока и Ахматовой были опубликованы 13 февраля 1914 года в журнале «Любовь к трем апельсинам», издаваемом Мейерхольдом. Романтические поклонники сразу же сочли Блока и Ахматову

любовниками, но сама Ахматова это всегда отрицала, и никаких свидетельств подобной связи нет. Романтические отношения между Блоком и Ахматовой порадовали бы мать Блока, которая замечала, что Ахматова «к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит». (38) И тем не менее, когда вышли «Четки», Ахматова подарила Блоку книгу с надписью: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи».

9 июня 1925 года Павел Лукницкий расспрашивал Ахматову о времени, проведенном без Гумилева, и она резко ему ответила, что «близки они были ведь очень недолго. До 14 года — вот так, приблизительно. До Тани Адамович...» (39) Хотя четыре года — не такой уж короткий срок, но большую часть этого времени Гумилев провел вне дома.

В 1914 году Ахматова пишет стихи, навеянные последней изменой Гумилева. В них она обещает не преследовать его своей ревностью. Стихотворение начинается уверенно: «Я не любви твоей прошу». Оно все проникнуто глубокой иронией:

Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты. (40)

В последней строфе Ахматова выпрямляется во весь рост.

И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю. (41)

Одно из стихотворений, датированное январем 1914 года, явно адресовано не мужу:

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
 Что быть поэтом женщине — нелепость.
 Как я запомнила высокий царский дом
 И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
 А как подарок Божий — так чудесен.
 И в этот час была мне отдана
 Последняя из всех безумных песен. (42)

Хоть мы и не знаем имени этого мужчины, но его существование подтверждает другое стихотворение, «Гость», также датированное январем 1914 года:

Все как раньше: в окна столовой
 Бьется мелкий метельный снег,
 И сама я не стала новой,
 А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
 Он сказал: «Быть с тобой в аду».
 Я смеялась: «Ах, напророчишь
 Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
 Он слегка потрогал цветы:
 «Расскажи, как тебя целуют,
 Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
 Не сводил с моего кольца.
 Ни один не двинулся мускул
 Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
 Напряженно и страстно знать,
 Что ему ничего не надо,
 Что мне не в чем ему отказать. (43)

15 марта Ахматова опубликовала вторую книгу стихов — «Четки». В ней присутствует некая религиозность, хотя большинство стихов носит абсолютно светский характер. Эпиграфом к книге стали строчки Баратынского: «Прости ж навек! Но знаю, что двух виновных, не одного, найдутся имена в стихах моих,

в преданиях любовных». И действительно, большая часть стихов посвящена отношениям между любовниками. Впрочем, многие стихи проникнуты и другой чувственностью. Особенно это заметно в стихотворении «Вечером», где описывается, как «свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду». Любовник касается платья — и героиня говорит: «так глядят кошек или птиц». Отзывы на книгу были весьма благоприятными. Понравилась она и Гумилеву.

К 1914 году Ахматова уже встретилась с людьми, которым было суждено сыграть важную роль в ее эмоциональной жизни. В феврале 1913 года она познакомилась с Артуром Лурье и искусствоведом Николаем Николаевичем Пуниным. (44) В нее был влюблен поэт и критик Николай Недоброво. Ахматова всегда живо интересовалась письмами близкого друга Недоброво, Бориса Анрепа, в которых тот очень высоко отзывался о ее стихах. Всех этих мужчин она любила.

Лукницкому Ахматова рассказывала о том, что в начале июня 1914 года Татьяна Адамович настойчиво требовала, чтобы Гумилев развелся. В записной книжке Ахматова с гордостью пишет, что Гумилев и Татьяна появились в ее стихах лишь однажды, в стихотворении, написанном в мае 1914 года:

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу... (45)

Это удивительные строчки. Личность мужчины, о котором она пишет, сомнений не вызывает. Точно так же отчетливо мы ощущаем боль и унижение, испытываемые героиней из-за предательства мужа. Ахматова согласилась на развод, поставив одно условие — Лев должен был остаться с ней. Мать Гумилева, узнав об этом, была в ярости. Она сказала сыну: «Я тебе прав-

ду скажу, Леву я больше Ани и больше тебя люблю...» О любви Анны Ивановны к внуку пишут очень часто, гораздо чаще, чем о любви самой Ахматовой. И тем не менее чувство матери к сыну было очень глубоким.

13 июля 1914 года Ахматова приехала навестить Льва в Слепнево. Оттуда она писала Гумилеву, что мальчик здоров, счастлив и весел. Через несколько дней Ахматова пишет мужу еще одно письмо, жалуясь на то, что соседи ей успели наскучить. Она спрашивает, когда Гумилев вернется из Вильнюса от Татьяны. В письме Ахматова интересуется и состоянием совместных финансов. «Думаю, что нам будет трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. <...> Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать». (45*) Впрочем, бедность эта весьма относительна: они по-прежнему прекрасно питаются, а за домом следит прислуга.

Конец лета 1914 года Анна провела вместе с матерью неподалеку от Киева. Недоброво жил поблизости. Слухи о войне медленно доходили до провинции. Однако Ахматова именно тогда написала свое пророческое стихотворение «Июль 1914»:

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат». (46)

Во втором стихотворении этого цикла Ахматова пишет о стенаниях жен и вдов, поднимающихся к небесам, о том, как в ответ на молитвы о дожде на поля прольется кровавый ливень. Ахматова словно примерила на себя одежды Кассандры. Она продолжала писать любовные стихи, но теперь тематика ее творчества заметно расширилась.

ПЕТРОГРАД

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один. (1)

Ахматова

Приближение войны в Европе ощущали все. В России войну воспринимали как очередное столкновение между тевтонами и славянами. В людях просыпался атавистический героизм. Во времена Балканских войн 1912—1913 гг. в ряде российских городов прошли массовые демонстрации в поддержку братьев-славян. В высших эшелонах армии царили воинственные настроения. 1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Ахматова записала в дневнике: «Еще утром были спокойные стихи о разных вещах. Но вечером вся жизнь вдребезги». (2)

Всеобщая мобилизация была объявлена 30 июля 1914 года. Царь выступил перед народом с балкона Зимнего дворца в воскресенье, 2 августа. Толпа, слушавшая его, опустилась на колени с пением «Боже, царя храни!». Прилив патриотизма был коротким, ксенофобия же сохранилась надолго. Антигерманские настроения были настолько сильны, что многие в те годы предусмотрительно меняли немецкие фамилии и имена на русские. Было совершено нападение на германское посольство. Правительство переименовало Санкт-Петербург в Петроград — новое название звучало более по-славянски.

Прежде чем отправиться к мужу и сыну в Слепнево, Ахматова навестила отца в Петрограде и мать

в Киеве. 5 августа на царскосельском вокзале, когда Ахматова провожала Гумилева в армию, они встретили Александра Блока. Гумилев был потрясен. Он не мог представить, что Блока могут послать на фронт. «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев!» (3) Ахматова вернулась в Слепнево. Она была очень больна, туберкулез обострился. Врачи позволяли ей подниматься с постели всего на несколько часов в день.

Интеллигенция, всегда искавшая признаки духовного возрождения, надеялась, что война станет поводом для жертвования собой ради блага родины. Но среди миллионов крестьян и рабочих, которых посылали на фронт, подобный патриотизм был редкостью. Впрочем, были и те, кто понимал, что война будет долгой. Это стало ясно после первых поражений.

Гумилев с энтузиазмом записался в кавалерию в первый же день после объявления войны. Война для него была лишь поводом доказать собственную смелость. Он находился под сильным влиянием Ницше, считавшего, что война и храбрость произвели больше великого, чем любовь к ближнему. На фронт Гумилев отправился через месяц после объявления войны. Оттуда он писал письма, буквально пропитанные адреналином. По стихам, написанным в то время, становится ясно, насколько возбуждала его опасность. Возбуждение Гумилева резко отличалось от настроения большинства английских поэтов, оказавшихся на фронте. Особенно сильно оно чувствуется в следующем письме:

«Я всю ночь не спал, но так велик был подъем наступления, что я чувствовал себя совсем бодрым. Я думаю, что на заре человечества люди так же жили нер-

вами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа». (4)

Жене он писал о том, что не следует беспокоиться, если писем от него не будет несколько недель, потому что с фронта не всегда удастся отправлять письма. Гумилев попросил друзей написать Ахматовой, если с ним что-то случится. Но эйфория не оставляла его. 1 ноября 1914 года он пишет своему другу, Михаилу Лозинскому: «Дежурил в обстреливаемом Владиславове, ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охранении, ночью срывался с места, слыша ворчанье подкравшегося пулемета, и опивался сливками, обедался курятиной, гусятиной, свиной, будучи дозорным при следовании отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше». (5)

Ахматова относилась к войне совершенно иначе. В сентябре 1914 года она написала одно из самых печальных своих стихотворений — «Утешение», посвященное вдове погибшего на войне солдата, которая может найти утешение только в христианской вере в бессмертие души:

Вестей от него не получишь больше,
 Не услышишь ты про него.
 В объятый пожарами, скорбной Польше
 Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
 Уже не будет потерь:
 Он Божьего воинства новый воин,
 О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милom, родном доме.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему. (6)

Ахматова не одобряла ницшеанской идеи о том, что нужно находиться по ту сторону добра и зла. Для нее поэзия была таинственным даром, накладывавшим обязательства и заставлявшим переживать страдания человечества. В середине декабря 1914 года Блок произнес свою знаменитую фразу о поэзии Ахматовой, которую часто вспоминают, сравнивая творчество Ахматовой и Цветаевой: «Она пишет стихи, словно стоит перед мужчиной, а поэт должен стоять перед Богом». Блок имел в виду две первые книги Ахматовой, но как раз в то время тематика ее стихов начала расширяться. Страдания родины и русского народа глубоко затронули Ахматову, не менее глубоко, чем боль, связанная с отношениями между мужчиной и женщиной. Эта элегантная, красивая женщина, казалось, целиком сосредоточенная на своей внешности, уже становилась голосом своего народа.

Европа переживала тяжкие времена. Целое поколение было уничтожено. Русская армия была не так плохо подготовлена к войне, как об этом часто пишут историки. (7) По численности и вооружению она была равна германской, но вот эффективность командования оказалась крайне низкой. Солдаты не были подготовлены к войне в зимних условиях. Многие не прошли даже начальной военной подготовки и не умели заряжать ружья. В некоторых частях не хватало сапог. Неудивительно, что русская армия очень скоро оказалась на грани развала.

Россия столкнулась и с другими проблемами. Сеть железных дорог не справлялась с объемами военных перевозок. Поезда не могли проезжать более 200 миль

в день. Военные эшелоны были заполнены лошадьми и фуражом, а ведь кавалерия уже уступала свои позиции в современной войне.

К осени 1914 года, когда германская и русская армия столкнулись в первых сражениях, провал русской военной стратегии стал окончательно ясен. В битве, произошедшей 31 августа, русская армия потеряла 70 000 человек убитыми и ранеными. 100 000 человек были взяты в плен. Немцы же потеряли всего 15 000 человек. Реакции русского военного командования на эту катастрофу практически не последовало. Россия не планировала воевать дольше полугода. Командование не ожидало ударов тяжелой артиллерии, поэтому окопы русской армии были очень неглубокими и не защищали солдат. Зимой окопы полностью заметало снегом.

Крестьянские парни, рассчитывавшие после военной службы вырваться из бедности, не могли не замечать трусости собственных офицеров, которые, кстати, жили гораздо лучше своих солдат. Неудивительно, что росло количество дезертиров, что сказывалось на положении русской армии. Меньше чем за год голодавшие жены и матери осознали, что выиграть войну невозможно. Они поняли, что их сыновья и мужья будут принесены в жертву абсолютно бессмысленно.

Гумилев собственную ошибку понял гораздо позже. Война перестала носить для него личный характер. Артиллерийские обстрелы и появление автоматического оружия полностью изменили стратегию и тактику ведения военных действий. Тем не менее за личную храбрость Гумилев был трижды награжден, причем дважды Георгиевским крестом.

Еще одним энтузиастом войны был Маяковский. Впрочем, в армию его не взяли, сочтя политически

неблагонадежным. Вскоре он стал смотреть на войну иначе. Перспектива защищать буржуазию его не радовала. 11 февраля 1915 года в «Бродячей собаке» он прочел стихотворение «Вам!». Ахматова в тот вечер тоже была в «Собаке».

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядам буду
подавать ананасную воду! (8)

Ахматова вспоминала: «Маяковский стоял на эстраде совершенно спокойно и не шевелясь курил огромную сигару... Да. Вот таким я и запомнила его, очень красивым, очень молодым, большеглазым таким, среди воющих мещан». (9) Хотя Ахматова не разделяла энтузиазма Гумилева в отношении войны, ее патриотизм был не менее глубок. Подобно Кассандре, она сознавала, что мир движется к катастрофе. И предчувствие ее оправдалось. Россия потеряла на фронте больше людей, чем любая другая страна. (10)

Брак Ахматовой с Гумилевым окончательно распался, хотя они продолжали встречаться и уважение ее к его творчеству не ослабевало. В январе 1915 года Гумилева отправили с фронта в Петроград. В «Бродячей собаке» в его честь был устроен поэтический ве-

чер. За окнами выла вьюга. Под потолком висели клубы табачного дыма, слышался звон бокалов. Затем Гумилев вернулся на фронт, но вскоре тяжело заболел и оказался в петроградском госпитале. Ахматова навестила его лишь однажды, в 1915 году.

Ахматова принимала участие в ряде благотворительных мероприятий в пользу раненых. 26 января 1915 года она читала стихи Гумилева в Александровском зале городской думы, «Бродячая собака» к тому времени была закрыта полицией. Царивший в подвале дух противоречил установкам военной цензуры. Ахматова выступала вместе с Блоком, Кузминым и Мандельштамом. Ее выступление было принято очень благожелательно. В конце января на квартире поэта и переводчика Михаила Лозинского Ахматова прочла поэму «У самого моря». Среди присутствовавших были Николай Недоброво и Владимир Шилейко. Специалист по древним языкам Владимир Казимирович Шилейко позднее стал вторым мужем Ахматовой.

В апреле 1915-го вышло второе издание книги «Четки». Популярность книги была очень высока. Большинство стихов, вошедших в нее, было написано в 1912-м или 1913 годах. Во многом «Четки» стали продолжением лирического дневника первой ахматовской книги «Вечер». Конечно, в «Четках» есть религиозные мотивы, но все же большая часть стихов посвящена чувству любви и утраты:

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый! (11)

В 1915 году Ахматову очень беспокоило здоровье свекрови. Та заболела бронхитом, врачи подозревали туберкулез. Мать Гумилева жила в холодной, неудобной квартире. Няня не могла больше помогать ба-

бушке присматривать за трехлетним Левушкой. Ахматова провела несколько месяцев со свекровью, но ее сердце по-прежнему оставалось в Петрограде. И тем не менее большая часть стихов, вошедших в сборник «Белая стая», была написана в Слепневе, где Ахматова жила вместе с сыном. «Белую стаю» открывает одно из самых печальных и самых пророческих стихотворений, написанное в 1915 году:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
 А как стали одно за другим терять,
 Так, что сделался каждый день
 Поминальным днем, —
 Начали песни слагать
 О великой щедрости Божьей
 Да о нашем бывшем богатстве. (12)

Но в 1915 году потери России еще только начинались.

Ахматова не получала никаких известий от Гумилева, снова ушедшего на фронт. Она писала жене поэта Федора Сологуба: «Лето у меня тяжелое: газеты приходят не каждый день, так что военные вести узнаешь с большим опозданием, Николая Степановича перевели куда-то на юг, и он теперь пишет еще реже. Я поправляюсь очень медленно, но много работаю». Вместе с письмом она отправила стихотворение «Молитва» для альманаха «Война». (13) В написанной 11 мая 1915 года «Молитве» Ахматова говорит о своей готовности пожертвовать не только любимым, но даже и собственным сыном, лишь бы страдания русского народа подошли к концу. Вероятно, повзрослевшему Льву нелегко было читать такие строки, написанные матерью:

Дай мне горькие годы недуга,
 Задыханья, бессонницу, жар,
 Отыми и ребенка, и друга,
 И таинственный песенный дар —

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей. (14)

Лукницкий вспоминает, что в середине августа 1915 года Ахматова получила телеграмму с известием о болезни отца. Несмотря на антагонизм, существовавший между ними, она бросилась на Крестовский остров и двенадцать дней ухаживала за ним вместе с Еленой Страннолюбской, спутницей последних дней Андрея Антоновича. Как-то ночью отец проснулся и попросил Анну узнать, когда его сын Виктор, служивший во флоте, вернется с маневров. Анна сказала, что это будет очень скоро. Но двумя днями позже Андрей Антонович Горенко умер, так и не увидев сына. 27 августа 1915 года он был похоронен на Волковом кладбище. После смерти отца у Ахматовой вновь обострился туберкулез, и врачи предписали ей постельный режим. Большую часть зимы 1915/16 года она провела в постели. Лукницкий вспоминает ее рассказ: «По утрам вставала, совершала туалет, надевала шелковый пеньюар и ложилась опять». (15) В ноябре ее отправили в санаторий, но там Ахматова не могла спать и умоляла вернуть ее в Петроград. Возвращение подействовало на нее благотворно, и она начала выздоравливать.

В декабре того же года Ахматова отправила Сергею Есенину экземпляр своей поэмы «У самого моря», вырезанный из журнала «Аполлон», с дарственной надписью. Есенин уже тогда был знаменитостью. Он очень хотел встретиться с Ахматовой, но позднее говорил о том, что она совершенно не похожа на свои стихи. Ахматова приняла Есенина вежливо и тепло. Впоследствии он никак не мог объяснить, что же ему в ней не понравилось. Близкими друзьями они так и не стали.

В январе 1916 года в Петроград в надежде встретиться с Ахматовой приехала Марина Цветаева. В тот момент Ахматовой не было в городе. Мы не знаем, как эти две выдающиеся женщины относились друг к другу в молодости. Похоже, что, как часто случилось в жизни Цветаевой, любила она, а Ахматова лишь принимала ее любовь. В тот момент Цветаева с трудом оправлялась после болезненного разрыва с поэтессой Софией Парнок. 19 июня 1916 года Цветаева написала первое из целого цикла стихотворений, посвященных Ахматовой.

О, муза плача, прекраснейшая из муз!
 О ты, шальное исчадие ночи белой!
 Ты черную насылаешь метель на Русь,
 И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
 Стотысячное — тебе присягает, — Анна
 Ахматова! Это имя — огромный вздох,
 И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
 Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
 И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
 Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
 И Спаса светлого славит слепец бродячий...
 — И я дарю тебе свой колокольный град,
 Ахматова! — и сердце свое в придачу! (16)

Описание выступления Цветаевой в Петрограде можно найти в ее мемуарах «Нездешний вечер». Здесь она пишет и о том (об этом часто вспоминал Мандельштам), что Ахматова носила стихи, посвященные ей Цветаевой, в сумочке до тех пор, пока от них не остались «одни складки и трещины». Когда Лидия Чуковская в 1958 году прочла этот фрагмент Ахматовой, та ответила, что ничего подобного не было: «Ни ее стихов у меня в сумочке, ни трещин и складок». (16*)

У Гумилева продолжались романы с разными женщинами. Впрочем, порой эти отношения и романом-то было трудно назвать: например, с Маргаритой Тумповской, убежденной теософкой, увлекавшейся оккультизмом. Но осенью 1916 года Гумилев серьезно увлекся Ларисой Рейснер. В те годы Лариса была очень молода. Она училась в Психоневрологическом институте. Ее отец был богатым землевладельцем, но переехал в Санкт-Петербург, чтобы изучать и преподавать юриспруденцию. В 1915 году Лариса начала писать стихи и прозу. Она даже издавала журнал, в котором резко критиковала политику царского правительства. Они с Гумилевым познакомились в «Привале комедиантов». Ларисе нравились его стихи. Когда же война их разлучила, они стали писать друг другу нежные любовные письма.

Однажды Ахматова встретила Ларису в «Привале комедиантов», куда она пришла посмотреть репетицию кукольного представления. Пока кто-то помогал Ахматовой одеваться, она подала Ларисе руку. Ахматова не знала об увлечении Гумилева Рейснер. К своему удивлению, она увидела на щеках Ларисы слезы: «Благодарю вас! Вы так великодушны! Я никогда не забуду, что вы первая протянули мне руку!» (17) Позднее Ахматова вспоминала: «Да и знала бы — отчего же мне не подать ей руки?» (18) Она не отрицала, что Лариса была очень красива. Позднее Рейснер рассказала Ахматовой, что Гумилев делал ей предложение, но она сочла невозможным причинить боль Ахматовой, которой всегда восхищалась.

К этому времени неверность мужа более не огорчала Ахматову. За ней самой ухаживали многие мужчины. В 1913 году она познакомилась с Николаем Недоброво и рассказывала друзьям, как многому он ее

научил. Николай Владимирович был очень образованным, элегантным, красивым мужчиной. Его стройная фигура и выразительные руки вызывали восхищение. Юлия Сазонова-Слонимская писала о том, что в его личности соединялись «внешняя сдержанность, доходившая почти до холодности, с внутренней способностью любви и дружбы, почти патетической». (19) Глубоко религиозный человек, Недоброво воспринимал Россию не только как родную страну, но еще и как источник высокой духовности.

Николай Владимирович Недоброво родился в 1884 году в аристократической семье. Его детство прошло в родительском имении под Харьковом. Он был женат на Любви Ольхиной, красивой, интеллигентной женщине, страстно любившей своего мужа. Отношения Недоброво с Ахматовой причиняли ей сильные страдания. Сблизившись с Николаем Владимировичем, Ахматова не могла не думать о страданиях его жены. Однажды она заметила, что не понимает брака Недоброво — ведь его жена ничего не смыслит в поэзии. (20) Для женщины, нежное отношение которой к друзьям хорошо известно, подобная жестокость кажется удивительной, но, как мы еще увидим, Ахматова всегда была довольно сурова к женщинам, предъявлявшим права на мужчин, которых она считала своими.

Гумилев с Ахматовой продолжали встречаться, хотя их брак окончательно распался. Гумилев, проникшийся глубоким интересом к православию, проводил зиму за чтением святоотеческих книг. В марте 1916 года он вступил в Александринский гусарский полк. Весной того же года Ахматова переехала из Царского Села в Петроград. Некоторое время она жила в темной, неуютной квартире. У нее обострил-

ся бронхит, опять перешедший в туберкулез. Ахматова не могла ухаживать за ребенком, и это вызывало у нее чувство печали и вины:

Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать. (21)

В сентябре 1916 года Ахматова опубликовала четыре новых стихотворения в «Альманахе муз». Мандельштам отметил новую для ее творчества религиозную простоту. Он утверждал, что ее стихи — это истинная слава России. В следующем месяце Ахматова уехала в санаторий в Финляндию. Критики относились к ней восторженно. Виктор Жирмунский отмечал «душевное своеобразие» Ахматовой, которое позволяет причислить ее «к преодолевшим символизм». Он писал: «Ее поэтическое дарование делает из нее наиболее значительного поэта молодого поколения». (22)

О творчестве Ахматовой написал статью и Николай Недоброво. Его статья появилась в «Русской мысли» в 1915 году. В ней он писал:

«Эти муки, жалобы и такое уж крайнее смирение — не слабость ли это духа, не простая ли сентиментальность? Конечно, нет: самое голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное, самое спокойствие в признании и болей, и слабостей, самое, наконец, изобилие поэтически претворенных мук — все это свидетельствует не о плаксивости по случаю жизненных пустяков, но открывает лирическую душу, скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную». (23)

Как замечал другой критик, Недоброво сумел почувствовать мощь и силу, свойственные элегантно и апатичной поэтессе. Сама Ахматова позднее поражалась: «Как он мог угадать жесткость и твердость впереди? Это чудо. Ведь в то время принято было считать, что все эти стишки — так себе, сентименты, слезливость, каприз. Паркетное ломанье... Но Недоброво понял мой путь, мое будущее, угадал и предсказал его, потому что хорошо знал меня». (24)

Несмотря на глубокое уважение к интеллигентности и доброте Недоброво, влюбилась Ахматова не в него, а в его друга, Бориса Анрепа. В дневнике она записала: «С Анрепом я познакомилась в Великом Посту в 1915 в Царском Селе у Недоброво (Бульварная)». Когда они стали близки, Ахматова написала Недоброво нежное стихотворение, в котором признавалась, что дружба между ними никогда не перерастет в любовь, потому что ее сердце не бьется чаще под его рукой. Недоброво было трудно перенести эту измену. В 1915 году он узнал, что болен туберкулезом, и последние годы жизни провел в Крыму. В последний раз Ахматова видела его в 1916 году в Бахчисарае. Николай Владимирович Недоброво умер в Ялте в 1919 году.

Дружба Недоброво и Анрепа началась еще в харьковской гимназии. Но дружба не помешала Анрепу полюбить Ахматову. Борис Анреп был фигурой романтической. В его генеалогическом древе мы находим средневековых рыцарей, генерала шведского короля Карла XII и незаконнорожденную дочь Екатерины Великой. В 1908 году он женился на Юнии Хитрово, затем отправился изучать искусство в Париж, оттуда в Англию, где сблизился с членами группы Блумсбери. Леди Оттолин Моррелл приглашала его на свои знаменитые встречи, отмечая его юную жизнерадостность и веселье. Неясно, что было известно Ахма-

товой о жизни Бориса в Англии. Несколько лет он был любовником американки Элен Мейтленд, приехавшей в Европу в 1909 году. В Париже Мейтленд стала любовницей друга Огастеса Джона Генри Лэмба. С 1910 года она живет с Борисом и его женой Юнией. Когда в 1914 году у нее родился ребенок от Анрепа, Юния переехала вместе с ней в Англию и помогала ухаживать за младенцем.

Элен Мейтленд была близкой подругой Ванессы Белл. Дункан Грант впервые познакомился с ней во Флоренции, когда ему было двадцать лет. Элен и Ванесса вели цыганский образ жизни, играли на гитаре и пели. Грант пишет о том, что Элен ходила в длинных цветастых платьях, заколотых брошью, куталась в шали, спадавшие с одного плеча. Она словно сошла с полотна Гойи или Мане.

Богемная жизнь была для нее совершенно естественна. Грант с удивлением замечал, что стоило ей сесть в кресло, как художники немедленно хотели писать ее. (25)

С Ахматовой Анреп познакомился, вернувшись в Россию после объявления войны. Он собирался вступить в русскую армию. Юния сначала отправилась в Польшу, а затем на юг России. Увлечение Анрепа Мейтленд оказалось сильнее любви к Ахматовой. Но в 1915 году Борис часто ужинал с Анной и нередко сопровождал ее. Впрочем, их отношения не мешали ему планировать возвращение в Англию.

В стихотворении, написанном весной 1915 года в Царском Селе, Ахматова говорит об Анрепе так, словно всю жизнь ждала только его одного:

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
 Глади веселыми глазами:
 Вот эта синяя тетрадь —
 С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
 И солнцу радовалась мало.
 Прости, прости, что за тебя
 Я слишком многих принимала. (26)

Стихи, написанные весной 1915 года, проникнуты любовью к Борису Анрепу, которого Ахматова называла своей единственной истинной любовью, несмотря на то, что прекрасно знала об его увлечениях и браке. Ахматова вспоминала Анрепа до конца жизни. Ни Евгений Рейн, ни Анатолий Найман не могли объяснить природы этой привязанности. Возможно, Ахматову привлекали в Борисе его аристократизм и красота.

Анреп был выдающимся художником-мозаичистом, но при этом человеком легкомысленным, нерелигиозным и фривольным. Он обладал большой физической силой, был спортсменом и даже участвовал в Уимблдонском турнире в 1920 году. Во время Второй мировой войны он принимал активное участие в движении Сопротивления во Франции. Но всю жизнь он оставался эгоистом, думающим только о собственном удовольствии. Впрочем, Ахматову всегда тянуло к подобным мужчинам. Анреп вел свободную богемную жизнь, не обременяя себя обязательствами. (27)

Вновь Анреп встретился с Ахматовой, когда вернулся с фронта навестить своего друга Николая Недоброво. Эта встреча состоялась 13 февраля 1916 года. Борис присутствовал на чтении трагедии Недоброво «Юдифь», но, заметив Ахматову, потерял интерес к стихам. Он сел рядом с ней. Недоброво сидел за высоким столом в стиле итальянского Ренессанса — он всегда любил красивую мебель. Анреп не мог ото-

рвать глаз от профиля Ахматовой. Влечение оказалось взаимным. Борису Ахматова подарила знаменитое черное кольцо, оставленное Анне бабушкой.

Героиня поэмы «Сказка о черном кольце» тоже собирается подарить кольцо своему любимому. Евгений Рейн говорил мне о том, что Ахматова вспоминала об Анрепе всю жизнь и посвятила ему множество стихов. Красота и интеллект Ахматовой не могли не произвести впечатления на Анрепа, но увлечение не помешало ему принять дипломатический пост в Лондоне. Это произошло в середине февраля 1916 года. Он намеревался вернуться (по крайней мере, говорил об этом) через полтора месяца, но жизнь в Англии показалась ему более привлекательной. В Россию он приехал лишь на короткое время в конце 1916 года. За день до его отъезда Ахматова послала Борису свою книгу «Вечер» с надписью:

«Борису Анрепу.

Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.

1916 Царское Село
13 февраля» (28)

Анреп подарил ей свое четверостишие, которое она зашила в шелковый мешочек, и деревянный резной крест, найденный в заброшенной церкви в Карпатских горах в Галиции. Этот крест не раз встречается в стихах Ахматовой. Вместе с крестом Анреп написал Анне эти строки:

Я позабыл слова и не сказал заклатья,
По деве немощной я, глупый, руки стлал,
Чтоб уберечь ее от чар и мук распятья,
Которое ей сам, в знак дружбы, дал.

Ахматова хотела верить в любовь Анрепа, но его отъезд она сочла предательством по отношению к себе, к православию и к России. Ей никогда не нравилось его легкомысленное отношение к Православной церкви:

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта. (29)

Ожидая писем от Анрепа, Ахматова написала печальное стихотворение «А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...».

8 марта 1916 года Ахматова написала стихотворение «Я окошка не завесила» и акrostих, посвященный Анрепу. 11 июля она посвятила ему стихотворение «Я знаю, ты моя награда...». Отсутствие любимого только усиливало его власть над ее воображением. Он напоминал ей о страстной любви к холодному Голенищеву-Кутузову, ее первому возлюбленному.

В августе 1916 года Гумилев оставил свой полк и отправился в Петроград, чтобы сдать экзамен на чин корнета (младшего лейтенанта). Он навестил семью, но поселился в комнате на Литейном проспекте, где и прожил до октября. Все это время длился его роман с Ларисой Рейснер. 25 октября 1916 года, провалив экзамен на чин офицера, Гумилев вновь вернулся на фронт.

В декабре 1916 года Ахматову представили жене Бориса Анрепа Юнии. Анна гостила у нее в Бельбеке, неподалеку от Севастополя. Юния разошлась с мужем и работала медсестрой. (30) Она очень понравилась Анне, и та даже посвятила ей стихотворение, несмотря на то, что постоянно продолжала ожидать письма от Бориса.

РЕВОЛЮЦИЯ

Начало января 1916 года, начало последнего года старого мира.

Марина Цветаева (1)

Вспоминая свое выступление в Петрограде в январе 1916 года, Цветаева сравнивала настроение, царившее в городе, с маленькой трагедией Пушкина «Пир во время чумы». Участники кощунственной оргии воспевали неотвратимость царящей повсюду смерти. Богатые и знатные изменяли друг другу, пили шампанское, тратили деньги на черную икру. В казино проигрывали огромные состояния. (2). Ходили слухи о сексуальной распушенности царицы. Говорили, что она была любовницей Распутина и в то же время имела лесбийскую связь со своей фрейлиной Анной Вырубовой. Эти слухи подогревали нелюбовь народа к династии Романовых. Русская армия терпела поражение за поражением. Царь по настоянию жены принял командование армией, и теперь вся полнота ответственности за военные ошибки ложилась на его плечи. Молодые мужчины погибали в окопах. В стране царил разгул преступности, повсеместно устраивались забастовки и демонстрации.

Против существующего режима строились заговоры, но успехом увенчался только один. Заговорщики во главе с князем Юсуповым сумели убить Распутина. Это произошло 16 декабря 1916 года. Аристократия встретила известие о смерти Распутина с восторгом. Впрочем, многие женщины, даже самого вы-

сокого происхождения, отправились за святой водой к реке, куда было сброшено тело временщика. Убийство Распутина имело неожиданные последствия. Царь более чем когда-либо укрепился в мысли о необходимости противостоять любым реформам. Война продолжалась, а толпы голодных и озлобленных выплеснулись на улицы.

Декабрь 1916 года Ахматова провела с Юнией Анреп, а когда окрепла достаточно, отправилась в Петроград, а оттуда в Слепнево, где встретила Рождество и Новый год с Левушкой и Гумилевым. Атмосфера в Слепневе была совершенно пушкинской — санки, валенки, снежки и медвежьи шкуры. В Слепневе Ахматова оставалась до середины 1917 года. Все это время она подбирала стихи для своего нового сборника «Белая стая». Работа оказалась нелегкой. Ахматова писала Михаилу Лозинскому, спрашивая его мнения о том, что следовало бы включить, а от чего отказаться. Огромное количество стихов, посвященных Анрепу, говорит о том, что мысли о его предательстве не оставляли Ахматову.

Сама она находилась в непростой ситуации. Собственных средств у нее не было, отец ее умер, а мать жила в Крыму на скромную пенсию. Кроме гумилевского дома в Царском Селе у Ахматовой не было жилья. Вернувшись в начале 1917 года в Петроград, она остановилась у старинной подруги, Валерии Срезневской, в квартире ее отца на Боткинской улице. Доктор квартировал прямо в психиатрической клинике, где и работал.

Жизнь в городе была беспокойной. Муки не было. Даже в ресторане нельзя было заказать булочек, не говоря уже о тортах и пирожных. Полки магазинов опустели, и рабочие не могли купить еды для своих детей. Очень скоро возле булочных выстроились

огромные очереди. Женщины ночевали возле магазинов, где, по слухам, имелись запасы муки и сахара. К началу 1917 года средняя жительница Петрограда проводила в очередях около сорока часов. (3)

В этих очередях и родилась Февральская революция 1917 года. Первые выступления начались на Выборгской стороне, где жила Ахматова. Огромная демонстрация направилась отсюда прямо к центру города.

Первые столкновения произошли на Невском проспекте 25 февраля. Группа демонстрантов была атакована эскадром казаков возле Казанского собора. Но солдаты вполне могли сами быть рабочими и крестьянами, поэтому толпа поначалу отнеслась к ним доброжелательно. Молодая девушка подарила офицеру букет роз. Ко всеобщему облегчению, он принял цветы. Толпа разразилась рукоплесканиями. Но кровопролитие было неизбежно. К 6 февраля демонстрации начали расстреливать. Центр Петрограда походил на военный лагерь. Поворотной точкой стала демонстрация на Знаменской площади. Гибель нескольких демонстрантов разъярила толпу, и скоро ситуация вышла из-под контроля. Солдаты Петроградского гарнизона отказались подчиняться приказам командиров. Началась революция. Торжествующие толпы открыли все тюрьмы — точно так же, как когда-то французские революционеры открыли камеры Бастилии.

Утро начала революции Ахматова провела у портнихи. Что происходит в городе, она поняла лишь тогда, когда кучер пролетки отказался ехать на Выборгскую сторону. Ахматовой пришлось добираться домой пешком. Повсюду раздавались крики и выстрелы.

Три лидера большевистской партии — Троцкий, Бухарин и Ленин — в это время находились за гра-

ницей. Февральские события стали звездным часом для Александра Федоровича Керенского. После победы революции он перебрался в Зимний дворец. К сожалению, в России никогда не существовало традиций демократической ответственности. Учредительное собрание не имело никакого опыта власти. Несмотря на ряд идеалистических реформ, депутаты не попытались вывести Россию из состояния войны.

Интеллигенция с энтузиазмом приветствовала Февральскую революцию. «Произошло чудо, и, следовательно, будут еще чудеса», — писал Блок матери 23 марта 1917 года. (4) Марина Цветаева в те дни ожидала рождения второго ребенка. В Керенском она видела второго Бонапарта. Падение монархии стало столь неожиданным, что людям казалось, что они попали в сказку. Власть была передана Временному правительству, а царя вынудили отречься от трона. Россия ликовала. Петроград покрылся красными флагами, люди пели «Марсельезу». На селе же ситуация была другой. Крестьяне собирались в церквях и служили молебны о спасении России. Грядущие перемены их пугали. Они всегда считали царя своим защитником. Новые правители полагались на врожденную богобоязненность и послушливость русского народа и считали, что переход к западной демократии пройдет без осложнений. Временное правительство инициировало ряд реформ. Была объявлена всеобщая амнистия, провозглашена свобода собраний и прессы, сняты все юридические ограничения, основывающиеся на религиозных убеждениях, классовой принадлежности и национальности.

Несмотря на первоначальный энтузиазм, Временное правительство не могло справиться с гражданскими беспорядками. В период с апреля по июль 1917 года в России бастовали более полумиллиона

рабочих. Они требовали повышения заработка, восьмичасового рабочего дня и хлеба. Невский проспект превратился в некое подобие Латинского квартала. На каждом углу проходили демонстрации и митинги, повсюду висели плакаты на русском, польском, литовском и еврейском языках. Политические памфлеты и книги раздавали прямо на тротуарах. (5) На фронте же хотели только одного — мира, но этого Временное правительство дать народу не могло. С марта по октябрь с фронта дезертировало около миллиона солдат.

Столкнувшись с опасностью гражданской войны, меньшевики и большевики были вынуждены на время объединиться. Русские либералы говорили о правлении вместе с народом. Они сравнивали себя с французскими героями 1789 года. Намерения их были самыми благими, но они не учитывали ненависти народа к власти имущим, а ненависть эта очень скоро залила всю страну кровью.

Но не все были настроены столь оптимистически. Горький, описывавший в своих книгах ужасающую несправедливость, царящую в русском обществе, был потрясен жестокостью революции. Он боялся того, что массы невежественного народа дадут волю своим низменным инстинктам. 14 июня 1917 года Горький пишет жене в Москву об ужасах, творящихся в Петрограде после Февральской революции: «Города отравлены грязью, здесь, например, ужас что творится, не столица это, а клоака. Никто не работает, улицы безобразны, во дворах — свалки гниющего мусора. И жарко! <...> Идет организация лени, трусости и всех тех подлых чувств, против которых я всю жизнь боролся и которые, кажется, погубят Русь». (6)

Исайе Берлину было семь с половиной лет, когда

он впервые увидел лозунги «Вся власть Думе», «Долой царя», «Долой войну!». Он видел, как толпа забила до смерти молодого городского: эта сцена запомнилась ему на всю жизнь.

Летом 1917 года Ахматова на несколько месяцев уехала в Слепнево. Но желанного покоя ей обрести не удалось. Местные крестьяне разрушали и жгли поместья. Ахматова с иронией писала Михаилу Лозинскому: «Но крестьяне обещают уничтожить слепневскую усадьбу 6 августа, потому что местный праздник и к ним приедут «гости». Недурной способ занимать гостей».

Многие представители либеральной интеллигенции начали уезжать за границу еще до большевистского Октябрьского переворота. Ахматова прекрасно понимала всю опасность, но отказалась уехать, хотя Анреп к тому времени уже был в Лондоне. Возможно, именно его голос она вспоминала, когда в 1917 году писала:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда...»

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух. (7)

Если Ахматовой и хотелось последовать за Анрепом за границу, его молчание в последующие несколько месяцев окончательно убедило ее в том, что она забыта. Летом 1917 года она пишет:

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.

Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя? (8)

Но после такого горького вступления она все же представляет себе, как покинет Петроград и Россию:

Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я! (9)

В другом стихотворении, также датированном 1917 годом, Ахматова весьма иронично говорит о любви, называя ее вымыслом. Любви нет, даже если люди тянутся друг к другу и боятся расстаться.

Ахматова продолжала считать Анрепа предателем. Летом 1917 года она пишет стихотворение, в котором сразу же обвиняет его в отступничестве:

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну. (10)

Ахматова не простила Анрепу слов о том, что он любит «покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный и политический бред». (11) Анреп не писал ей писем. По мере того, как положение самой Ахматовой и ситуация в Петрограде ухудшались, чувство предательства становилось все более острым. В другом стихотворении, написанном в 1917 году, она пишет о том, как Борис узнает о ее смерти:

И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу. (12)

И тем не менее она продолжала любить Анрепа. Ахматова, по элегантному выражению Аманды Хейт, называла его «истинным возлюбленным, долгождан-ным женихом, «суженым», расставание с которым никогда не станет разлукой». (13) Остается только гадать, что же такое сделал Анреп, чего Ахматова не смогла забыть. Может быть, ее привлекло его неуклонное стремление всегда идти собственным путем? Найман пишет о том, что Анреп «сделался для Ахматовой чем-то вроде *amor de lohn*, трубадурской «дальней любви», вечно желанной и никогда не достижимой. К нему обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов как до, так и после разлуки». (14) Стихи Анрепа вызывали у Ахматовой исключительно сентиментальные чувства, но она не могла не оценить его преданности искусству.

На полу вестибюля Национальной галереи в Лондоне и сегодня можно увидеть мраморную мозаику Анрепа «Пробуждение муз», созданную в период между 1928 и 1933 годами. В Мельпомене мы узнаем Грету Гарбо, музу трагедии. Другими героями стали члены кружка Блумсбери. Клио, муза истории, предстает в образе элегантной Вирджинии Вульф, а Вакхом стал критик Клайв Белл.

В 1945 году Анрепу заказали четвертую мозаику для Национальной галереи, «Современные добродетели». И снова он использовал образы известных личностей британской истории. На его мозаике появились Бертран Рассел и Эдит Ситвелл. И рядом с ними, в образе Сострадания, мы видим Анну Ахматову. Выступая по русскому радио, Анреп сказал, что создавал не портрет, а воспоминание о юной Анне Ахматовой и об осаде Ленинграда. (15)

Третья книга стихов Ахматовой, «Белая стая»,

была опубликована в сентябре 1917 года. Несмотря на обилие стихов, посвященных покинувшему ее возлюбленному, Ахматова уже начала говорить от имени всего русского народа, страдавшего от тягот войны. Она отлично понимала, каково солдатам в окопах, и с этого момента ее поэзия проникнута чувством сострадания. Вдовы, оплакивающие своих мужей, стали ей родными. Вся Россия для нее превратилась в Тело Христово:

Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих. (16)

Ахматова чувствовала, что Господь избрал ее, чтобы она пела об этих страданиях, и во имя своего высокого долга она отказывалась от мира простых человеческих радостей. Петроград стал символом ее подвижничества.

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный. (17)

Книга вышла в Петрограде, охваченном революцией. Доставить «Белую стаю» в Москву не удалось, поэтому распространение сборника стало весьма затруднительным: журналы закрывались, газеты переставали выходить. Ахматова более не могла рассчитывать на поддержку читателей.

В 1917 году ситуация в России еще более ухудшилась. К 10 октября более 75 тысяч рабочих взяли за оружие. 17 октября рабочие заводов Леснера и Рено оставили работу и вышли на улицу, распевая революционные песни. К тому времени Ленин уже тайно вернулся из Финляндии. С помощью Троцкого он возглавил большевистский переворот.

Красная гвардия штурмом взяла Зимний дворец и арестовала Временное правительство. За несколько часов до этого Керенский бежал из дворца в женском платье. В день взятия Зимнего мост, ведущий на Выборгскую сторону, был разведен, чтобы большевистские крейсера могли подойти к дворцу. Этот факт отражен в фильме Эйзенштейна «Октябрь». Ахматова только что вернулась из Слепнева. Она стояла возле Литейного моста и видела, как его разводят. Машины, трамваи и люди буквально посыпались с неожиданно «вставшего на дыбы» моста.

В январе 1918 года Анреп снова вернулся в Россию, надеясь встретиться с Ахматовой. Пытаясь разыскать ее, он пешком по льду перешел Неву, чтобы попасть на Выборгскую сторону, где Анна жила у Срезневских. Она была тронута его поступком, сказала, что он подвергал себя серьезной опасности, что «офицеров хватают на улице». Борис показал ее черное кольцо, которое носил на цепочке на шее. Этот талисман не мог его не защитить. А кроме того, он предусмотрительно снял погоны.

Анреп написал сентиментальные воспоминания об этой встрече, как мне кажется, значительно преувеличив силу своих чувств:

«Анна Андреевна тронула кольцо. «Это хорошо, оно вас спасет». Я прижал ее руку к груди. «Носите всегда». — «Да, всегда. Это святыня», — прошептал я. Что-то бесконечно женственное затуманило ее глаза, она протянула ко мне руки. Я горел в бесплотном восторге, поцеловал эти руки и встал. Анна Андреевна ласково улыбнулась. «Так лучше», — сказала она». (18)

Последнее замечание явно звучит фальшиво. Ведь столько ахматовских стихов проникнуты чувством разочарования от отъезда Анрепа. Тем вечером Ах-

матова и Анреп собирались на генеральную репетицию лермонтовского «Маскарада». Роскошный спектакль шел в переполненном зале, несмотря на то, что на улицах продолжали стрелять. Спектакль пророчил катастрофу и конец света, а на улицах вершился мрачный карнавал и кровь лилась на снег и камни.

Анреп, проявивший хладнокровие и смелость перед лицом опасности, не ждал от советского правительства ничего хорошего. Сразу же после встречи с Ахматовой он первым поездом покинул Россию и отправился в Англию. Неясно, рассказал ли он Анне о своей давней связи с Элен Мейтленд. (19) Отсутствие Бориса вдохновило Ахматову на новые стихи:

Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар. (20)

Жизнь Анрепа в Англии сложилась счастливо. Он не утратил своего обаяния даже в старости. Анна Уолхайм, первая жена известного философа Ричарда Уолхайма, знала его гораздо позднее, когда он жил с Мод Рассел, одной из покровительниц мозаичного отдела Национальной галереи. Анна Уолхайм вспоминает Анрепа, как «очаровательного человека, любившего играть в шахматы, и явного эгоиста». (21)

После Октябрьского переворота интеллигенция стала пытаться найти место в новом марксистском государстве. Многие выехали в Грузию, в Тбилиси, но наиболее прозорливые, такие, как Анреп, предпочли перебраться в Западную Европу. Старый порядок остался в прошлом, а вместе с ним ушла в прошлое и спокойная, упорядоченная жизнь. Деньги на банковских счетах потеряли ценность. В стране не хватало продуктов и топлива.

Мандельштама никогда не призывали в армию.

В 1916 году он оказался в Крыму. С новым миром он столкнулся в 1918 году. Его город, его семья, все, кого он любил, — все умирало:

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина. (22)

Мандельштам писал об умирании города даже тогда, когда смотрел в ночное небо. Великолепный рефрен повторяется в одном из его стихов:

О, если ты звезда — воды и неба брат,
Твой брат, Петрополь, умирает! (23)

Война не прекращалась. Ахматова продолжала верить в милосердие Божие, но страдания огромного количества людей заставляли ее думать, не является ли эта трагедия расплатой и возмездием за распущенность высших классов общества.

К этому времени на юге начала формироваться армия противников революции. 5 сентября 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о расстреле всех, кто связан с белогвардейскими организациями, принимал участие в заговорах и восстаниях. Тем не менее противники большевиков — и в их числе муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон — с оружием в руках присоединялись к Белой армии. В стране началась кровопролитная, жестокая и бессмысленная гражданская война. Беспощадную картину того времени Михаил Булгаков дал в романе «Белая гвардия» (1924), а затем в пьесе «Дни Турбиных» (1926).

Война длилась три года. Обе армии проливали моря крови. В стране жестоко подавлялись крестьянские восстания, устраивались казни заложников. Обычная торговля между городом и деревней практически прекратилась. За несколько лет население Пет-

рограда сократилось с двух миллионов до пятисот тысяч человек. Люди страдали от голода и холода.

Однажды вечером Ахматова слушала, как хор мальчиков исполнял «Реквием» Моцарта, а возвращаясь домой, встретила процессию во главе со старым священником. Он сказал Ахматовой: «Перестань думать об искусстве. Искусство никому не нужно. Лучше открой табачную лавку». (24)

В Москве положение было не лучше. Марина Цветаева только что родила второго ребенка. Условия, в которых она жила, были ужасающими. Однако, несмотря на всю непрактичность, Цветаева обладала важным качеством, которого всегда недоставало Ахматовой: крепким здоровьем. Она могла пилить дрова, топить печи, мыть картошку в ледяной воде и при этом еще успевала следить за своей шестилетней дочерью Алей. И все же младшую дочь ей пришлось отдать в сиротский приют, где девочка умерла.

В 1917 году Цветаева писала: «Вся русская Революция на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лица, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь...» (25) Не все разделяли подобный пессимизм. В январе 1918 года, когда Блок написал «Двенадцать», идеалисты все еще надеялись, что разрушение старого мира станет основой для нового братства народов. Блок даже изобразил самого Христа во главе отряда красногвардейцев. Поэма начинается с изображения Петрограда, занесенного снегом. Несчастливая старушка не может понять, зачем огромный кусок ткани извели на плакат «Вся власть Учредительному собранию!», когда из нее можно было бы сделать «столько портянок для ребят». Двенадцать человек с винтовками, с цыгарками в зубах идут по улицам города. Вдруг раз-

дается выстрел — это убита одна из своих проституток. Двенадцать продолжают свой путь под красным флагом, убивая и сквернословя.

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольтьба! (26)

Но перед Двенадцатью возникает другая фигура, и тогда читатель вспоминает, что учеников Христа тоже было двенадцать:

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос. (27)

Но Ахматова, как и многие другие, считавшие, что жестокость революционных войск не подлежит оправданию, сочла эти строки кощунством.

После революции Ахматову часто навещал Мандельштам. Вместе они бродили по городу, слыша за спиной выстрелы и крики. В 1917—1918 гг. Ахматова продолжала жить у Срезневских. Многие стихи Мандельштама того периода посвящены ей. Вместе они посещали поэтические вечера в Академии искусств. Отношения между ними дали пищу разнообразным слухам. Однако Ахматова всегда настаивала на том, что они с Мандельштамом всегда были только друзьями, верными и преданными друг другу.

Во время Февральской революции Гумилева не было в Петрограде. Вернувшись, он остановился у Михаила Лозинского, в пустующей квартире Сергея Маковского. Затем Гумилев отправился в Париж, надеясь стать иностранным корреспондентом газеты «Русская воля». Он полагал, что знакомство с Михаилом Струве ему поможет. В июне 1917 года Гумилев

перебирается в Лондон. Впрочем, в отличие от Анрепа, желания покинуть родину у него никогда не было. По пути в Лондон он отправляет открытку Ларисе Рейснер, советуя ей быть подальше от политики.

После Октябрьского переворота Анреп более не писал Ахматовой. Возможно, он считал, что получение писем из-за границы может ей повредить. Но кольцо ее он продолжал носить на цепочке. Встретившись в Лондоне с Гумилевым, Анреп попытался передать Ахматовой шелк на платье и монету с профилем Александра Великого. Гумилев повел себя, как оскорбленный муж. Неясно, получила ли Ахматова эти подарки.

В Англии Гумилев встретился с Олдосом Хаксли и Кэтрин Мэнсфилд. Леди Оттолин Моррелл пригласила его в свой салон, повсюду его встречали как известного русского поэта. Возвращаясь домой, Гумилев вновь проехал через Париж. Там он встретил Елену Дюбуше, дочь известного хирурга. Елена была наполовину русской. Гумилев называл ее «Голубой звездой». Она вдохновила его на целый цикл стихотворений. Гумилев остался в Париже до апреля 1918 года.

Поведение и стихи Гумилева говорят о том, что он не испытывал симпатии к революционерам, но, подобно Ахматовой, считал, что должен разделить судьбу родины. Он хотел увидеть Ахматову и сына. В разговоре с Борисом Анрепом он говорил о «прекрасной душе» Анны. Анреп же считал, что Гумилев никогда по-настоящему не понимал Ахматову.

Вернувшись в Петроград, Гумилев сразу же позвонил Срезневским и узнал, что Анна ушла навеситить Владимира Шилейко, известного специалиста по Древнему Вавилону, завсегдатая «Бродячей собаки». На следующий день Ахматова пришла к Гуми-

леву и осталась у него до утра, но, когда он пришел к Срезневским, она попросила у него развода.

События развивались стремительно. Гумилев спросил, влюблена ли Ахматова в кого-нибудь, и она ответила, что собирается выйти замуж за Шилейко. Гумилев не поверил, и не без оснований. Да, Шилейко действительно бывал в «Бродячей собаке» и даже опубликовал несколько стихов. Но он был целиком поглощен работой: глиняными табличками, клинописью, пожелтевшими древними манускриптами. Он мог говорить только о Древнем Египте, Вавилоне и Ассирии. Гумилев не мог поверить в то, что Ахматова влюбилась в такого человека — с тонким лицом, кривой усмешкой и ядовитым языком.

Ахматова же считала свой союз с Шилейко чем-то вроде монашеского послушания. «К нему я сама пошла... Чувствовала себя такой черной, думала, очищение будет». (28) Вскоре после того, как Ахматова попросила у Гумилева развода, они вместе отправились в Слепнево, чтобы повидать Левушку. Гумилев снова пытался убедить Ахматову в том, что необходимости в разводе нет никакой. Отношения с Шилейко никак не влияли на отношения между ними. Впрочем, надо признать, что впоследствии Гумилев не чинил никаких препятствий для развода и смирился с решением Анны.

Владимир Казимирович Шилейко родился в Петергофе. Он учился в Петербургском университете. С 1913 года он работал в научном отделе Эрмитажа. В январе 1917 года его призвали в армию. После революции Шилейко занял пост консультанта по переводам в издательстве Горького «Всемирная литература». В то же время он занимал должность профессора в Петроградском археологическом институте. До революции Шилейко служил домашним учителем у

Шереметевых. Благодаря его положению в Российской академии, за ним сохранили его квартиру в Шереметевском дворце на Фонтанке. Дворец XVIII века был роскошным, но Шилейко жил в неудобной длинной комнате и спал на небольшой кушетке. Масляная лампа не освещала всей комнаты, в углах лежали тени. В квартире было ужасно холодно, и Владимиру Казимировичу приходилось поверх одеяла укрываться еще и шинелью.

Несмотря на все тяготы и лишения, театральная и художественная жизнь Петрограда была ключом. Осенью 1918 года открылся Дом искусств на Мойке. В состав совета вошли Ахматова, Гумилев, Корней Чуковский, критик Борис Эйхенбаум и Михаил Зощенко. Совет организовывал проведение лекций и концертов, а иногда искал пристанище для поэтов. В декабре 1919 года под покровительством Максима Горького открылся Дом ученых. Эта организация снабжала ученых продуктами, одеждой, дровами и лекарствами.

Гумилев проводил поэтические семинары в Доме искусств. На его лекции собиралось множество студентов. Гумилев имел весьма экзотический вид — разгуливал по улицам в лапландской меховой шубе и шапке с ушами. Читая лекции о современной поэзии и искусстве перевода, он не снимал шубы. Гумилев по-прежнему верил, что поэзия — единственное средство дать ответ на вопрос, в чем смысл жизни.

Документы о разводе Ахматовой и Гумилева были оформлены в августе 1918 года, а в декабре Анна вышла замуж за Шилейко. Она была преисполнена решимости стать верной женой, но жить с таким мужем, как Шилейко, было очень нелегко.

ГОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Думали: нищие мы, нету у нас ничего... (1)

Ахматова

Выбор Ахматовой поразил не только Гумилева. Саломея Андроникова, подруга Ахматовой еще по «Бродячей собаке», была удивлена и даже разочарована. Мы не знаем, как отнеслись к этому браку друзья Шилейко. Гораздо позднее Ахматова признавалась Анатолию Найману в том, что этот брак был «мрачным недоразумением» для обоих. (2) Аманда Хейт утверждает, что в 1917—1921 гг. Ахматова почти ничего не писала именно из-за Шилейко.

Первые трудности возникли из-за тягот, связанных с революцией и Гражданской войной. Жизнь в городах на севере России стала в буквальном смысле слова первобытной. Продуктов не хватало, не было дров, чтобы растопить печь. Германские войска начали бомбить Петроград 2 марта 1918 года, и Ленин решил перенести столицу в Москву. Городская инфраструктура Петрограда погибала. В городе не было электричества, канализация и водопровод не функционировали. вспомните, что писал Горький жене 14 июня 1917 года. (3)

На юге продолжалась Гражданская война. Здесь царили тиф, голод, жестокость. Кое-где бывали даже случаи каннибализма. Безжалостны были и красные, и белые. Мародерство стало в порядке вещей. Солдаты Красной гвардии беспрепятственно обыскивали

дома тех, кого они считали богатыми, и уносили все мало-мальски ценное.

Для Шилейко и Ахматовой наступили другие времена. Их комната была большой, но сырой и холодной. Кровать стояла за ширмой. Единственный книжный шкаф не вмещал всех книг, и они горами громоздились на полу. Уходя из дома Гумилева, Ахматова почти ничего не взяла с собой, и поэтому ей постоянно приходилось одалживать кастрюли у соседей. Впрочем, продуктов хронически не хватало, да и дрова для печки были не всегда. Владимир Казимирович оказался столь же непрактичен, как и Ахматова. Когда Анна научилась разжигать печь, это был настоящий триумф. Она, а не муж, стояла в очередях за продуктами, хотя надо признать, что только благодаря его положению они получали хоть какие-то продукты от Дома ученых.

Валерия Срезневская навестила их в 1918 году, незадолго до свадьбы. Она говорила, что Шилейко был замечательно красивым человеком. Он наизусть знал вавилонскую поэзию и прекрасно рассказывал вавилонские легенды. Но заметила Срезневская и эгоизм Владимира Казимировича. Ахматова же показалась ей утомленной и бледной. И Ахматова, и Шилейко страдали туберкулезом. Неудивительно, что в возрасте тридцати лет Ахматова писала о себе как о старой женщине, которая может надеяться только на Бога. 8 августа 1918 года она получила бумаги о разводе с Гумилевым, но они не представляли для нее никакого интереса: «Я даже никуда не ходила, ни с кем не говорила, абсолютно не знаю, как это происходило. Я просто получила бумажку, что разведена с таким-то. Был голод, был террор — все куда-то уезжали (многие навсегда), быта не было, все разводились. Нас так

давно уже все привыкли видеть врозь, никто не интересовался чужими делами. До того ли было!» (4)

В своей статье, опубликованной в «Русской мысли» и высоко оцененной Ахматовой, Недоброво рекомендовал ей следовать завету Пушкина и идти туда, куда влекут ее «мечтанья тайные». Какие тайные мечтанья привели Анну к Шилейко? Скорее всего, Ахматовой хотелось быть полезной человеку высокого интеллекта, быть нужной ему, поскольку ни Гумилев, ни Анреп в ней не нуждались. Шилейко же Анна была не просто нужна. Он требовал ее безраздельного внимания. Владимир Казимирович был настолько ревнив, что в одном из своих стихов Ахматова назвала его дом тюрьмой. (5) Она признавалась, что в этом союзе проявилась ее тяга к самопожертвованию. Шилейко ревновал Ахматову не только к друзьям, но и к ее стихам. Несмотря на весь свой научный блеск и успех своих ранних стихов, он понимал, что таланта Ахматовой ему Бог не дал.

Некоторое время Ахматова и Шилейко жили в Москве, где Владимир Казимирович нашел работу. Но вскоре им пришлось вернуться в Шереметевский дворец. Шилейко был болен, его мучила бессонница. Когда по ночам он работал, Анне приходилось вставать и готовить ему чай. Большую часть дня она записывала под диктовку его переводы. Потом они вместе шли гулять, а затем он снова принимался за работу — порой до четырех часов утра. Шилейко не мог работать без чая и курения. Евгений Рейн утверждает, что он спокойно тратил деньги на эту роскошь, хотя Ахматова почти что голодала. (6) Но в то же время Владимир Казимирович был способен на щедрые жесты. Однажды он вернулся домой и принес Ахматовой яблоки и спички — настоящее сокровище по тем временам.

Ахматова почти не писала. Многие поэты оптимистически смотрели в будущее, Ахматова же была исполнена тревоги с самого начала.

По ее стихам становится совершенно ясно, что писать она перестала, потому что муж не одобрял этого занятия.

Если верить Ахматовой, Шилейко был настоящим деспотом. Даже в 1917 году она называла его любовь «испытанием железом и огнем». (6*) Ближним друзьям Ахматова рассказывала о том, как муж ее мучил. Аманда Хейт считает, что Шилейко была нужна жена, а не поэтесса, поэтому он «сжигал ее рукописи в самоваре». (7)

Готовность Ахматовой терпеть домашнюю тиранию поразительна. В первый год брака с Шилейко она написала страшное стихотворение:

Но когти, когти неистовой
Мне чахоточную грудь,
Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель. (7*)

Конечно, в этих словах есть поэтическое преувеличение. Но и в других стихах Ахматовой чувствуется полнейшая ее эмоциональная зависимость от этого человека, даже когда она сознательно выбирает роль покорной жены:

Запрещаешь пить и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобой не расстаться,
Остальное все равно! (8)

В другом стихотворении мы встречаем намек на то, что Шилейко не захотел иметь детей от Анны. В 1918 году она пишет:

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму. (9)

Однако сохранились и другие свидетельства, которые говорят о той очевидной любви, которую Ахматова и Шилейко испытывали друг к другу. Тамару Шилейко, невестку Владимира Казимировича, которая всегда считала свекра нежным и любящим человеком, нельзя считать беспристрастным свидетелем. Но 19 января 1920 года Корней Чуковский записал в дневнике: «К Шилейке ласкова — иногда подходит и ото лба отметаает волосы. Он зовет ее Аничка. Она его Володя». (10) Шилейко придумал для Ахматовой прозвище «Акума» и часто пользовался им в письмах к ней, даже после разрыва. Оба обожали сенбернара Гапу. Найман вспоминает, что Ахматова говорила о Шилейко «без тени злопамятности, скорее весело и с признательностью». (11) Даже расставшись, Шилейко и Ахматова продолжали заботиться друг о друге.

В феврале 1922 года Ахматова снова пишет о «черной ревности» Шилейко:

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью». (12)

В отличие от ранних стихов, обращенных к неизвестному, ахматовская строка «Мне муж — палач, а дом его — тюрьма» явно обращена к Шилейко. Впрочем, нельзя сказать, что ревность Владимира Казимировича была совершенно беспочвенной. У Ахматовой были близкие отношения с Артуром Лурье, а затем с режиссером Михаилом Циммерманом.

Гумилев получил работу в новом издательстве Горького. Развод с Ахматовой больно его ранил, но довольно скоро он женился вновь, и снова на Анне, Анне Энгельгардт. С ней он познакомился в Финляндии, где лечил легкие. Анна Энгельгардт была моложе Гумилева. Он надеялся, что она будет более податливой, чем Ахматова. Ахматова описывала эту ситуацию с усмешкой: «Он вообразил, будто Анна Николаевна воск, а она оказалась — танк...» (13)

Гумилев выступал с чтением своих стихов. Когда его приглашали, он вел поэтические семинары, потому что считал, что поэзия и искусство помогают людям сохранить достоинство в самые трудные времена. С одной стороны, Гумилеву нужно было содержать новую семью, но все же он абсолютно искренне верил в спасительную силу поэзии. Ахматова же старалась избегать литературных собраний, где они могли встретиться. Работала она мало: всего два стихотворения в 1919 году и ни одного в 1920-м.

Ахматова видела, что Гумилев страдает, но считала, что его гордость уязвлена разводом. Не смягчилась она и позднее, хотя сумела сохранить спокойные, дружеские отношения с бывшим мужем. В ней жил холод, оставшийся с детства. Ахматова никогда бы не написала о Гумилеве так, как писала о своем муже Цветаева: «Он — мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого». (14)

С открытием Дома искусств и Дома ученых тревога либеральной интеллигенции немного улеглась. Показалось, что большевистское государство решило поддерживать и развивать культуру. Но Ахматова не поверила в эти добрые намерения. 11 мая 1920 года она отказалась принимать участие в литературном вечере, поскольку знала, что Александр Блок будет читать на нем свою поэму «Двенадцать», в которой Христос ведет за собой группу красногвардейцев.

Гумилев же в этот период написал несколько своих лучших стихотворений, и среди них «Заблудившийся трамвай» (1919). В нем он рассказывает о том, как, словно во сне, герой идет по незнакомой улице и вскакивает на подножку проезжавшего мимо трамвая. Оказавшись в трамвае, герой видит сцены из своего прошлого: путешествие по Африке, медовый месяц в Париже. Когда трамвай проезжает мимо лавки зеленщика, он видит на прилавке груду мертвых голов. Проезжая мимо дома, где он когда-то жил с Ахматовой, герой вспоминает свою давно умершую сестру. Заканчивается путешествие в Исаакиевском соборе, где герой служит панихиду по мертвому миру, который его окружает. Все стихотворение окутано атмосферой ночного кошмара.

Ахматова и Шилейко на короткое время переехали в Мраморный дворец, построенный Екатериной Великой. Здесь им выделили две комнатки и маленькую кухню. Окна их квартиры выходили на Марсово поле, где когда-то проходили парады императорской гвардии. Но очень скоро они вернулись в Шереметевский дворец, такие же голодные, как всегда. Они находились на грани истощения, когда подруга Ларисы Рейснер принесла им мешок риса. Ахматова отдала большую часть риса своим соседям, а себе оста-

вила всего две миски. Вскоре после этого ее пришла навестить Рейснер.

Лариса занимала видное место в большевистской иерархии. Она хорошо питалась и одевалась — носила шелковые чулки, роскошные платья и великолепные шляпы. Она решила поговорить с Ахматовой о своем разрыве с Гумилевым. Лариса была потрясена изможденным видом Ахматовой и Шилейко. Она предложила немедленно отправить Владимира Казимировича в больницу. Той же ночью, около половины одиннадцатого, она вернулась с большой корзиной разной снеди. На следующий день Шилейко на машине отвезли в больницу. Рейснер пригласила Ахматову поселиться у нее. Позднее Анна Андреевна действительно провела три дня в Царском Селе с Ларисой. Но, вернувшись, она вновь столкнулась с проблемой голода.

30 марта 1920 года Чуковский встретил Ахматову, прогуливавшуюся с Шилейка. «Мы встретили ее и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из «Всемирной». Первый раз вижу их обоих вместе... Замечательно — у Блока лицо непроницаемое — и только движется все время, зыблется, «реагирует» что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа вокруг носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано много». (15)

Пока Шилейко лежал в больнице, Ахматова сделала несколько решительных шагов к независимости. В мае или июне 1920 года она начала работать в библиотеке Агрономического института. Когда ей предложили квартиру, она переехала. Анна Андреевна получала небольшое жалованье, а кроме того, в институте ей выдали продуктовую карточку и снабдили дровами. По воспоминаниям Лукницкого (16), вы-

писавшись, Шилейко написал Ахматовой жалобное письмо, спрашивая, не собирается ли она бросить его, когда он так одинок и болен. Ахматова ответила: «Нет, милый Володя, ни за что не брошу: переезжай ко мне».

Он так и сделал, хотя не без протестов. В результате в семье произошло перераспределение власти. Теперь уже Ахматова стала главной добытчицей, а квартира, в которой они жили, была скорее ее, чем его. В августе 1920 года жалованья Шилейко хватало лишь на то, чтобы купить продукты на один-два дня. Болезнь подтачивала здоровье обоих. Отношения с мужем начали эмоционально тяготить Анну. Ни одно стихотворение Ахматовой не датировано 1920 годом. В этом году она начала работать и жить в институте. Работа требовала немалой выносливости. Холод был настолько невыносим, что никто не снимал пальто. Иногда пили какао, приготовленное в камине. Питье для Ахматовой всегда готовил кто-то другой. Она все время болела, но никогда не проявляла своей слабости при окружающих.

Петроград в 1920 году более ничем не напоминал блестящую столицу великой империи. Ахматова писала:

«Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты, ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе можно было собрать большой букет полевых цветов. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Из подвальных окон «Крафта» еще пахло шоколадом. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность». (17)

В 1920 году Корней Чуковский навещал Ахматову и Шилейко и был поражен сыростью, царившей в их комнате. В доме было так холодно, что Чуковский, отправляясь к ним, надел два жилета и второй пиджак. Туберкулез Шилейко осложнился плевритом. Чуковского восхитило то, что, хотя с ним Ахматова говорила довольно резко, к мужу она относилась с нежностью — «иногда подходит и со лба отметаает волосы». (18) Лукницкий вспоминает, что в мае или июне 1920 года Артур Лурье решил спасти Ахматову от Шилейко и договорился о том, чтобы того снова забрали в больницу. (19) Однако Ахматова не сразу ушла от мужа.

Ахматова и Шилейко продолжали болеть. 12 августа 1920 года Г.И. Чулков видел Ахматову в квартире Ольги Судейкиной. В письме он пишет: «У Судейкиной видел Ахматову. <...> Ахматова превратилась в ужасный скелет, одетый в лохмотья». (20) В то время жители городов, если оставались силы добраться до деревни, выменивали на продукты все, что у них было. Цветаева в своих дневниках рассказывает о том, как ездила в деревню менять украшения на муку. Здоровье Ахматовой было слишком слабым, чтобы решиться на подобное.

Даже Гумилев, который в то время был председателем Петроградского союза поэтов, не мог найти достаточно дров, пока не переехал в Дом искусств, где было центральное отопление. У Гумилева не переводились молодые, красивые любовницы. В 1920 году поэт Владислав Ходасевич встретил Гумилева с Ириной Одоевцевой. На Ирине было черное платье с глубоким декольте. Гумилев дрожал от холода, но держался с достоинством. Вот как описывает Ходасевич эту встречу: «И вот, с подобающим опозданием, является Гумилев под руку с дамой, дрожащей от хо-

лода в черном платье с глубоким вырезом. Прямой и надменный, во фраке, Гумилев проходит по залам. Он дрогнет от холода, но величественно и любезно раскланивается направо и налево. Беседует со знакомыми в светском тоне. Он играет в бал. Весь вид его говорит: «Ничего не произошло. Революция? Не слышал». (21) Найти в городе молоко для маленького ребенка было невозможно, поэтому Гумилев отправил жену и детей в деревню, к матери. Но жена настояла на том, чтобы вернуться в Петроград. Младшую девочку, Лену, отдали в приют, где она, как и младшая дочь Цветаевой, умерла от голода.

3 февраля 1921 года Ахматова из Агрономического института перешла на работу в издательство «Всемирная литература», где работал Гумилев. Ее здоровье улучшилось. Она была весела, стала выглядеть моложе и даже чуть-чуть поправилась. Встретившему ее в издательстве Чуковскому она сказала: «Приходите ко мне сегодня, я вам дам бутылку молока — для вашей девочки». Вечером я забежал к ней — и дал! Чтобы в феврале 1921 года один человек предложил другому — бутылку молока!» (22)

14 марта Ахматова встретила своего бывшего мужа. Она пошла получать членский билет Союза поэтов. (23) Ей пришлось ждать Гумилева, потому что он был занят другими делами. Ахматова осторожно приоткрыла дверь его кабинета и увидела, что он разговаривает с Александром Блоком. Гумилев поздоровался и извинился за то, что заставил ее ждать. Ахматова ответила с холодным достоинством: «Это ничего. Я привыкла ждать». — «Меня?» — спросил Гумилев. «Нет, в очередях», — ответила Ахматова. Гумилев подписал ей билет, но на прощание всего лишь холодно поцеловал ей руку.

Из-за болезненности и постоянной борьбы с со-

бой поведение Ахматовой многим казалось высокомерным. Но то, что окружающие считали высокомерием, в действительности было внутренним одиночеством и печалью, что можно почувствовать по письму, написанному Ахматовой Марине Цветаевой в мае 1921 года: «Меня давно так не печалила аграфия, которой я страдаю уже много лет, как сегодня, когда мне хочется поговорить с Вами. Я не пишу никогда и никому, но Ваше доброе отношение мне бесконечно дорого. Спасибо Вам за него и за посвящение поэмы. До 1 июля я в Петербурге. Мечтаю прочесть Ваши новые стихи». (24)

В первой половине 1921 года Ахматова пишет множество стихов, проникнутых откровенной чувственностью. Достаточно вспомнить строки из стихотворения, написанного в августе 1921 года:

И снова плечи
В истоме влажной целовать. (25)

9 июля 1921 года Ахматова сидела у окна, и вдруг с улицы ее кто-то окликнул: «Анна!» Она была удивлена. Шилейко был в Царском Селе, а никто другой не мог обращаться к ней столь фамильярно. Оказалось, это Гумилев. Он привез печальные известия о семье Ахматовой, от которой та оказалась отрезанной из-за Гражданской войны. Гумилев навестил мать Анны, Инну Эразмовну, и единственную оставшуюся в живых сестру, Ию (в 1922 году и она умерла от туберкулеза). Как раз в то время они получили известие о самоубийстве Андрея, брата Анны.

В марте 1940 года Ахматова рассказала Чуковской эту страшную историю. Андрей отравился, когда его ребенок умер от малярии.

— Оставил нам письмо — замечательное. О смерти ни слова. Кончалось оно так: «Целую мамины руки, которые я помню такими прекрасными и неж-

ными и которые теперь такие сморщенные». Жена его тоже приняла яд вместе с ним, но, когда взломали дверь и вошли в комнату, она еще дышала. Ее спасли. Она оказалась беременной и родила вполне здорового ребенка. (26)

Гумилев предложил Ахматовой тем же вечером выступить на литературном вечере. Естественно, она, потрясенная известием о смерти брата, отказалась. Гумилев, вероятно, в силу усталости после долгой дороги, сурово упрекнул ее в том, что она больше не хочет читать свои стихи со сцены.

Весной Ахматова получила трогательное письмо от восьмилетней дочери Цветаевой, Али. Девочка прочла в стихах матери о том, что у Ахматовой есть сын, и хотела узнать о нем побольше. Отношение Ахматовой к сыну на тот момент неясно. В 1918 году она могла поехать к нему, но теперь это стало невозможным. Она поблагодарила Алю за письмо, а Марину — за присланную икону, о Льве же написала очень сухо: «За эти долгие годы я потеряла всех родных, а Левушка после моего развода остался в семье своего отца». Создается впечатление, что Ахматову лишили права опеки над сыном, однако это было не так. Может быть, ей было неприятно признать, что она сложила с себя обязанность заботиться о сыне. Впрочем, принимая во внимание ее бедность, ужасающие жилищные условия и слабое здоровье, растить ребенка ей было бы невероятно трудно. Но в 1921 году в стихах Ахматовой появляется чувство вины перед сыном:

Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была. (27)

Или:

Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать. (28)

Цветаева говорила, что за эту строчку она отдала бы все, что написала сама.

Жизнь Анны Ивановны Гумилевой и Льва к этому времени изменилась. Они более не жили в Слепневе. Анне Ивановне пришлось покинуть имение, потому что крестьяне грозились сжечь его. В 1918 году она переехала в Бежецк, сняла там квартиру из трех комнат, где и провела оставшиеся годы жизни. Сделать квартиру теплой и уютной было невероятно трудно. Единственным источником дохода (за исключением тех сумм, которые изредка присылала Ахматова) стали заработки ее падчерицы, работавшей учительницей в начальной школе. Но, в отличие от жителей больших городов, Анна Ивановна и Лев не голодали. Купить хлеб было несложно, хотя картошка с льняным маслом уже считалась роскошью. (29)

Ахматова и Цветаева продолжали переписываться. Цветаева посвятила Ахматовой поэму «На красном коне», выразив в ней все свое восхищение и преклонение перед ней.

В июне 1921 года Ахматова написала стихотворение, посвященное своей подруге, Наталии Рыковой. В нем она говорит о том отвращении, которое вызывает у нее все, что творится вокруг, и о том, что лишь неизменная красота мира несет ей утешение.

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам. (30)

Летом 1921 года Ахматова по приглашению Артура Лурье покинула квартиру Шилейко и поселилась вместе с ним и Ольгой Судейкиной на Фонтанке. (Лурье сумел даже нанять домработницу — роскошь, неслыханная по тем временам!) Уйти от Шилейко Ахматовой было нелегко.

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава —
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать. (31)

Покинув мужа, Анна была преисполнена решимости освободиться от этой любви. Она писала:

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь. (32)

То, что между Ахматовой и Лурье существовали очень близкие отношения, не вызывает сомнения. Она даже называла его одним из своих «мужей». (33) Нам трудно судить, как складывались отношения между Ахматовой, Судейкиной и Лурье. Возможно, как считает Анатолий Найман, Лурье был счастливым обладателем неповторимого гарема. Если так, то Ахматова и Судейкина действительно были двойниками. Однако другие, и в том числе Евгений Рейн, полагают, что близкие отношения у Ахматовой были не только с Лурье, но и с Ольгой. Эмма Герштейн, познакомившаяся с Ахматовой гораздо позднее, категорически отвергает такую возможность.

Каков бы ни был характер отношений между Ахматовой, Судейкиной и Лурье, но Анна снова начала

писать стихи. А ведь до этого она почти год вообще не писала. Позднее Ахматова признавалась: «Если бы я дольше прожила с Владимиром Казимировичем, я тоже разучилась бы писать стихи». (35)

Артур Лурье родился в Могилеве в 1892 году в еврейской семье. В 1910 году он приехал в Санкт-Петербург, чтобы поступить в консерваторию. Здесь он познакомился с восходящими звездами музыкального авангарда и начал экспериментировать с атональной музыкой. Он тоже был завсегдатаем «Бродячей собаки». Гавотом Глюка в современной аранжировке он приветствовал Рихарда Штрауса, который не смог сдержать эмоции и присоединился к нему за роялем. Лурье считал себя футуристом. Когда в «Бродячую собаку» пришел Маринетти, он прочел целую лекцию «Искусство шума» в его честь. В 1913 году Лурье принял католичество. Он всегда отличался элегантностью и носил на золотой цепочке лорнет.

Подобно многим авангардистам, Лурье воспринял Октябрьский переворот как открывающуюся перед ним возможность, а не как катастрофу. С 1918 по 1920 год он занимал пост комиссара музыкального отдела Наркомпроса. Благодаря ему в Петрограде возродились музыкальные школы и появился оркестр, который впоследствии стал называться Ленинградским филармоническим. Лурье прилагал все усилия к публикации новых музыкальных произведений, в том числе и Прокофьева. Он мечтал познакомить народ с музыкой настоящего и прошлого. Но в 1921 году ему пришлось оставить пост комиссара. В эмиграции же эти два года, проведенные на службе советской власти, довольно долго мешали ему найти свое место в музыкальном мире.

Предполагается, что последнее стихотворение

цикла «Черный сон» посвящено Лурье. Ахматова отказывается быть покорной, но не стремится и к более эмоционально сильным отношениям:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
 Покорна я одной Господней воле.
 Я не хочу ни трепета, ни боли,
 Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
 Декабрь рождался, ветры выли в поле,
 И было так светло в твоей неволе,
 А за окошком сторожила тьма. (36)

Несколько новых стихотворений Ахматовой были опубликованы в 1921 году в книге «Подорожник». В том же году победой большевиков закончилась Гражданская война. «Подорожник» — небольшая книжка, состоящая из стихов, написанных в период с 1917 по 1919 год. Позднее Ахматова включила их в книгу «Anno Domini», вышедшую в начале 1922 года. Конечно, в ней тоже были стихи о любви, но большая часть стихов была посвящена ужасам войны. Особенно запоминается плач матери, потерявшей сына. Ахматова пишет не о себе, потому что ее сын еще слишком мал, чтобы оказаться на войне.

Для того ль тебя носила
 Я когда-то на руках,
 Для того ль сияла сила
 В голубых твоих глазах!..

На Малаховом кургане
 Офицера расстреляли.
 Без недели двадцать лет
 Он глядел на Божий свет. (37)

В одном из стихотворений, вошедших в «Подорожник», Ахматова пишет о том, как хотела подарить Музе белую птицу, но птица улетела вслед за ее прекрасным «гостем». Во многих стихах она говорит,

что готова пожертвовать ради своей страны всем, даже своим «песенным даром».

Эти два года прошли для Ахматовой весьма бурно. Ей даже нравилось то, что в ее жизни нет единственного мужчины. Корней Чуковский вспоминает, что самооценка Ахматовой всегда строилась на популярности ее поэзии. Когда она показала ему блокноты с новыми стихами, он ощутил прилив огромной жалости. Чуковский вспоминает, как Ахматова радостно сказала ему: «Я получила 150 миллионов рублей за «Белую стаю»... Я смогу купить себе платье и послать денег Левушке. И мне хотелось послать немного маме». (38)¹

Август 1921 года принес два неожиданных несчастья. В этом месяце в возрасте сорока одного года умер Александр Блок, величайший русский поэт Серебряного века. В течение долгого времени, разочаровавшись в революции, он пребывал в глубочайшей депрессии и говорил о себе как об уже умершем. В мае 1921 года после поездки в Москву у него случился сердечный приступ. Когда стало ясно, что необходимо серьезное лечение, Горький и Луначарский попытались выхлопотать для Блока разрешение на выезд в Финляндию. Ленин отказал, опасаясь, что за границей Блок станет выступать с критикой советского режима. Он прекрасно понимал, что означает для общественности настроение такого поэта, как Блок. После сердечного приступа Блок так и не оправился. 7 августа 1921 года он скончался. Его

¹ Это была весьма значительная сумма, хотя в те дни курс менялся по два раза на день. Сегодня нам сложно определить, что значили в те дни 150 миллионов. Но в декабре 1921 года коробок спичек стоил 100 рублей, а жалование учителя составляло около 500 тысяч рублей. В марте 1922 года то же самое жалование составляло уже 5 миллионов.

смерть стала огромным потрясением для Ахматовой, продолжавшей поклоняться его гению, хотя и не одобрявшей его политических стихов. На похороны поэта она надела простое серое платье. Подойдя к гробу, Ахматова склонилась над Блоком и перекрестилась. Она не могла сдержать слез. Хотя на ней была шляпка с вуалью, многие ее узнали. Ахматова написала много стихов, посвященных Блоку. Некоторые из них Артур Лурье положил на музыку.

Вскоре последовало еще более горькое известие. На похоронах Блока, 10 августа, Ахматова узнала о том, что 3 августа арестовали Гумилева. Ходасевич был с Гумилевым накануне ареста. «Он был на редкость весел. Говорил много, на разные темы. Мне почему-то запомнился только его рассказ о пребывании в царскосельском лазарете, о государыне Александре Федоровне и великих княжнах. Потом Гумилев стал меня уверять, что ему суждено прожить очень долго — «по крайней мере до девяноста лет». Он все повторял: «Непременно до девяноста лет, уж никак не меньше». (39) Из тюрьмы никаких известий не было. Другам, которые пытались узнать о судьбе Гумилева в ЧК, ответили, чтобы те приходили через неделю. Но тот же самый человек, который принимал делегацию, входил в состав трибунала по так называемому делу Таганцева. Утверждалось, что Гумилев был одним из заговорщиков.

Из письма Шилейко Ахматова узнала, что, по слухам, Гумилева перевели в Москву. Появилась надежда, что его освободят. В поезде, следующем в Детское Село (так после революции стали называть Царское Село), Ахматова написала стихотворение, посвященное Гумилеву, но затем изменила его дату на 1914 год, чтобы избежать опасных ассоциаций:

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля. (40)

Историю последних дней жизни Гумилева выяснили дети Павла Лукницкого, Вера и Сергей. В 1990 году, когда после падения коммунизма были временно открыты архивы КГБ в Петербурге, им удалось получить нужные документы. Владимир Таганцев, молодой профессор географии Петроградского университета, утверждал, что в 1920 году Гумилев говорил о своей готовности присоединиться к восстанию против Советского правительства. Моряки Кронштадта, которые в 1917 году поддерживали большевиков, в 1921 году подняли восстание. В марте 1921 года восстание было жестоко подавлено. Гумилев понял тщетность подобных усилий и с тех пор перестал принимать участие в политической жизни.

После заключения в тюрьму Гумилева четырежды допрашивали. На последнем допросе следователь использовал все средства, чтобы заставить его назвать имена заговорщиков. Гумилев не назвал никого. Он был объявлен врагом народа и приговорен к расстрелу. В дело Гумилева пытался вмешаться Горький, но к тому моменту, когда он прибыл в Петроград с орденом на освобождение, поэт был уже расстрелян.

Через несколько дней после похорон Блока Ахматова была вынуждена уехать в санаторий, теперь уже в Детское Село. Ее друзья Рыковы жили неподалеку. Именно Виктор Рыков и сообщил Ахматовой ужасное известие о казни Гумилева. Гумилев был расстрелян 25 августа. Ему было всего тридцать пять

лет. Ахматова вернулась в Петроград и пешком отправилась в Мраморный дворец, чтобы увидеться с Шилейко и поделиться с ним своим горем. Отпеть Гумилева было позволено, но место захоронения тела оставалось неизвестным. Хотя Ахматова уже давно не была близка с Гумилевым, его смерть наполнила ее болью и страхом. Возможно, что до этого момента она просто не понимала, как много он для нее значит. На панихиде именно к ней обращались как к вдове поэта, хотя вторая жена Николая Степановича тоже присутствовала. 27-го или 28 апреля Ахматова написала стихотворение о казни Гумилева и о том страхе, который поселился в ее душе:

Страх, во тьме перебирая вещи,
 Лунный луч наводит на топор.
 За стеною слышен стук зловещий —
 Что там, крысы, призрак или вор? (41)

В последний раз Лев видел отца в мае 1921 года, за три месяца до его гибели. Гумилев приехал забрать жену и дочь. Он провел в Бежецке всего день. Льву не сообщили о казни отца, но по поведению бабушки он понял, что произошло самое ужасное. До конца жизни он не мог забыть того, что почувствовал, когда наконец понял, что случилось.

В декабре 1921 года, через три месяца после казни Гумилева, Ахматова приехала в Бежецк, чтобы решить, стоит ли забирать Льва в Петроград или лучше оставить его у бабушки. В конце концов она решила, что девятилетнему мальчику будет лучше у бабушки. В Петрограде не было ни продуктов, ни дров. После развода с Шилейко Ахматова вела довольно свободный образ жизни и опасалась, что сын ее осудит. Поэтому она подробно рассказала Льву, почему рассталась со вторым мужем. Лев очень живо запомнил приезд матери. Она рассказала, что Владимир Казими́ро-

вич не позволял ей приехать раньше и требовал, чтобы вместо собственных стихов она под диктовку записывала его статьи. Ахматова сказала сыну и о том, что муж всегда пытался принизить ее талант в ее собственных глазах, убеждал в том, что она совершенно обыкновенная, и унижал всеми возможными способами. (42)

Не по годам развитый мальчик, Лев очень походил на отца внешностью, жестами и независимостью характера. Но он не стал оспаривать материнскую трактовку тех событий. Он видел, что мать и бабушка не находят общего языка. Если Ахматова и была благодарна свекрови за то, что та присматривает за внуком, она этого не показывала. Наблюдательный Левушка видел и то, что мать не любит его тетушку Александру Степановну Сверчкову. Но мальчику очень хотелось вернуться в Царское Село, которое он всегда считал родиной. Родиной для него было и Слепнево, которое по-прежнему принадлежало матери Гумилева. Ностальгию по этим местам он испытывал всю жизнь.

Удивительно, что Ахматова вернулась в царско-сельский дом, где они когда-то жили с Гумилевым, всего за несколько недель до его смерти. Она забрала с чердака все свои письма, какие смогла найти. Никаких бумаг, принадлежавших Гумилеву, она не взяла. Как же она теперь жалела об этом! После смерти Гумилева Ахматова была поражена огромным количеством писем, приходивших к ней со всех концов России. Ей было очень грустно сознавать, что при жизни он так и не узнал, как сильно любили его стихи на родине.

После казни Гумилева писать о своих несчастьях было чрезвычайно опасно. И тем не менее Ахматова почти пророчески предсказала все, что произойдет с ней позже, во времена Большого Террора:

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.

Как вороны кружатся, чуя
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.

И пусть не узнаю я, где ты. (43)

24 декабря 1921 года Корней Чуковский пришел навестить Ахматову на Фонтанку. Анна лежала на постели в пальто. Женщина, пришедшая разжечь огонь в камине, пожаловалась на недостаток дров, и Ахматова предложила ей помочь завтра напилить больше. Она достала рукопись либретто балета по блоковской «Снежной маске», потом извинилась, сказав, что не умеет писать прозы, а потом прочитала свои стихи, посвященные Блоку. Стихи были настолько хороши, что Чуковский заплакал.

Чуковский относился к Ахматовой с глубоким сочувствием. Он полагал, что ее поддерживают только слава и вера в значимость собственных стихов. Ахматова показала Чуковскому новые стихи. Ее волновало то, что критики могут счесть их вторичными.

После смерти Гумилева та поддержка, которую она черпала в популярности своих стихов, начала стремительно слабеть. В январе 1922 года на вечере под знаменательным названием «Чистка современной поэзии» выступил Маяковский. Он заявил, что лирическая поэзия Ахматовой более не представляет для него интереса. После победы большевиков такое

заявление звучало предостережением, хотя Ахматова могла этого и не понимать.

Когда Лурье решил покинуть Россию и предложил Ахматовой поехать с ним, она восприняла его слова с холодным спокойствием. Такой была ее реакция на все эмоциональные катастрофы. Павлу Лукницкому Ахматова говорила: «Его пугало мое спокойствие... Когда уехал — стало так легко!» (44) Критики расходятся во мнениях о том, какие ахматовские стихи посвящены Лурье, но его отъезд не стал для Анны такой же трагедией, как утрата Бориса Анрепа. Ольга Судейкина оставалась в России до 1924 года.

Снова брошенная Ахматова не была одинока. В январе 1922 года она познакомилась с Борисом Пастернаком. Пастернак был поражен ее добротой. Он говорил, что Ахматова напомнила ему сестру. Дружба двух поэтов длилась всю жизнь. В середине августа 1922 года Пастернак с женой приехали повидаться с Ахматовой перед отъездом в Германию, где Борис должен был встретиться с отцом.

Ахматова отказывалась даже думать о возможности отъезда за границу. Она черпала силу в собственном одиночестве. Смерть забрала у нее Недоброво, эмиграция — Анрепа и Лурье. В стихотворении 1922 года она пишет о том, какой стала из-за ужасов и болезни:

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его. (45)

Теперь в ее стихах появилась новая черта — стальная непреклонность, о которой говорил Недоброво.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
 Как заключенный, как больной.
 Темна твоя дорога, странник,
 Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
 Остаток юности губя,
 Мы ни единого удара
 Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
 Оправдан будет каждый час...
 Но в мире нет людей бесслезней,
 Надменнее и проще нас. (46)

Ида Наппельбаум, на литературные вечера которой в 1922 году Ахматова приходила в сопровождении Артура Лурье, вспоминает, что иногда роль спутника Анны исполнял Николай Пунин. Это случилось еще до отъезда Лурье в Европу. Очень скоро Пунин стал играть более важную роль в личной жизни Ахматовой.

Гражданская война, бушевавшая на юге России с 1918 года, закончилась в 1921 году победой большевиков. Для многих в России, да и на Западе, это стало поводом для ликования. Но даже самые убежденные марксисты не могли более рассматривать революцию как победу угнетенного народа над привилегированными классами и считать Ленина идеалистом. Сталин не извращал идеи великого вождя. Большой Террор начался еще при Ленине. (47) Ленин создал полицейское государство. В системе террора было задействовано более четверти миллиона человек. В тюрьмах ЧК использовались пытки, каких не знала царская полиция. Не был гуманистом и Троцкий. Он говорил, что христианский бред о святости человеческой жизни следует забыть навсегда. Против террора выступил только Максим Горький. Он написал письмо Ленину.

В 1922 году все население России готовило в щербатых кастрюлях, ходило в заплатанной одежде и пило из треснувших кружек. Экономика была полностью разрушена. Семь миллионов детей жили на улице, кормясь воровством и проституцией. Петухи и козы бегали по улицам. Когда Ленин провозгласил НЭП (новую экономическую политику), которая предусматривала возрождение рыночной торговли, крестьяне быстро воспользовались ее преимуществами. Полки магазинов заполнились маслом, сыром, мясом, сладостями и фруктами. Крестьяне неохотно, но обменивали продукты на бумажные деньги. Голодное население городов могло лишь смотреть на всю эту роскошь сквозь стекла витрин. (48)

НЕВЕРНОСТЬ

Хрупка наша близость, как ледок.

Николай Пунин

В неспокойной России Ахматова нашла новую любовь. Николай Николаевич Пунин был искусствоведом. Это был красивый, суровый, умный человек. Недавно опубликованные дневники и письма Пунина демонстрируют выдающийся ум, но в то же время и холодный эгоизм. Бумаги Пунина были обнаружены в университете Техаса, в городе Остин, в 1996 году. Впервые они увидели свет на английском языке. Русское издание, осуществленное Л. Зыковым, значительно отличается от англоязычного. (1) По дневникам Пунина становится ясно, какие долгие и сложные отношения существовали между ним и Ахматовой. Со страниц этой книги перед нами предстает великолепный образ Ахматовой в тридцатилетнем возрасте. Только Лидия Чуковская, записавшая свои впечатления от общения с Ахматовой в значительно более старшем возрасте, оставила нам столь же полный и достоверный портрет.

История этих отношений непроста. И Пунин и Ахматова к моменту начала их любви были связаны с другими людьми. Ахматова жила с Артуром Лурье вплоть до его отъезда за границу в 1922 году. В то же время у нее был роман с Михаилом Циммерманом. Пунин был женат на Анне Аренс. Жене он изменял и до встречи с Ахматовой, причем порой сразу с не-

сколькими женщинами. Нельзя считать, что Ахматова стала причиной краха этого брака.

Пунин испытывал по отношению к жене определенное чувство вины. И тем не менее в дневниках он пытается убедить себя в том, что свою Галю (так он называл жену) любит сильнее и нежнее всех других. Анна Аренс оставалась верна мужу, несмотря на его влюбленность в красивую студентку, которую в дневнике Пунин называет «N». Первая эротическая встреча с семнадцатилетней N, великолепно описанная в дневнике, наполнила его чувством вины. Впрочем, Пунин быстро находит себе оправдание, утверждая, что просто не создан для моногамии: «Я здесь, в студии, Галя в столовой. Предал ли я ее? Да. Это оскорбляет ее — с ее точки зрения да; с моей — нет... И снова эта инфантильность: зачем только я женился?» (2)

У Пунина был роман и с Лилей Брик, которая в то время жила вместе со своим мужем, Осипом Бриком, и Владимиром Маяковским. Лиля со своими накрашенными губами и темными веками была очень красива. В своем дневнике Пунин пишет о том, что в ее лице «есть наглое и сладкое», это женщина, «которая много знает о любви, крепкая и вымеренная, балованная, гордая и выдержанная». (3) Сексуальное высокомерие Пунина выдает то, что в 1920 году он сказал Лиле о том, что для него «она интересна только физически и что, если она согласна так понимать меня, будем видеться, другого я не хочу и не могу». (4) Похоже, Лиля согласилась, и 20 мая Пунин пишет с некоторым облегчением: «Не представляю себе женщины, которой я бы мог обладать с большей полнотой». (5) Впрочем, разговоры Лили об искусстве Пунина утомляли.

Уверенность в собственном праве на сексуальную свободу не мешала Пунину жестоко ревновать. На

заре своих отношений с Ахматовой он безумно ревновал ее к Циммерману. Впрочем, оказалось, что Ахматова любит его гораздо сильнее, чем ему кажется. Она стремилась не показывать своих чувств. Ее опыт общения с мужчинами трудно назвать счастливым. Шилейко пытался полностью покорить ее своей воле, пока они были вместе. Борис Анреп предал ее и покинул страну. Ахматова просто боялась привязаться к мужчине. И тем не менее они с Пуниным были невероятно близки на протяжении более чем тринадцати лет.

Отец Пунина, суровый, религиозный человек, был врачом. Он служил в военном госпитале в Гельсингфорсе. И мать, и мачеха Николая были истинными христианками, и все же мальчик утратил христианскую веру еще в подростковом возрасте. Он хотел найти ответы на все вопросы. Одна из первых дневниковых записей посвящена смерти матери. Это была нежная, любящая женщина. По-видимому, эта утрата, пережитая в раннем детстве, и стала причиной того, что Пунин всю жизнь стремился найти женщину, которая посвятила бы ему всю свою жизнь. И в то же время он понимал, что одной женщины ему никогда не будет достаточно.

Невероятно начитанный человек, Пунин отвергал суеверия и стремился подняться над сентиментальностью. Первая мировая война унесла жизни миллионов людей. Пунину было трудно принять то, что за жизнью земной более ничего нет. В октябре 1916 года Пунин пишет о своем отношении к тем, кто черпает силу в религиозной вере. Он признается: «Я не верю. Я не протестую против всех тех жизненных ощущений, которые рождены религиозным состоянием, но считаю безумием относить их к чему-то, вне жизни стоящему. Жизнь есть Бог, и Бог слепой,

неразумный и бесстрастный, Бог, которым нужно владеть, чтобы он не делал гадостей». (6) 14 января 1917 года он записывает: «Не о чем говорить, кроме смерти. Погибнем ли мы навсегда или нет?» (7)

Каких-либо политических убеждений у Пунина не было. Какое-то время он увлекался социализмом, но не мог принять материалистической идеологии этого учения. Ранние записи говорят о том, что он был очень подвержен депрессии, особенно весной. Подобно многим мужчинам в жизни Ахматовой, Пунин провел детство в Царском Селе. Они вполне могли встречаться в парке Павловска.

Несколько лет Пунин считался видным представителем футуризма. Хотя ему не было еще и тридцати, в русском художественном мире он считался признанным арбитром в вопросах вкуса и стиля. На вершине своей карьеры он написал статьи о творчестве Татлина и Малевича. Впрочем, не меньшим специалистом он был и в иконописи, японском искусстве и творчестве Пикассо. Пунин считался одаренным писателем. Во время революции он видел солдат в желтых ботинках, торговцев, раскладывавших свой товар на тротуарах, проституток и возбужденные толпы. В сентябре 1917 года он записывает в дневнике: «Вот он, революционный город в годину бедствий, — голодный, развратный, испуганный, выползший, могучий и нелепый». (8)

В первые годы Гражданской войны Пунин работал в Русском музее и одновременно входил в состав редколлегии газеты «Искусство коммуны». Несмотря на видимую лояльность к власти, ему и тогда пришлось побывать в тюрьме. 3 августа 1921 года примерно в два часа ночи его арестовали и доставили в тюрьму, где без допроса поместили в камеру № 32. В тюрьме он пробыл до 6 сентября. В это время он встретил

Гумилева и заметил, что у того была «Илиада», которую отобрали у него.

Жизнь в те годы была очень трудной. Находясь в тюрьме, Пунин написал несколько записок своему тестю, Евгению Аренсу, прося прислать самое необходимое. Жена Пунина ответила ему 13 августа 1921 года трогательным письмом: «Мой дорогой друг, как вы себя чувствуете? Просите обо всем, что вам необходимо, мы пришлем все, но ботинки... Может быть, послать вам книги? Я уже послала одну, вы получили ее? Все шлют вам поцелуи и теплые пожелания. Жму вашу руку. Ваша Галя». (9) Известны некоторые комические стороны пребывания Пунина в тюрьме: его подтяжки по ошибке были переданы другому заключенному. Но в том месяце, когда казнили Гумилева, тюремное заключение было тревожным предзнаменованием. Освободили Пунина только благодаря вмешательству Луначарского.

8 ноября 1921 года Анна Аренс родила дочь, Ирину. Роды были тяжелыми, пришлось использовать щипцы. 20 ноября Пунин записывает: «Путь к Богу — женщина... женское лицо, рот и овал подбородка». (10) Он пишет об идеальном лице, в котором угадываются черты его матери и лицо Ахматовой.

Интерес Пунина к Ахматовой возник еще в годы «Бродячей собаки», хотя в то время они были только знакомыми. Первое упоминание об Ахматовой в дневнике Пунина относится к 1914 году, когда она была уже известной поэтессой. Пунин ехал с ней в одном поезде и заметил, что «она странна и стройна, худая, бледная, бессмертная и мистическая». (10*) В следующий раз он пишет о ней 18 июля 1920 года, когда встретил ее в парке музея, где Ахматова прогуливалась вместе с Шилейко. Пунин заметил, насколько она хороша, но постеснялся заговорить, возможно,

потому, что она уже была очень знаменита. Он знал ее историю и не одобрял богемной жизни, хотя и признавал, что чувствует благодарность «за то, что ушла от богемы и Гумилева и что не читает и не печатает сейчас стихов». (10**)

К сентябрю 1922 года между Ахматовой и Пуниным завязался страстный роман. Инициатива могла исходить от самой Ахматовой. Сохранились три ее записки к Пунину. Даты на них нет, но, по-видимому, они были написаны в сентябре 1922 года.

«Сегодня я буду в одной из комиссий по разрешению конфликтов. Может быть, Вы меня не застаете. Тогда приходите в четверг, утром, а до этого времени работайте и не грустите. Видите, я умею давать хорошие советы моим друзьям. Я тоже немного грущу оттого, что не увижу Вас. Целую. Ваша Ан». (11)

«Николай Николаевич, сегодня буду в «Звучащей раковине». Приходите. А. Ахматова» (12) (Получив эту записку, Пунин был совершенно потрясен.)

«Милый Николай Николаевич, если сегодня вечером Вы свободны, то с Вашей стороны будет бесконечно мило посетить нас. До свидания. Ахматова». (13)

Дневниковые записи, относящиеся к ноябрю того же года, показывают, что Пунин глубоко влюблен в Ахматову. В то же время он понимает, что у нее есть связь с Циммерманом, и знает о ее встречах с Шилейко. Ахматова живет в квартире Лурье. Это вполне устраивает Пунина, поскольку сам он не собирается разводиться и хочет жить с женой и дочерью. В январе 1923 года Пунин записывает в дневнике: «Ей обязательно надо уехать из Артурова дома; я спросил ее, что, если бы я был один, пришла бы она ко мне жить, ответила: «Тогда пришла бы». (14)

В дневнике Пунин часто обвиняет себя в поверхностности и в отсутствии таланта, каким ему всегда

хотелось обладать. Он всегда стремился к совершенству. Тривиальность собственной жизни и невозможность приложить свои способности угнетали его. Приступы ревности и стремление достичь высшей цели своей жизни заставляли Пунина стремиться к разрыву с Ахматовой. В 1922—1923 годах он не раз делал такие попытки. Ахматова знала, что он хочет освободиться, и хотела сохранить собственную свободу. В дневнике Пунин дает жесткий и очень глубокий портрет Ахматовой. В декабре 1922 года, когда ему казалось, что разрыв неизбежен, он записал в дневнике:

«Наша любовь была трудной, оттого она преждевременно и погибла: ни я, ни она не смели ее обнаружить, сказать о ней, освободить для нее свои жизни... Я еще умел ее веселить, но она никогда не могла меня утешить. Мне часто было горько и душно с ней, как будто меня обнимала, целовала смерть. Но до сих пор еще я люблю ее гибкие и резкие движения, строй ее тела и особенно — люблю ее лицо — рот и горькую складку улыбки, зубы со скважинками, овал ее крупного подбородка, большой лоб, и особенно — ее мягкие черно-коричневые волосы... Мне казалось, что моя мать такое же имела лицо... Милое лицо». (15)

В конце декабря Пунин решил окончательно порвать с Ахматовой. Но, придя и застав ее с больным сердцем перед холодной, разбитой печкой, он вновь не мог отказать себе в удовольствии быть рядом с ней: «Починил печку, потом гуляли в Летнем саду. Повеселела, стала улыбаться своей милой женской улыбкой; зашли в булочную, накормила меня пирожным, купили елку, проводила до дому». (16)

Ахматова была благодарна Пунину, и об этом говорит ее записка: «Спасибо за письмо. Вы, оказывается, умеете писать, как нежнейший из ангелов, как

я рада, что Вы существуете. До завтра. Анна». (17) Даты на записке нет, но Зыков полагает, что она была написана в декабре 1922 года. В то время Ахматова находилась на гребне славы. Хотя она часто болела, сильно похудела и одевалась весьма скромно, она продолжала вести себя, как королева. Пунин полагал, что внутренняя жизнь Ахматовой столь же темна, как и его собственная, и писал об этом более сурово, чем другие, знавшие Анну. 30 декабря 1922 года он записал в дневнике: «Так пустынна — не внешняя ее жизнь, — никому так не поклоняются, как ей, — внутри нее, самая жизнь ее пустынна, так что даже мне бывает страшно». (18) Пунин считал, что Ахматова заслуживает легкой, открытой, простой любви, тех радостей, которые дарит людям окружающий их мир: «Она чудесная, сохранила полное живое чувство к миру... удивляется часто тому, к чему мы уже привыкли; как я любил эти радостные ее удивления: чашке, снегу, небу». (19)

Пунин был очень ревнив. Его приводило в ярость то, что Ахматова часто уходила куда-то без него. Такой случай описан в «Новогодней балладе», которую Пунин целиком переписал в свой дневник 30 декабря 1922 года вместе со словами: «Кончилось. Вышел обычно — легко, несломленным и ничем не потревожен; как после яда, только устало сердце. Что же ты такое, милая жизнь? Так и не пустила меня к себе на ужин. Я шестой гость на пире смерти (стихи А.), и все пять пили за меня, отсутствующего, а у меня такое чувство, как будто я никогда не умру». (20)

«Новогодняя баллада», датированная 1923 годом, рассказывает о встрече друзей, собравшихся за праздничным столом, чтобы встретить Новый год. И сразу же видятся зловещие предзнаменования:

Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет? (21)

Гости произносят тосты. Первым поднимает бокал хозяин, который пьет за русскую землю, «в которой все мы лежим». Второй друг поднимает тост за стихи Ахматовой, «в которых мы все живем».

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет». (22)

Отношения с Пуниным продолжали развиваться страстно, но весьма непросто. Настроение Пунина было очень переменчиво, свидетельством чего может служить его дневник. То ему казалось, что их отношения близятся к концу. Когда же оказалось, что ничто еще не кончено, он с горечью записывает: «Разлучит нас жизнь — тяжелей муки не придумать для меня». (23) Тем не менее даже в разгар своего страстного романа с Ахматовой Пунин испытывает внутреннюю потребность в Гале и терзается чувством вины за свои поступки. На несколько дней он с женой уезжает в Павловск и сразу же записывает в дневнике: «Из всего, что есть, самое мучительное — ее обманывать, а самое ужасное — ее мучить, делаю и то и другое». (24)

Если Ахматова и испытывала чувство вины в отношении пунинской жены, она держала свои чувства в себе. У нее было достаточно поводов терзаться угрызениями совести. 10 января 1923 года ей стало особенно плохо. Пунин приписал это одиночеству, которым сам часто мучился в дни праздников. Но со временем Ахматова заставила себя признаться в том, что недавно изменила ему со своим бывшим мужем, Владимиром Шилейко. Пунин с нежностью пишет в

дневнике: «Потом плакала. Мне ли прощать ее». Он понимал, что не может судить любимую женщину, но все же ее неверность мучила его: «Знаю, что изменила, знаю, что изменишь, но люблю тебя не той любовью, которой можно изменить». (25)

Пунин был прав. Ахматова не была ему верна. Всего несколькими днями позже, 17 января 1923 года, они договорились пойти на «Хованщину» в постановке Циммермана, но Ахматова в последний момент передумала. Пунин заметил, что она неохотно говорит о своих новых планах. В нем зародились подозрения. Он пришел в театр, купил билет и увидел в восьмом ряду Ахматову. Тем вечером, провожая Анну домой, ему пришлось выслушать рассказ об ужасном унижении. Анна обнаружила новые доказательства того, что Артур Лурье был ей неверен. Хотя подобное оправдание кажется неубедительным, ее собственная тяга к сексуальной свободе могла быть порождена тем же чувством неуверенности, заставлявшим Ахматову стремиться к мужчинам, которые унижали ее.

На следующее утро она ушла от Пунина, и он понял, что она уходит к Циммерману. Ему казалось, что это — окончательный разрыв. Возможно, поведение Ахматовой было чистой воды манипуляцией. Пунин записывает в дневнике: «Правильно сказала, если бы по-настоящему любила, никакие формы жизни не могли бы мешать разрушать. Не любит. Нет, не любит». (26) А потом удивительно справедливо замечает: «Но ведь и она с таким же правом может думать обо мне, что мало любит — дом хранит, какая уж тут любовь». (27)

Как-то Пунин провожал Ахматову в театр. Она сказала, что идет слушать вагнеровского «Зигфрида». Но оказалось, что давали «Онегина», которого Ахма-

това не любила. Это пробудило в Пунине подозрения. Он вполне резонно предположил, что радостное возбуждение Анны связано не с оперой, а с возможностью вечером встретиться с Циммерманом. Пунин не мог справиться с ревностью: «И что я получу, если выиграю? Что приобрету, если лишу ее боли? Просто потеряю ее раньше времени... Неужели все, что мне осталось, это только смотреть на то, как расцветает эта любовь, и не иметь возможности даже пальцем пошевелить?.. Теперь я вижу, что решения нет... Я понимаю, как больно все это для Гали». (28)

Запись от 10 января 1923 года показывает, что ревность Пунина направлена не только на Циммермана. Его беспокоит то, что иногда Ахматова ночует у Шилейко: «Я не знаю другого человека, в котором такой истинный и чистый ангел мог бы жить в таком темном и грешном теле». (29)

Сам же Пунин от собственной сексуальной свободы отказываться не торопился. 20 марта 1923 года он описал в дневнике свое пребывание в Москве, у Бриков. Лиля намекнула ему, что они могли бы быть вместе, и хотела, чтобы он ее поцеловал. «Я ее не поцеловал, помня Ан». (29*) Вернувшись из Москвы, он объявил Ахматовой, что решил видеться с ней только один раз в неделю, что ее очень рассердило. Она сказала, что он впервые причинил ей боль. Впрочем, каковы бы ни были намерения Пунина, долго он этого не выдержал.

Из дневников Пунина видно, что он постоянно жил в конфликте с самим собой. Стихи же Ахматовой того времени в большей степени связаны с ее явным нежеланием покидать Россию и в то же время стремлением воссоединиться с Анрепом. Вот что написала Ахматова осенью 1922 года:

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав, —
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных:
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров. (30)

21 марта 1923 года Пунин написал Ахматовой длинное письмо с одним только желанием — «и конец этот домучиться с тобою». (30*) В апреле и мае настроение Пунина постоянно менялось — от жалоб на чрезмерную зависимость Анны («Ан. как бы прислонилась ко мне, дело уже вышло за черту любви, стало моим человеческим делом»). (31) до полной потери веры в их совместное будущее. Он чувствовал, что его власть над Ахматовой чисто сексуальна («И одно мне осталось — печальная власть бунтовать ненасытную женскую кровь, разжигая звериную страсть». (32), и все же весь июнь для него прошел под знаком Ахматовой.

Поведение Пунина было непредсказуемым. Неудивительно, что Ахматова сохраняет отношения с Циммерманом. 8 июля Пунин слышит, как Анна разговаривает с ним по телефону. Уловив одно слово «завтра», он решает устроить ей ловушку. Пунин предположил, что Циммерман собирается прийти к Ахматовой на следующий день. То, что Анна не захотела в тот день видеть самого Пунина, только усилило его подозрения. Пунин поражается тому, как можно продолжать любить эту женщину, как мириться с таким двуличием. Чувств своих он не показывает, но в дневнике сердито записывает: «Она не любит и никогда не любила, больше: она не может любить, не умеет». (33)

Через несколько дней они вместе отправились на острова. Был жаркий, солнечный день, дул сильный

ветер. Пунин пишет в дневнике о оживлении Ахматовой, ее детской радости, столь удивительной в женщине, «столь много знающей — и усталой». (34) Но именно эта непредсказуемость и неуверенность в завтрашнем дне и заставляли Пунина так страстно любить Ахматову.

Ко 2 августа 1923 года ревность овладела Пуниным настолько, что он «целый день не мог ничего делать от боли... Ан. уверяет, что она принесла мне в жертву М. [Циммермана], а встречи ее с М. все чаще и длительнее». (35) К 8 сентября Пунин встречается с Ахматовой каждый день. Он никогда еще не испытывал чувств подобной силы, о чем пишет в своем дневнике. Удивляет его то, что Ахматова способна причинить ему настоящую боль. После ссоры Пунин отправился в Витебск и всю дорогу рыдал в подушку. Но даже осознав всю глубину своих чувств к Ахматовой, он не может не понимать, какую боль их отношения причиняют жене: «Галя будет страдать всегда».

В ноябре 1923 года Пунин пишет в дневнике только о своей любви к Ахматовой. 4 ноября он записывает: «Хрупка наша близость, как ледок». Теперь в дневнике встречаются и записи, сделанные рукой Ахматовой — иногда она вступает в диалог с автором дневника. Возникает ощущение того, что влюбленные просто разговаривают друг с другом. «Не смотрите на меня так. У меня кружится голова, — пишет Ахматова. — Мы будем вместе, если только вместе. (Последняя строчка дописана рукой Пунина.) Ну, ну, Котий, вы быстро влюбитесь в меня». (36)

На фоне развивающихся отношений с Пуниным Ахматова поднимается к вершинам литературного успеха. В 1917 году она уже получила крупную сумму за «Белую стаю» и смогла послать деньги матери

и сыну. Чтобы не ранить достоинства матери, Анна устроила так, словно эти деньги были пенсией за мужа, хотя подобные выплаты давно прекратились. К сожалению, мать поверила и впоследствии стала жаловаться на то, что Анна не высылает ей денег регулярно. Она часто упрекала дочь в том, что та недостаточно ее любит. Ахматова никогда не разъясняла положения дел и мирилась с несправедливостью. В этом и проявилась та «сталь», о которой писал Недоброво. Ахматова продолжала нежно относиться к матери, часто ее навещала, а в течение последующих лет, как могла, поддерживала ее материально.

Хотя «Белая стая» пользовалась успехом, скоро стало очевидно, что новая власть не намерена доброжелательно относиться к творчеству Ахматовой. В ее следующей книге «Anno Domini MCMXXI» появилось множество стихов, связанных с событиями ее жизни в 1921 году. Действительно, большинство стихов было написано именно в этом, очень продуктивном для Ахматовой году. В 1922 году критик Борис Эйхенбаум в книге о современной поэзии с похвалой отозвался о стихах Ахматовой, но, к сожалению, его слова впоследствии были использованы для нападок на поэтессу: «Начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее — оксюморонностью) образ героини — не то «блудницы» с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у Бога прощенье». (37)

Вскоре появились более серьезные признаки недовольства власти. В 1923 году Михаил Кузмин, старый друг Ахматовой еще по «Бродячей собаке», написавший предисловие к книге ахматовских стихов, назвал ее поэзию старомодной. Критик Лелевич пошел еще дальше: «Ахматова — несомненная литературная внутренняя эмигрантка». В ее поэзии он ви-

дит «доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности». В сентябре—октябре 1922 года в «Правде» появились выдержки из книги Льва Троцкого «Литература и революция». Творчество Ахматовой, Цветаевой и других поэтесс вызывает явное неодобрение крупного революционера: «Лирический круг Ахматовой, Цветаевой, Радловой и иных действительных и приблизительных поэтесс очень мал. Он охватывает самое поэтессу, неизвестного в котелке или со шпорами и непременно Бога — без особых примет. Это очень удобное и портативное третье лицо, вполне комнатного воспитания, друг дома, выполняющий время от времени обязанности врача по женским недомоганиям. Как этот не молодой уже персонаж, обремененный личными, нередко весьма хлопотливыми поручениями Ахматовой, Цветаевой и других, умудряется еще в свободные часы заведовать судьбами вселенной — это просто уму непостижимо». (38)

Репутация Пунина была достаточно высока. Он сумел достойно ответить Троцкому, назвав Анну Ахматову «самым оригинальным поэтом одного из предшествующих поколений». (39) Он прекрасно понимал тот эффект, какой могла оказать цитата из книги Эйхенбаума, которую считал «бесстыдной и наглой». Статья Пунина так и не была опубликована. Началась настоящая кампания против творчества Ахматовой. Неофициальной резолюцией партийных органов в 1925 году публикация ее стихов была запрещена. (40) Сама поэтесса узнала об этом только в 1927 году.

А пока, несмотря на весьма серьезные обвинения, стихи Ахматовой продолжали печататься. Они пользовались огромным успехом. Ахматова нашла неожиданную поддержку у известной большевички Александры Коллонтай. Та заявила, что в стихах Ахмато-

вой «трепещет и бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины современной переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психологии, эпохи мертвой схватки двух культур». (41)

По дневникам Пунина видно, как тяжело приходилось Ахматовой в те годы. Ему самому приходилось порой испытывать неловкость. Как-то раз он был приглашен к Татлину, известному художнику, которого Пунин высоко ценил. Ахматова и Пунин приняли приглашение и лишь потом обнаружили, что Татлин пригласил и жену Пунина. Хотя никакого скандала не произошло, Анна Аренс попросила мужа не делать отношения с Ахматовой достоянием гласности. Пунин описывает слезы и упреки жены, как всегда, находя для себя оправдания: «Тут начались нескончаемые разговоры со слезами и рыданиями — Галя упрекала меня в подлости. Подлость, по ее мнению, заключалась в том... что я не сохранил никаких, даже просто человеческих, отношений к ней, Гале (как она могла это говорить, когда все мои отношения к Ан. разрушены из-за желания сохранить в доме Галю и беречь ее самолюбие)». (42)

Надо отметить, что даже в личных дневниках проявляется огромный писательский талант Пунина. Как-то Ахматова спросила, рад ли он тому, что она пришла. Он ответил: «Конечно». А в дневнике появилась такая запись:

«Я не рад, а счастлив был белым полным счастьем, так что все стало тихим и чистым, как в снегу... В моей квартире — у самых окон деревьев сада — в окна видны ветки в снегу; Ан., придя, так наполнила комнату, что похоже было: ко мне пришла в гости сама зима, только теплая. Пили кофе, я что-то мало говорил». (43)

С 1921 по 1923 год Ахматова называла себя без-

домной, скитающейся по друзьям. Точно так же будет складываться ее жизнь и в дальнейшем. В 1923 году она поселилась на Казанской улице, в доме № 3, а в следующем году переехала на новую квартиру, на Фонтанке. Это была бывшая прачечная Шереметевского дворца.

В разговорной книжке Ахматова и Пунин продолжают записывать свои мысли. Ахматова всегда выражается очень просто. Например, 26 мая 1924 года она пишет: «В Павловске были в 1924 г». Пунин сразу же восклицает: «И чувствовал я, как будто ты край всего мира, а дальше нет ничего». Но любовь Ахматовой ничуть не слабее, и это доказывает следующая же фраза: «А я удивлялась, что все такое зеленое вокруг и душистое. Котий мой! А. или Олень» (44) Редко удается стать свидетелем столь страстного признания в любви. Но не все записи в разговорной книжке настолько теплы. 15 сентября Ахматова пишет: «Котий сказал, что так врос в Шереметевский дом, что ни на что (т.е. на меня) его не променяет. Олень», а Пунин тут же добавляет: «Не говорил этого — К[отий] М[альчик]». (44*)

В дневниках Пунина, относящихся к 1924—1925 годам, мы находим множество писем от Ахматовой. Дат на них нет, но, по-видимому, они были написаны летом 1924 года, когда Пунин путешествовал с женой и дочерью. Если Ахматова и скучала по покинувшему ее другу, то хорошо скрывала это. В ее письмах гордость чувствуется сильнее, чем любовь: «Ты часто говоришь мне, что если я разлюблю и покину тебя, тебе не будет тяжело находиться вдали от меня. Я напоминаю тебе об этом и напоминаю о нашем последнем вечере, когда ты сам настойчиво просил прекратить «эту злую игру»... Было бы хорошо,

если бы ты задержался в деревне подольше, чтобы я успела уехать из города до твоего возвращения». (45)

В ее стихах того периода появляется обобщенный образ возлюбленного. В нем объединились черты всех, кого она потеряла. В 1924 году она пишет стихотворение «Художнику», где появляется такой пейзаж: «лип, навсегда осенних, позолота и синь сегодня созданной воды». (45*) И сразу же вспоминается Анреп. Но когда Ахматова клянется «ночей наших пламенным чадом — я к тебе никогда не вернусь» (45**), то можно с уверенностью сказать, что она обращается к Шилейко.

Хотя о Пунине Ахматова стихов не пишет, но любовь ее к нему гораздо сильнее, чем думал сам Пунин. Впрочем, любовь к поэзии у Анны еще сильнее, чем любовь к мужчине. Об этом она пишет в стихотворении «Муза», написанном в 1924 году. Пунин мог бы воспринять это как предостережение, но в то время он был слишком влюблен:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я». (46)

Это удивительное стихотворение, проникнутое почти эротическим возбуждением от радости творчества и в то же время высокомерное — к Ахматовой приходит та же Муза, что и к великому Данте.

Любовь к поэзии Пунина не смущала, а вот отношения с Шилейко ему очень не нравились. Как-то раз он позвонил Ахматовой и обнаружил, что она опять ушла к Шилейко. Было ясно, что их разрыв еще

далеко не окончательный. Письма, которыми обменивались Ахматова и Шилейко, говорят об их искренней привязанности друг к другу. Ахматова продолжает ухаживать за Тапой, бродячим псом, которого Шилейко подобрал, когда они еще жили вместе. Собака болела, и Ахматовой приходилось лечить ее. 17 января 1925 года она пишет: «Тапа дома, я продолжаю натирать его мазью». Ответное письмо Шилейко проникнуто искренней заботой о ее состоянии: «Ты пишешь, что больна, и меня это беспокоит. Не ходи в больницу и не води в лечебницу мою собаку. Вам обоим нужно в феврале переехать в Москву». (47)

Подобная неопределенность сводила Пунина с ума. 24 марта, когда у Ахматовой собрались гости, Пунин в меховой шубе внезапно ворвался в комнату. Анна пригласила его раздеться и присесть, но он очень резко и грубо ответил: «Здесь достаточно людей, чтобы вас развлекать» — и тут же ушел. (48)

Примерно половина любовных стихов в «Подорожнике» обращена к Шилейко. Во многих он предстает настоящим ревнивым драконом. Но в то же время Ахматова пишет одно из самых странных и безжалостных своих стихов:

Земной отрадой сердца не томи,
 Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
 У своего ребенка хлеб возьми,
 Чтобы отдать его чужому.
 И будь слугой смиреннейшим того,
 Кто был твоим кромешным супостатом,
 И назови лесного зверя братом,
 И не проси у Бога ничего. (49)

Чуковский написал статью о поэзии Ахматовой в журнале «Дом искусств». В ней он подчеркивал удивительную простоту ее поэзии и сравнивал ее стихи со стихами Маяковского, в которых находил слиш-

ком много риторики. (50) Критик Владимир Вейдле, который до 1924 года часто встречался с Ахматовой, полагал, что она смирилась со всем — с трупами, с возбужденными толпами, с голодом, нищетой и даже с судьбой Гумилева. Она по-прежнему оставалась абсолютно неспособной позаботиться о себе. 6 мая 1924 года Чуковский пришел к ней днем и обнаружил, что у камина горит свеча. У Ахматовой не было спичек, и погасить свечу она не могла. Чуковский вышел и купил спички у маляров, работавших неподалеку.

8 августа Пунин описал в дневнике разговор с Ахматовой. Он спросил, почему она сохраняет отношения с Михаилом Циммерманом. Ахматова все отрицала. Ревность Пунина не угасала. Он угрожал, что если Ахматова все же встретится с Циммерманом в ресторане Федорова, куда она намеревалась пойти, он придет туда с женой. Ахматова холодно и иронично согласилась. Положение Пунина было абсурдным — женатый мужчина, имевший множество связей, не мог вести себя подобным образом.

Впрочем, Ахматову трудно считать жертвой в подобной ситуации. Гораздо большее сочувствие вызывает Анна Аренс. В 1924 году она написала письмо отцу, в котором сообщала, что они с Пуниным расстаются. Но письмо так и осталось неотправленным. Анна слишком беспокоилась о больном сердце отца. Пунин не собирался разводиться с женой. Они с Ахматовой так никогда и не оформили своих отношений официально. И тем не менее Ахматова не раз называла его своим мужем.

Несмотря на всю свою неприспособленность к жизни, Ахматова оставалась верной друзьям. Когда летом 1924 года Ольга Судейкина слегла с перитонитом, Ахматова каждый день приходила, чтобы уха-

живать за ней. Судейкина была тяжелым человеком, она постоянно грозила самоубийством. Поправившись, Ольга уехала в Париж, к Артуру Лурье. Несколько своих кукол и безделушек она оставила Ахматовой. Ахматова хранила их всю жизнь. (51)

23 сентября Пунин описывает в дневнике ужасающее наводнение в Петрограде. Добраться до Ахматовой он смог только в десять вечера. Анну он нашел в страшном возбуждении. В воспоминаниях друзей Ахматова всегда предстает исключительно спокойной и уравновешенной. Пунин же часто пишет о ее тревожности и нервозности. Достаточно прочесть запись от 5 ноября: «Какая тревожная женщина; как такому человеку жить?» (51*)

Пунин хотел, чтобы Ахматова сходила с ним в комиссариат и зарегистрировала смену адреса, но Анна не решалась на подобный шаг. 8 ноября Пунин пришел к Ахматовой в Мраморный дворец и вновь обнаружил ее весьма возбужденной. Он пишет: «из зловредства не хочет переезжать ко мне на 5 дней». Ахматова тут же приписывает: «Котий, я тебя люблю, мне худо. Теперь иди домой, завтра приду к тебе, мой милый». (52)

В 1924 году с Ахматовой познакомился Павел Лукницкий, изучавший творчество Гумилева. Он оставил записки о своей дружбе с Ахматовой настолько подробные, что Роберта Ридер предполагает, что он сблизился с поэтессой по заданию ЧК. (53) Но даже если это и так, именно он приносил ей продукты и лекарства, когда она серьезно заболела.

Когда Лукницкий впервые познакомился с Ахматовой, она жила на часть пенсии Шилейко. Хотя они расстались, она получала его пенсию и отправляла деньги в Москву, где он жил в то время. Ее собственное положение немного улучшилось, и теперь она

могла пригласить домработницу. По-видимому, услуги домработницы оплачивал Шилейко.

В марте 1925 года у Ахматовой обострился туберкулез. Врачи настаивали, чтобы она отправилась в санаторий в Детское Село. Друзья поэтессы, Рыбаковы, нашли денег и сообщили о болезни Ахматовой Судейкиной. В ответном письме Ольга жаловалась на то, что Париж отвратителен и что ей хочется вернуться в Россию, где можно было бы стать модельером одежды (сразу становится понятно, что эта женщина абсолютно не представляла себе реальности). Тронутая отношением Ольги, Ахматова понимала, что подруга никогда не сможет жить в Советском Союзе. Она сама с трудом сводила концы с концами. У нее не было жилья, которое она могла бы назвать собственным. Ее здоровье неуклонно ухудшалось. Ахматова всегда говорила, что не умерла от туберкулеза, как ее сестры, только потому, что страдала болезнью Грейвза, повлиявшей на развитие туберкулезного процесса. Возможно, в те времена именно так и считали. Медицина же XXI века полагает это маловероятным¹.

В апреле 1925 года Ахматова некоторое время

¹ Профессор Марк Пепис, профессор медицины из Лондона, указывает, что болезнь Грейвза является аутоиммунным заболеванием, которое не может повышать сопротивляемость к туберкулезу. Он считает, что тиреотоксикоз, которым страдала Ахматова, мог быть вызван не болезнью Грейвза, а скорее туберкулезом щитовидной железы. Это заболевание могло проявляться как тиреотоксикоз. Затухание туберкулезного процесса могло привести к внезапной «катастрофической» полноте Ахматовой, возникшей после Ташкента. Маловероятно, что в то время Ахматовой могла быть сделана операция на щитовидной железе. Антитиреоидные препараты появились только в 50-е годы. Тогда же впервые была применена химиотерапия в лечении туберкулеза.

жила в санатории в Детском Селе. Это место нашел для нее Пунин. Здесь она встретила и сблизилась с женой Осипа Мандельштама, Надеждой, тоже страдавшей туберкулезом и лечившейся в том же санатории. В автобиографии Ахматова пишет о том, насколько внимателен был к жене Мандельштам: «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно. <...> Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах». (53*) Пунин навещал Ахматову каждый день, и она с улыбкой говорила Надежде, что мужчины всегда внимательны и заботливы, когда ухаживают.

Павлу Лукницкому Ахматова рассказывала о том, как развивались ее отношения с Николаем Николаевичем Пуниным. Даже в 1925-м, пожалуй, самом счастливом году их отношений, между ними то и дело возникали ссоры. В июле 1925 года Пунин писал Ахматовой после одной такой ссоры:

«Ан., родной мой, милая — так ты уехала; никогда не делала больней, чем сегодня, потому что ни вернуть тебя, ни догнать, ни сказать тебе — я уже не мог; и еще больнее оттого, что ты была во всем неправа, и мне только надо было несколько минут с тобой свободно поговорить, чтобы ты почувствовала свою неправоту... Еще думаю о твоей одинокой, гордой, страшной боли. Ан., мой, прости, насколько можешь; то, что ты говорила утром, все же неверно». (54)

Пунин считал Ахматову жестокой, но она могла быть и очень нежной. В разговорной книжке она пишет, что К. М. (Котий Мальчик) жесток и горяч. И тем не менее жить друг без друга они не могли. В апреле 1925 года они виделись каждый день, гуляли по Павловскому парку и радовались весне. Разговорная книжка полна любовных записей. Это про-

должалось весь май и июнь. В свой день рождения, 23 июня, Ахматова пообещала на следующий год летом поехать с ним за границу, «если...». Предложение осталось незаконченным, из чего ясно, что Ахматова сомневалась в собственном здоровье. Следующее замечание Пунина подтверждает эту тревогу: «Но от Оленя осталось только 1/10 — устала через десять мин. Все же Царица. Локотки милые». (55)

Все лето Пунин и Ахматова провели вместе. Лишь несколько дней с 21-го по 26 июля Ахматова была в Бежецке. Она приехала навестить сына. Визит был недолгим, но Лев понимал, что мать больна. Разговорная книжка Пунина, относящаяся к тому времени, рисует настоящую идиллию: влюбленные абсолютно счастливы. Ахматова пишет: «Васильевский остров чудный, морской, тихий. Полная луна. Лайбы поскрипывают. Очень грустно. Никогда отсюда не уехать». (56)

Лишь в ноябре 1925 года Ахматова окончательно переехала в квартиру Пунина в Шереметевском дворце, где продолжали жить его жена и дочь. Она часто здесь ночевала, но окончательный переезд символизировал переход на новый уровень отношений. В то же время Ахматова должна была платить Пунину арендную плату за занятую ею комнату, а также посылать деньги матери, второй жене Гумилева, Анне Энгельгардт, а порой и Шилейко (хотя гораздо чаще деньги посылал ей он — как об этом пишет Лукницкий). Щедрость Ахматовой часто приводила к тому, что у нее не оставалось даже семи копеек на трамвай. В декабре 1925 года она послала 50 рублей Льву. На эти деньги мальчику купили санки. В письме, подтверждавшем получение денег, невзначай упоминалось о том, что Лев болен непонятной болезнью. Лукницкий пишет о том, что это известие очень встревожило Ахматову. (57)

Письмо из Бежецка Ахматова получила в день самоубийства Сергея Есенина. 27 декабря 1925 года поэт повесился в гостинице «Англетер» в Ленинграде. При жизни Ахматова недолюбливала Есенина. Его крестьянская поэзия не была ей близка. Но глубокое разочарование Есенина в революции оказалось ей сродни.

В это время Лукницкий подружился с сыном Ахматовой, Львом, который изредка наезжал в Ленинград и останавливался у родственников бабушки, Кузьминых-Караваевых. Лукницкий не раз навещал мальчика. Он писал о том, что Ахматовой самой практически нечего есть, и ухаживать за сыном она была просто не в состоянии.

Ахматова продолжала чувствовать себя ответственной за Шилейко. Она пыталась навести порядок в его квартире в Мраморном дворце. Иногда она посылала ему короткие письма. Однажды Ахматова обнаружила, что у Шилейко могут отключить электричество, потому что он не оплатил счет. Хотя сам Владимир Казимирович страшно ревновал Ахматову к поэзии, она высоко ценила его литературный вкус и даже посылала свои стихи, чтобы выслушать его замечания.

Ахматова не слишком беспокоилась о жене и дочери Пунина. Впрочем, он сам настаивал на этом в самом начале их отношений. «Ни с кем я не был так терпелив и нежен, как с ней. Она удивительно и мягко добра». (58) Ахматову часто и справедливо называли доброй, но доброта ее не распространялась на жен тех мужчин, которых она любила. Трудно поверить, что она не понимала, какую боль причиняет жене Пунина ее переезд в Фонтанный дом. Но в разговоре с Чуковской Ахматова лишь мельком упомя-

нула о том, что всегда хотела подружиться с Анной Аренс и помешало этому лишь отсутствие взаимности.

К прежним увлечениям мужа Анна Аренс относилась более или менее спокойно. Ахматову же она считала уверенной эгоисткой, решившей заполучить Пунина во что бы то ни стало. И цена оказалась высокой. Внучка Пунина, Анна Каминская, к которой Ахматова в конце жизни относилась очень тепло, пишет о том, что страдания Анны Аренс были столь невыносимы, что после переезда Ахматовой ей пришлось изменить график работы в клинике, чтобы не находиться дома по ночам.

Когда Лидия Чуковская спросила у Ахматовой, кого из мужчин она любила больше всех, Ахматова на минуту задумалась, а потом ответила, что прожила с Пуниным целых два года после того, как поняла, что ей нужно его оставить. Их отношения никогда не были простыми.

Глава 8

ФОНТАННЫЙ ДОМ

Такая нечеловеческая близость.

Николай Пунин

В квартире на Фонтанке ныне разместился Музей Ахматовой. Деревянные полы сверкают свежей мастикой. Комнаты кажутся просторными и светлыми. В таких квартирах до революции жили весьма обеспеченные люди. Сохранилась и обстановка квартиры, в том числе стол и кресло, принадлежавшие Ахматовой. На кресло брошена одна из ее шалей. Переехав к Пунину, Ахматова заняла студию, а сам Николай Николаевич с женой поселились в комнатке за гостиной.

Кухня напоминает кухню деревенского дома с огромной печью. В соседней комнате жили Смирновы. Татьяна Смирнова присматривала за квартирой Пуниных. У нее было двое сыновей, к которым Ахматова всегда относилась с нежностью. Рядом с кухней находилась темная комната Пунина, который всегда увлекался фотографией. Сохранились его великолепные портреты Ахматовой, семейные фотографии и снимки сада Шереметевского дворца.

Ирина Пунина вспоминает:

«Он раскладывал все необходимое на большом кухонном столе: маленькие ванночки, разные порошки, маленькие коробочки, специальную бумагу, упакованную в черные конверты и фонарь с красными стеклами, который был необходим для самого важ-

ного этапа работы. В это время свет в соседней комнате нужно было выключать. Мы выкручивали лампочки, чтобы кто-нибудь не включил свет случайно.

Мы усаживались перед камерой, а он накрывал себя черной тканью, пока наводил резкость... Он рассчитывал выдержку с помощью экспонометра. По его сигналу мы должны были замирать, и это время казалось нам вечностью. Папа насыпал порошок магнезии на металлический поднос. Помощник должен был поджечь магний, а папа бежал, чтобы занять свое место среди тех, кого фотографировал». (1)

Судя по воспоминаниям Ирины, Пунин был хорошим отцом. Особенно тепло она вспоминает «чудесные фонарики на рождественской елке. Они были сделаны из японской бумаги, и папа склеивал их с нашей помощью». (2)

В январе и феврале 1926 года Ахматова все еще иногда оставалась в квартире Шилейко в Мраморном дворце. Хотя ей нравилось жить с Пуниным, только в Мраморном дворце она могла уединиться. Шилейко тоже жил здесь, когда приезжал из Москвы. Хотя у Ахматовой почти не было денег, она иногда помогала ему. Лукницкий пишет, что 15 января 1926 года она послала ему телеграфом 45 рублей. Письма Ахматовой к Шилейко по-прежнему проникнуты теплотой и любовью: «Пиши мне. Не ленись и не сердись на меня. Поцелуй меня... Акума». (4)

Ахматова не сомневалась, что, не покинь она Шилейко, ей пришлось бы забыть о стихах. Но в начале 20-х годов она стала писать очень много. В стихах она вновь вспоминает тех, кто покинул ее и отправился в эмиграцию. Вот стихотворение «Жена Лота», датированное февралем 1924 года. Внутренний голос искушает женщину обернуться на родной город, оставшийся позади:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
 На красные башни родного Содома,
 На площадь, где пела, на двор, где пряла,
 На окна пустые высокого дома,
 Где милому мужу детей родила. (5)

Лотова жена стала «прозрачною солью» и приросла к месту, и Ахматова просит сжалиться над этой женщиной:

Кто женщину эту оплакивать будет?
 Не меньшей ли мнится она из утрат?
 Лишь сердце мое никогда не забудет
 Отдавшую жизнь за единственный взгляд. (6)

Ахматова по-прежнему была очень слаба, но отношения с Пуниным, пусть и неформальные, делали ее счастливой. Кроме того, еще одна ноша спала с ее плеч. Брат Виктор, поняв, что на советском флоте для него нет будущего, и отказавшись работать в ЧК, отправился на Сахалин добывать меха. Заработав денег, он смог в 1925 году забрать к себе мать. Она прожила у сына до самой смерти, до 1930 года. В сентябре 1926 года поэт Федор Сологуб, занимавший тогда видное место в советской литературной элите, хлопотал для Ахматовой пенсию 60 рублей в месяц за заслуги перед русской литературой. 40 рублей из этой суммы Ахматова отдавала Пунину за комнату.

Политические перемены, происходившие в стране, хотя и оставались не замеченными Ахматовой, оказывали огромное влияние на жизнь русской интеллигенции. В 1918 году Ленину удалось избежать смерти после покушения, но его здоровье ухудшилось. В мае 1922 года с ним случился первый инсульт. Какое-то время он не мог говорить. Правая сторона тела была парализована. Его дни были сочтены. Ленин начал думать о преемнике. Главными претендентами были Троцкий и Сталин. Ленин знал, что большинство русских не приемлет еврея Троц-

кого, несмотря на всю его одаренность. Сталин же пользовался репутацией человека упорного, но посредственного. Ленин сделал Сталина первым генеральным секретарем партии в апреле 1922 года. Тогда этот пост не имел реального политического значения, но Сталин сумел использовать свое положение, чтобы сосредоточить в своих руках огромную власть. В последний год жизни Ленин с большим подозрением относился к сталинским амбициям и предостерегал от него соратников по партии. Однако его последнее письмо так и не было зачитано на съезде. Ленин умер 21 января 1924 года. Наступала новая эпоха, о чем Мандельштам предупреждал еще в 1923 году:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки? (7)

Впрочем, политические перипетии никак не влияли на отношения влюбленных. Пунинские дневники позволяют нам увидеть настоящую Ахматову, какой она была в то время. Пунин помог ей обменять продуктовые карточки на продукты, и она вернулась к нему, чтобы позавтракать. Жены Пунина не было дома. Николай Николаевич разжег камин, и Ахматова устроилась в кресле возле огня.

«За эти последние месяцы она ужасно похудела. Почему же это столь прекрасно? Сидеть на полу и целовать ее руки — откуда эта прелесть?.. Я долго смотрел на нее. Желание промелькнуло на ее лице, она посмотрела в соседнюю комнату — спальню — и отвернулась. О чем она думает? Была ли это ревность к [Гале] или она подумала о нас? А может быть, это была простая случайность?» (8)

Вещи Ахматовой по-прежнему оставались в

квартире Шилейко в Мраморном дворце, но Пунин помог перевезти их в Фонтанный дом. Шилейко продолжал писать Анне печальные письма, адресованные «моей доброй Акуме». Он часто просил, чтобы Анна навестила его: «В моем одиночестве я уподобляюсь собаке». (9)

По записям в дневнике Пунина становится ясно, что отношения у него с Ахматовой складывались не просто. Достаточно посмотреть на записи 13 июля 1925 года. Ахматова смело подписывает контракт: «Сим разрешаю Н. Н. Пунину иметь одного сына от любой женщины». (10) Она не требовала такой же свободы для себя. На той же странице Ахматова дает обещание «с сегодняшнего дня не встречаться с Циммерманом». Возможно, вся эта переписка носила чисто шуточный характер, но ей придают значимость другие замечания Ахматовой в дневнике Пунина. 25 августа 1925 года она пишет о том, что они провели «золотой день», и добавляет: «Дружные». И Пунин дописывает: «Такая нечеловеческая близость». (10*).

Несмотря на бурные размовки — которые, кстати, могли доставлять Ахматовой истинное удовольствие, если вспомнить слова Гумилева о том, что она всегда любила войну в любви, — влюбленные были очень близки. Пунин пишет в дневнике: «Люди думают, что жизнь знает два полюса: страдание и счастье; люди неверно думают... Я никогда не буду верить в том, что Ан. не мучила меня... Но с нею я могу дышать, и это гораздо нужнее мне, чем счастье». (11)

Пунин часто становился настоящим тираном, даже в самые ранние дни их совместной жизни. Впрочем, это неудивительно, если принять во внимание упрямство и независимый характер Ахматовой. Однажды ее по телефону пригласили на обед к Замяти-

ным. (12) Пунин сказал, что не хочет, чтобы она шла, и ужасно обиделся, когда она стала настаивать. Они поссорились. Пунин был в ярости из-за упрямства Ахматовой. И все же Анна не пошла в гости, легла в кабинете и уснула. Пунин не мог понять, как она могла спать, не помирившись. Когда же Ахматова прочла запись в его дневнике, то приписала на полях: «Какой стыд жаловаться, когда сам виноват». (12*) Ахматова говорила Лукницкому о том, что многие друзья не одобряли ее отношений с Пуниным и не всегда приглашали его вместе с ней, что его очень обижало.

Шилейко попросил у Ахматовой развода. Анна не возражала. 17 декабря 1925 года Владимир Казимирович женился на Вере Андреевне Константиновой. Его новой жене было всего девятнадцать лет. Новый брак не изменил теплого отношения Ахматовой к своему бывшему мужу. Отправляясь в Москву, она всегда звонила, а как-то раз привезла ему сыра и хлеба. Она даже читала ему свои стихи, и часто он становился их первым слушателем. 22 января 1926 года, услышав ее чтение, Шилейко произнес странную, пророческую фразу: «Когда вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах». (13) Лукницкий пишет о том, что Ахматова прочла кое-что из его дневника и с энтузиазмом сказала: «Видите, как хорошо! И как интересно! — Стала уже внимательно читать дальше... — Видите, как интересно! И если все будете записывать, будьте уверены, что лет через сто такой дневник напечатают и будут с увлечением читать!» (14)

У Ахматовой были ключи от московской квартиры Шилейко. Приезжая в Москву, она останавливалась у него. Шилейко очень беспокоился о ней. Однажды, когда он был в отъезде, заботу об Ахматовой

он поручил своей молодой жене Вере: «Я очень беспокоюсь о ней. Пишите мне, все ли с ней хорошо. Она слишком ленива, чтобы писать самой». (15)

Несмотря на постоянные ссоры, Пунин оставался страстно влюбленным в Ахматову:

«Ан. сегодня осталась у меня ночевать, я уложил ее в кабинете и всю ночь сквозь сон чувствовал присутствие ее в доме. Утром я вошел к ней, она еще спала; я не знал, что она так красива спящая. Вместе пили чай, потом я вымыл ей волосы, и она почти весь день переводила мне одну французскую книгу: это такой покой — быть постоянно с нею». (16)

Близость Ахматовой и Пунина в 1926 году только усилилась. Ахматова продолжала делать записи в его дневнике. Счастье их было взаимным. Несчастлива была только Анна Аренс, которая не могла ни уйти из собственного дома, ни помешать как-либо влюбленным. В патетической записке она извиняется перед Ахматовой за какие-то сказанные ею слова: «Я поняла, что вы обижены, когда вы отказались прийти на чай, а потом NN подтвердил мои предположения...» (17) Пунин, конечно же, чувствовал себя вправе отчитывать жену за то, что она как-то побеспокоила Ахматову.

Опыт и глубокие познания Пунина в архитектуре привлекали Ахматову так же, как раньше привлекли познания Шилейко в античной литературе. Все, кто встречался с Ахматовой, поражались тому, насколько хорошо она знает архитектуру Ленинграда. Подобно любому самоучке, Ахматова изо всех сил восполняла те пробелы, какие существовали в ее знаниях. Она снова нашла блестящего мужчину, которому могла бы стать подругой и помощницей. Ахматова изо всех сил старалась быть полезной. Она

переводила для него с французского труды Сезанна, готовила материалы по французскому художнику Давиду, переводила большие куски из книги об Энгре, необходимые Пунину для лекций.

Но это было не единственным ее занятием. В 1925 году Ахматова всю свою энергию направила на помощь второй жене Гумилева, Анне Энгельгардт, работавшей над книгой о муже. Лукницкий, также занимавшийся творчеством Гумилева, привел Энгельгардт в гости к Ахматовой 1 января 1925 года. Женщины общались очень открыто и дружелюбно. Но, когда дверь за гостьей закрылась, Ахматова сказала Лукницкому: «Какое чувство принуждения, тяжести, когда разговариваешь с ней... Темная она какая-то... » (18)

В дневниках Пунина 1926 года мы встречаем множество трогательных записей, сделанных рукой Ахматовой. Влюбленные начинают мыслить в унисон. 2 июля, вернувшись с островов, Ахматова с легкой тревогой записала в дневнике Пунина: «Возвращаемся с островов. Мир и покой, а что будет?» (19) На следующий день ее постоянная неуверенность усилилась еще более. И она снова пишет в пунинском дневнике: «Купалась за яхт-клубом. Николай снял меня в воде. Целый день вместе». (20)

Пунинские записи тоже говорят о близости между влюбленными, но настроение его становится именно таким, какого опасалась Ахматова. 21 июля, вернувшись в Мраморный дворец, она пишет Пунину раздраженную записку: «Николай! Вы каждый день повторяете мне, что я мешаю вам работать, и никогда не слушаете моего ответа, а ведь вы сами не даете работать мне. Похоже, такая мелочь не заслуживает вашего внимания, и каждый раз мне настолько стыдно за вас, что я не могу произнести эти слова». (21)

В разговорной книжке того же года мы вновь находим подтверждение слов Надежды Мандельштам о том, что Пунин часто оскорблял Ахматову на людях:

«Вы сегодня 2 раза сказали мне при чужих, что я бездельница и притворяюсь больной, когда должна работать. Это правда, и так как вы оба работаете, вам неприятно на меня смотреть. Чувство вполне естественное! Потому-то я вас сразу простила днем. Но мне больно, что вы опять повторили это при Лукницком, который, как вы знаете, все записывает». (22)

Причиной многих ссор между влюбленными, конечно же, была постоянная ревность Пунина. Но ситуацию осложняло и другое. Поскольку найти другое жилье было практически невозможно, Анна Аренс и Ирина вынуждены были обедать и ужинать вместе с Пуниным и Ахматовой. Позднее Ахматова вспоминала, как Пунин детально все продумывал. Он бессознательно воспроизводил ситуацию собственного детства (23), но Ахматова отказывалась вести себя, как злая мачеха из сказки. Когда жена Пунина уходила в клинику, Ахматова присматривала за Ириной и учила ее французскому. В это время она очень ответственно относилась к домашним обязанностям — старалась стать матерью для Ирины, а после 1928 года и для собственного сына.

Ахматова снова очень мало пишет, хотя дольше всего она молчала, пока была замужем за Шилейко. В 1926 году она подготовила двухтомное собрание своих стихов и обратилась в издательство. Рукопись была принята, договор подписан. Ахматова уже прочла гранки, но в 1927 году цензура позволила напечатать только 500 экземпляров. Поскольку такой тираж

был абсолютно нерентабелен, набор был передан в кооператив издателей и писателей в Ленинград. Ахматову попросили убрать восемнадцать стихотворений из первого тома, а в следующем месяце — сорок из второго. 9 февраля 1929 года Лукницкий пишет о том, что стихи Ахматовой не будут опубликованы вовсе.

Тем временем большевики продолжали бороться за власть. 14 ноября 1927 года Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Бухарин активно проводил новую экономическую политику и был в фаворе. Он даже опубликовал в «Правде» статью, обращенную к крестьянам, призывая их не опасаться и с оптимизмом смотреть в будущее. Сталин искусно манипулировал своими соратниками, натравливая Зиновьева и Каменева на Троцкого и запугивая вдову Ленина, Крупскую.

Смерть Есенина потрясла Ахматову. Еще больше поразила ее смерть Ларисы Рейснер, бывшей любовницы Гумилева. Лариса была очень добра к Ахматовой в те годы, когда поэтесса почти что голодала. Она всегда была полна жизни. «Ей так хотелось жить; веселая, здоровая, красивая...» — говорила Ахматова Лукницкому. (24) Лариса Рейснер умерла в феврале 1926 года от тифа.

Переехав к Пунину, Ахматова обрела крышу над головой и почувствовала себя в безопасности. Но за все нужно было платить: Пунин становился все более суровым, Ахматова все реже встречалась с друзьями. Замечательный переводчик Данте, Михаил Лозинский, близкий друг Гумилева и Ахматовой, теперь почти не видел Анны. И все же она продолжала встречаться с Шилейко. Ахматова понимала, что Владимир Казимирович тяжело болен и жить ему осталось недолго.

«ВЕГЕТАРИАНСКИЕ ВРЕМЕНА» 1928—1933

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

Ахматова

«Вегетарианскими временами» Ахматова называла период с конца 20-х до начала 30-х годов, перед сталинским Большим Террором. В эти годы ее отношения с Пуниным стали ухудшаться. Пунин стал язвительен, часто отпускал саркастические замечания, граничащие с жестокостью. Ему нравилось флиртовать с другими женщинами в присутствии Ахматовой. Он был исключительно груб и часто всем своим видом показывал, как ему скучно в ее обществе. (1) Надежда Мандельштам отмечала, что стоило при Пунине упомянуть о высоком положении Ахматовой в литературном мире, как он тут же стремился продемонстрировать свою власть. Он мог отправить ее на кухню под любым предлогом — например, чтобы почистить селедку. (2)

Лидия Гинзбург, впервые познакомившаяся с Ахматовой в 1926 году, вспоминала, что она была молодой, стройной и невероятно красивой женщиной. В своих воспоминаниях Гинзбург пишет: «В ее стихах 10—20-х годов не отразились ее историко-литературные интересы или ее остроумие, блестящее, иногда беспощадное». (3)

Несмотря на собственные увлечения другими женщинами, Пунин не переставал ревновать Ахматову.

Ему не нравились все, кто приходил к ней. Даже в апреле 1925 года, когда Ахматова была так больна, что не могла вставать с постели, Пунин посматривал на пришедшего к ней Лукницкого с подозрением. Ахматова прекрасно чувствовала его недоверие. (4) Они часто ссорились, и в запале ссоры каждый пытался уязвить другого побольнее.

В Анне начал появляться стоицизм, какого невозможно было предположить ранее. И это углубило ее печаль и тревогу. Ахматова продолжает изучать творчество Пушкина. В сентябре 1926 года Федор Сологуб помог ей получить заказ на исследовательскую работу. Лидия Гинзбург была поражена тем, как Ахматова относилась к Пушкину. Она изучала его творчество и жизнь, как настоящий ученый, но потом начинала говорить о нем так, словно знала его лично. Ахматова «испытывала своего рода ревность к Наталье Николаевне, вообще к пушкинским женщинам». Точно так же она относилась и к Шекспиру. Его герои подвергались не менее суровым суждениям. Лидия Гинзбург вспоминает, как Ахматова как-то сказала ей: «Дездемона очаровательна. Офелия же истеричка с бумажными цветами и похожа на NN». (5) Тем не менее работа Ахматовой о Пушкине считается канонической. Многие из ее предположений были подтверждены более поздними исследованиями. (6)

Ахматова редко говорила о деньгах, но Лукницкий с чувством неловкости замечал, что она очень плохо одета. В то же время она постоянно посылала деньги жене Гумилева. Получив что-то, Ахматова становилась безудержно щедрой, хотя ее финансовое положение было настолько ужасающим, что в мае 1926 года Маяковский и Пастернак устроили публичное чтение своих стихов в ее пользу (впрочем, на

афишах поэтического вечера об этом не упоминалось).

Отношения между Шилейко и Ахматовой по-прежнему оставались теплыми. Свои письма Владимир Казимирович адресовал «А. Шилейко». (7) Большая часть его писем сохранилась лишь в копиях, сделанных Лукницким перед отправкой. Если он действительно работал на ЧК (или ОГПУ), то подобные письма должны были доказать полную аполитичность Ахматовой. Она отвечала Шилейко, писала ему о здоровье Тапы и просила позаботиться о себе: «Не ленись топить, кушай по-человечески, по возможности не выходи — холод жестокий». (8)

Тапа стал источником трений с Пуниным. 1 сентября 1927 года Ахматова пишет Шилейко: «Тушин [еще одно имя собаки] совсем меня измучил — я снова за ним ухаживаю... Пришли мне доверенность. Мне нужно платить Пуниным за квартиру, а у меня совсем нет денег... Лукницкий не писал тебе о сантехнике?» (9) Ахматова и Лукницкий вместе занимались ремонтом квартиры Шилейко, и сантехник был абсолютно необходим. Последний раз кран в ванной срезали, и квартира осталась без воды. В августе 1928 года Ахматова писала Шилейко: «С Тапой большая беда. У него рак. Сегодня операция. Я возилась с ним все лето, но ему становилось хуже. Теперь он уже неделю в больнице, сказали, что надо резать. Содержание — 1 рубль в день, операция бесплатно. За лекарство я уже заплатила. У меня больше нет твоей доверенности. Когда ты приедешь? Очень жаль собаку, она все понимает». (10)

Здоровье Ахматовой снова ухудшилось. 12 июля Ахматова писала о том, что собирается лечь в больницу и пройти обследование. Обстановка в доме ухуд-

шалась, и одной из главных причин этого стал приезд сына Ахматовой Льва.

В 1928 году Льву исполнилось шестнадцать лет. Он уехал из Бежецка и поселился вместе с матерью и Пуниными в Фонтанном доме. Его приезд еще больше обострил напряженность. Льву нужно было получить хорошее образование, а это было возможно только в Ленинграде. Власти относились к нему подозрительно. Неудивительно — они боялись, что дети казненных могут лелеять мысли о мести. С помощью брата Пунина, Александра, Льва зачислили в школу (Александр Николаевич работал директором школы). Он намеревался поступать в Ленинградский университет, чтобы изучать историю Центральной Азии. Отец одобрил бы выбор сына.

Жизнь Льва складывалась непросто. Последний раз он видел отца в мае 1921 года. Гумилев стал для сына героем и легендой на всю жизнь. В Слепнево и Бежецк Гумилев приезжал всего несколько раз, но Лев до мельчайших подробностей запомнил приезды отца. Именно Гумилев пробудил в сыне интерес к истории. Он привез ему книги о завоевании Италии готами. Бабушка считала эти книги слишком сложными, но мальчик с удовольствием их прочел. Даже если он многого и не понял, то запомнил это на всю жизнь. (11) Интересно, что свои воспоминания о детстве Лев Николаевич начинает именно со встречи с отцом. Это единственное упоминание об интересе, проявленном отцом к образованию сына. Но и тут Гумилев пошел наперекор Ахматовой, которая никогда не одобряла увлечений Льва. Лев вспоминает, как Гумилев рисовал картинки, изображавшие подвиги Геркулеса, и сопровождал их стихотворными объяснениями. Картинки не сохранились, но Лев запомнил все стихи, которым научил его отец.

Жизнь Льва в доме Пуниных была непростой. Дискомфорт был не только психологическим. В квартире Пуниных просто не было комнаты для еще одного человека. Льву приходилось спать на сундуке в коридоре. Кроме того, Пунин опасался, что сын казненного поэта может навлечь подозрения на его семью.

Лев никогда не любил Пунина, и вовсе не потому, что тот явно проявлял свою неприязнь к нему. Сергей Лавров, познакомившийся с Львом Николаевичем в конце его жизни, утверждает: «Я думаю, что Лев Гумилев знал «заметку-донос» Н.Н. Пунина на своего отца». Лавров цитирует статью Пунина, опубликованную в журнале «Искусство коммуны». (12) Эта статья, написанная за три года до казни Гумилева, производит неприятное впечатление своим заискивающим тоном и полным согласием с исключением Гумилева из российского литературного мира:

«С каким усилием, и то только благодаря могучему коммунистическому движению, мы вышли год назад из-под многолетнего гнета тусклой, изнеженно-развратной буржуазной эстетики. Признаюсь, я лично чувствовал себя бодрым и светлым в течение всего этого года отчасти потому, что перестали писать или, по крайней мере, печататься некоторые «критики» и читаться некоторые поэты (Гумилев, например). И вдруг я встречаюсь с ними снова «в советских кругах»... Этому воскрешению я, в конечном итоге, не удивлен. Для меня это одно из бесчисленных проявлений неусыпной реакции, которая то там, то здесь да и подымет свою битую голову». (13)

Пунин встречался с Николаем Гумилевым в августе 1921 года во дворе тюрьмы. Лев не мог знать об этом, переступая порог пунинской квартиры. Воспоминания Льва о своих отношениях с Пуниным вполне согласуются с воспоминаниями самой Ахматовой

и Эммы Герштейн, хотя надо признать, что с такой же горечью он относился и к матери, и часто его отношение было несправедливым. Естественно, что Пунин не мог отнестись к мальчику со всей щедростью. Это противоречило его натуре. Лев был очень умным мальчиком, он страстно стремился к знаниям, но он отвлекал на себя внимание Ахматовой, а Пунин, несмотря на собственную неверность, хотел, чтобы это внимание было сосредоточено только на нем.

Ахматова всегда с горечью вспоминала недовольство Пунина приездом Льва, но дочь и внучка Николая Николаевича опровергали ее утверждения. (14) Характер Пунина все представляют по-разному. Ирина Пунина (15), которой к моменту приезда Льва было семь лет, очень тепло вспоминает о доброте отца. Она утверждает, что и ко Льву отец был так же добр. Он помог устроить мальчика в школу своего брата, несмотря на то, что тот был сыном казненного преступника и подобный шаг требовал немалой храбрости. Ирина утверждает, что отношения между Николаем Николаевичем и Львом были прекрасными, описывает замечательную лампу, книжные полки и другие удобства, предоставленные Льву в его коридорчике. Анна Каминская, дочь Ирины, тоже пишет о том, что дедушка был добр и щедр по отношению к Ахматовой и ее сыну. Впрочем, о событиях тридцатых годов она может судить только по рассказам матери.

Обида Льва — причем не только на отчима, но и на мать — со временем только усиливалась. Все друзья Льва говорили о том, что ему было очень трудно жить в квартире Пуниных. Ему приходилось спать в холодном, неотапливаемом коридоре на сундуке. Мать уделяла ему внимание только на уроках французско-

го. Но поскольку учительницей она была неважной, язык Лев выучил только в университете. (16)

Когда Лев приехал из Бежецка, Ахматова была серьезно больна. Анна Каминская с неодобрением пишет о том, что, как только Лев появился в Фонтанном доме, Ахматова немедленно уехала в санаторий на двадцать четыре дня. (17) Несмотря на искреннюю преданность Ахматовой в последние годы ее жизни, Каминская весьма критично описывает ее отношение к сыну. Она говорит о том, что Анна Андреевна «бросила» сына на бабушку, о том, что поэтическое творчество не должно было освобождать ее от стирки или готовки. Каминская отлично знала, что Ахматова любила детей, но полагала, что любовь эта распространялась «только на чужих детей, за которых она не несла ответственности, например, на детей Смирновых. Всю жизнь она была неспособна заниматься практическими делами». (18)

Последнее утверждение вполне согласуется с другими воспоминаниями об Ахматовой, но совершенно непонятно, почему упреки эти не обращены к Анне Аренс, которая, как опытный врач, проводила на своей работе не меньше времени, чем Ахматова за письменным столом. Мысль о том, что поэт по природе своей не может заниматься делами мирскими и домашними, исключительно русская. Особенно актуальна она стала для России в советский период. В доме Пуниных Ахматовой не приходилось заниматься домашними делами. Татьяна Смирнова мыла полы, стирала одежду и готовила до 1930 года. После Пунин не смог уже ей платить.

Будучи по сути иждивенкой, Ахматова не могла заступаться за сына, и это очень раздражало Льва. Когда ввели паспортную систему, все граждане страны должны были зарегистрироваться по месту жи-

тельства. Ахматова не смогла обеспечить сыну все необходимые документы. Евгений Рейн так объяснял это мне:

«Сама Ахматова не была хозяйкой квартиры, в которой жила. Технически квартира принадлежала семье Пунина... А они ненавидели Льва и не позволяли ему числиться жильцом этой квартиры. Ахматова могла обратиться в суд, чтобы решить эту проблему... но она была особенным человеком и не хотела идти в советский суд, где о ней стали бы говорить ужасные вещи». (20)

Воспоминания Рейна вполне согласуются с записками самой Ахматовой. Она не могла даже помешать Пунину делать язвительные замечания в адрес Льва. Лев вспоминает:

«Когда я закончил школу, Пунин хотел, чтобы я вернулся в Бежецк, где было нечего делать, нечему учиться и негде работать. Мне пришлось переехать к знакомым [в Санкт-Петербурге], где я помогал по хозяйству — не то чтобы занимался домашней работой, но, так скажем, ходил за покупками. Оттуда я уехал в экспедицию, организованную Геокомитетом. Когда я вернулся, Пунин меня встретил и, открыв дверь, сказал: «Зачем ты пришел? Тебе негде даже ночевать». Друзьям пришлось снова приютить меня». (21)

Каминская не спорит с тем, что Лев покинул Фонтанный дом и некоторое время жил с Львом Аренсом, братом Анны Аренс. Но она категорически возражает против того, что у Льва могли быть конфликты с Пуниным. «В нашем доме были ожесточенные споры, — признает она, по-видимому, вспоминая послевоенный период, — но они касались вопросов чисто интеллектуальных, и не все могли их понять». Когда я спросила Анну о фразе из знаменитого са-

маркандского письма Пунина (22), в котором он кажется в несправедливом отношении к Льву, она ответила, что дед, вероятно, сожалел об аресте Льва в 1938 году, хотя никоим образом не был к этому причастен. (23)

Каминская вновь повторяет слова матери о том, что коридор был гораздо уютнее, чем это казалось Льву. Ее воспоминания о 20—30-х годах явно показывают, что Пунин умел пробуждать любовь к себе. Когда Каминская жила в Фонтанном доме после войны, Пунин был для нее добрым дедушкой, с которым было так приятно играть. Он часто делал для нее игрушки, потому что денег в доме постоянно не хватало. Анна отлично запомнила, как он сделал для нее обруч, который можно было набрасывать на крюк, а на ее день рождения в мае 1949 года заставил весь стол самодельными игрушками.

У Ахматовой возникли новые проблемы. Она поняла, что советская власть не намерена публиковать ее стихов. Сталин отлично понимал, что творчество поэтов и художников следовало использовать в целях пропаганды нового режима. Вот почему он уговаривал Прокофьева вернуться в Россию. Горький, покинувший родину в 1922 году, тоже вернулся, не устояв перед хвалебной кампанией, развернутой в советской прессе. Впоследствии оба горько пожалели о своем решении.

Неопубликованный указ о запрете публикации стихов Ахматовой был принят в 1925 году. Недавно опубликованные документы говорят о том, что инициатива исходила от самого Сталина. (24) Ахматова была не единственной, кто пострадал от цензуры. Осип Мандельштам продолжал печатать критические статьи и прозу, но к 1928 году зарабатывал на жизнь только переводами и журналистикой. Неко-

торое время ему помогал Бухарин. Но разногласия Бухарина со Сталиным по вопросам коллективизации говорили о том, что очень скоро он сам окажется в серьезной опасности.

В августе 1929 года в советской прессе начались нападки на Бориса Пильняка и Евгения Замятина. Книга Замятина «Мы», в которой он предсказывал мрачное будущее планового общества, была опубликована в Праге в 1927 году. В повести «Красное дерево» Пильняк говорил о крушении революционных идеалов. Повесть была впервые опубликована в Берлине в 1929 году. Не говоря уже о теме этих произведений, сам факт публикации за границей расценивался в те времена как серьезное преступление. Писатели были исключены из Союза писателей. В знак протеста из союза вышли также Михаил Булгаков и Борис Пастернак. Ахматова тоже написала письмо о выходе и передала его Лукницкому 13 октября 1929 года. Лукницкий письма не отправил. По-видимому, он гораздо лучше, чем сама Ахматова, понимал всю опасность ее положения.

Пока еще Ахматова не боялась за себя и даже продолжала надеяться на то, что ее стихи будут опубликованы. Она обратилась к Демьяну Бедному, любимцу Сталина, писавшему простенькие агитки. Под псевдонимом Демьян Бедный скрывался незаконнорожденный сын великого князя. Они с Ахматовой пообедали в гостинице «Московская», но никаких действий Бедный не предпринял. Замятин с женой вскоре покинули Россию. С Запада они стали посылать Ахматовой продукты и деньги, полагая, что ее положение еще более ухудшилось. Пильняку повезло меньше. Хотя сталинские чистки еще не начались, но за писателями, заподозренными в неloyальности власти, следили очень пристально. Ахматова к тому вре-

мени уже поняла, что на ее стихи наложен официальный запрет.

Хотя Бухарина исключили из Политбюро и сняли с поста генерального секретаря исполкома Коминтерна, он все еще сохранял определенное влияние и мог выхлопотать для Мандельштама разрешение путешествовать. «Путешествие по Армении», опубликованное в 1933 году, стало последней книгой Мандельштама, выпущенной в Советской России за тридцать лет. Другие писатели, в том числе и Булгаков, попали в когти Сталина. Пьеса Булгакова «Дни Турбиных» была поставлена на сцене МХАТа и шла с огромным успехом. Удивительно, но пьеса понравилась Сталину настолько, что, согласно театральным хроникам, он смотрел ее пятнадцать раз. Тем не менее ни одна из поздних пьес Булгакова так и не была поставлена при жизни писателя. Не позволяли ему и покинуть Россию, хотя с такой просьбой он обратился к самому Сталину. Роман Булгакова «Мастер и Маргарита» увидел свет спустя четверть века после смерти писателя — лишь в 60-е годы. Михаил Булгаков умер в 1940 году.

К 1928 году Сталин окончательно упрочил свое политическое положение и инициировал план коллективизации земли. Судьба любого крестьянина, владевшего землей, теперь полностью зависела от решения местного ОГПУ. Всех зажиточных крестьян выселяли на Север, где большинство их погибло. В этом году многие рядовые члены партии лишились работы. Чаще всего их обвиняли в проявлении сочувствия к крестьянам во время коллективизации. С точки зрения Сталина, это был смертный грех. Некоторые крестьяне, не желая лишаться своей земли, сжигали собранное зерно. С ними расправлялись безжалостно. Политика Сталина привела к голоду, особенно обо-

стрившемуся на Украине, всегда считавшейся главной житницей страны. Крестьяне умирали, оставляя записки своим родным: «Сынок, мы не могли больше ждать. Господь с тобой». (25) Тех, кто оставался в живых, насильно отправляли в Сибирь, где люди погибали от голода и отсутствия теплой одежды.

Пастернак, путешествовавший по югу России в начале тридцатых годов, был так потрясен увиденным, что чуть не сошел с ума. Но в то же самое время Бернард Шоу, приехавший в Россию с леди Астор, женой известного газетного магната, написал: «Сталин встретил нас как старых друзей и позволил нам высказать все, что мы хотели, прежде чем скромно заговорить самому». Шоу был не единственным западным идеалистом, увидевшим лишь то, что захотел увидеть.

Любимцы революции погибали один за другим. Крестьянский поэт Есенин покончил с собой в 1925 году. Маяковский, главный поэт революции, сурово осудил самоубийство Есенина и даже написал стихотворение, посвященное ему, в котором были такие строки:

В этой жизни помереть не трудно.
Сделать жизнь значительно трудней. (26)

Но его собственная жизнь становилась все более сложной. Пьеса Маяковского «Клоп», поставленная Мейерхольдом в 1929 году, была буквально уничтожена критикой. Выставку, посвященную двадцатилетию литературного творчества поэта, бойкотировали многие писатели.

На встрече со студентами 9 апреля 1930 года Маяковского засыпали записками с требованиями доказать, что кто-нибудь будет читать его стихи через двадцать лет. Через несколько дней, 14 апреля, Мая-

ковский застрелился. В его депрессии повинны несколько факторов. Его унизили студенты, его травили критики, его отвергла Татьяна Яковлева, с которой он познакомился в Париже. Но немалую роль в настроении поэта сыграла и политическая обстановка в стране. В предсмертной записке Маяковский написал небольшое стихотворение. Он просил мать, сестер и товарищей простить его и желал счастья тем, кто остается жить:

...любовная лодка
разбилась о быт... (27)

Ахматова не могла забыть того, что Маяковский сурово критиковал ее собственные стихи. Когда-то он издевательски прочел ее «Сероглазого короля» на модный мотивчик, а в другой раз назвал ее наследием прошлого. Но Ахматова говорила Анатолию Найману (28) о том, что ей нравились стихи, которые Маяковский писал в начале века, хотя они совершенно не походили на ее собственные.

Цветаева всегда восхищалась виртуозностью и энергией Маяковского. Когда он приехал в Париж, она самоотверженно защищала его от критики со стороны эмигрантов. Ахматова была потрясена известием о самоубийстве поэта. Поразило оно и Пастернака. Пастернак пришел проститься с Маяковским и был ошеломлен торжественной суровостью его застывшего лица.

Положение Ахматовой тоже ухудшалось. Пунин ворчал из-за того, что содержание Льва обходится дорого. Однажды за столом он откровенно сказал, что масло предназначается только для Ирочки. Ахматова навсегда запомнила выражение лица сына. Но сказать что-нибудь в тот момент она не могла. В 1940 году, беседуя с Лидией Чуковской, Ахматова

говорила, что тот период буквально сокрушил ее дух. Она не сожалела о попытках обрести семейное счастье, но эта цель так и осталась для нее недостижимой. Тем не менее для молодого сотрудника Пунина, Всеволода Петрова, Пунин и Ахматова были живым воплощением России, ушедшей навек. Петрова поражали красноречие и энергия Пунина. Его художественный вкус можно было сравнить только с абсолютным музыкальным слухом.

В сорок три года Ахматова оставалась красивой, элегантной в любой одежде и очень стройной. Была ли у нее болезнь Грейвза или нет (29), в то время повышенная активность щитовидной железы не давала ей полнеть.

На снимках тех лет мы видим утомленные морщинки, залегшие в уголках глаз и рта Ахматовой. Несмотря на свою бедность, она по-прежнему оставалась исключительно аристократичной, и это замечали все без исключения. Как-то раз они с Пильняком ехали на машине. Из-за мелкой поломки им пришлось остановиться. Крестьяне, работавшие на поле, подошли помочь, но одна женщина, взглянув на Ахматову, заявила: «Она же дворянка, разве вы не видите?» (30)

Юрий Олеша встречался с Ахматовой в начале 30-х годов. В тот период он был преисполнен сознания собственной значимости, и все же, стоило Ахматовой заговорить о Шекспире, как Олеша начинал чувствовать себя школьником. Ахматова начала переводить «Макбета». В стихотворении, написанном в 1933 году, накануне сталинского террора, она проводила параллели между макбетовской Шотландией и большевистской Россией. Стихотворение начинается довольно невинно:

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем. (31)

Но первая же строфа заканчивается зловещей фразой:

Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь. (32)

В последней строфе соединены Понтий Пилат и леди Макбет, пытавшиеся смыть с рук кровь своих жертв. В этих стихах трудно не почувствовать ассоциаций с ситуацией в Советской России.

В 1930 году Ахматова попыталась уйти от Пунина. Друзья предложили подыскать ей квартиру. Но Пунин заявил, что пребывание Ахматовой в его доме — для него вопрос жизни и смерти. Решимость Ахматовой ослабела. Она осталась в Фонтанном доме, не имея сил уйти. Лишь летом 1931 года она дважды сделала такую попытку: сначала она ухаживала за Валентиной Щеголевой, женой известного ученого-пушкиниста, а затем за своей маленькой «падчерицей», Ириной Пуниной.

И в этот момент в нашем повествовании появляется новый персонаж: Эмма Герштейн, верная подруга и любимая женщина Льва Гумилева. Эмма была дочерью известного хирурга. Она была хорошо знакома с Мандельштамами. Они познакомились в санатории. Эмма предложила им остановиться в ее московской квартире. Осенью 1933 года Осип и Надежда Мандельштамы получили квартиру в доме Союза писателей в Нащокинском переулке. Первой их гостей стала Ахматова. Именно Мандельштамы познакомили Эмму с Ахматовой.

Лев познакомился с Эммой Герштейн в октябре 1933 года в Центральном бюро секции научных ра-

ботников, где она тогда работала. Лев пришел туда хлопотать о приеме его в члены профсоюза. Эмма взялась за дело очень активно. В своих заметках она пишет о том, что рассказала ей о Льве Надежда Мандельштам: «Девочками совершенно не интересуется. Обожает мать». (33)

Эмма влюбилась в Льва в тот день, когда они впервые вместе возвращались домой и всю дорогу разговаривали. Когда они стали уже близки, Эмма писала: «Я смотрела на его тонкую шею, выглядывавшую из-за мехового воротника, на склоненную голову в фуражке, я любила его». (34) Хотя мемуары Герштейн проникнуты восхищением и преклонением перед Ахматовой, некоторые ее наблюдения явно окрашены любовью к Льву. Она очень подробно и живо описывает его отношение к матери и горечь, с ней связанную. Получив повестку из ОГПУ, Лев попросил Эмму проводить его на вокзал, сказав при этом: «Проводите меня, пожалуйста, на вокзал. Меня никто никогда в жизни не встречал и не провожал». (34*) На вокзале они тепло простились, не зная, когда доведется увидеться вновь. Позднее выяснилось, что Льва вызывали лишь затем, чтобы вернуть ему какие-то документы. Друга же его, взятого в то же время, приговорили к пяти годам заключения.

Лев лишний год проучился в ленинградской школе, изучая историю. В 1930 году он попытался записаться на курсы немецкого языка в институте, где работала Эмма, но его не приняли как сына врага народа. Михаил Ардов, сын близких друзей Ахматовой и верный друг Льва, отлично понимал горечь и обиду друга. Впоследствии он принял сан священника. Мы встретились с ним в церкви в Санкт-Петербурге, и он сказал мне:

«У Льва было много оснований обижаться на мать.

С раннего детства он жил вдали от нее, у бабушки в Бежецке. Конечно, ему не могли нравиться так называемые мужья Ахматовой, которые менялись, словно в калейдоскопе. Он очень ревновал к «падчерице» Ахматовой, Ирине Пуниной... Но самая главная обида, которая терзала Льва всю жизнь, была в том, что, как он считал, Ахматова не приложила достаточно усилий, чтобы вырвать его из лагеря. Это было несправедливо... Она делала все, что было в ее силах, и я это точно знаю». (35)

Эмму сближали с Львом невероятная любознательность и интеллигентность. Сама она с головой погрузилась в архивы, изучая творчество Лермонтова. Литературный вкус Герштейн был исключительно точным. Она отличалась невероятной чуткостью. Лев относился к ней с глубоким уважением. Он часто читал ей стихи, написанные специально для нее, но Эмма чувствовала, что Гумилеву не удастся подняться до таких высот, каких достигла его мать. Льву суждено было стать ученым, а не поэтом. Порой реакция Эммы на стихи Льва граничила с бестактностью. Но ее искренняя и преданная любовь смягчала тяжелое впечатление от ее слов. Легко понять, почему эти люди полюбили друг друга, хотя физической красотой Эмма не отличалась.

Мандельштамы не одобряли этих отношений. Осип Мандельштам как-то сочинил едкую эпиграмму, безжалостно напомнив о том, что Эмма была на девять лет старше Льва. Стихотворение, которое, как считала Эмма, было посвящено ей, по мнению Надежды Мандельштам, посвящалось красивой поэтессе Марии Петровых.

Как-то раз Эмма пришла к Ахматовой в тот момент, когда Лев узнал о зачислении на исторический факультет Ленинградского университета. Лев был в

плаще и фуражке, с кастрюлей горячей воды в руках. Он был очень возбужден. Эмма подумала, что он рад видеть ее. Ахматова почувствовала ее радость и сурово приказала Льву поставить кастрюлю. Многие упоминали о том, что Ахматова не хотела, чтобы ее сын связал свою жизнь с Эммой. Она не считала ее подходящей женой для Льва, возможно, из-за разницы в возрасте.

Время от времени Ахматова появлялась в Москве. Однажды, ночуя у Эммы, она стала говорить о своих отношениях со Львом. Ахматова пристально разглядывала Эмму, ее бледное лицо, а потом, безо всякой видимой связи, воскликнула: «Эмма, я хочу внука!» Она «начинала разговор о том, как ей плохо живется у Пунина, одна надежда на Леву». (36) Когда он окончил университет, она хотела жить с ним, но оказалось, что «Лева так безумно, так страстно хочет... уехать в Монголию». Впрочем, Ахматовой было не о чем беспокоиться: Лев и Эмма не строили планов на будущее.

Друзья Эммы тоже не были в восторге от ее отношений с Гумилевым. Как-то раз Эмма, приехав в Ленинград, остановилась на Васильевском острове в квартире брата Мандельштама, Евгения. Он откровенно предостерег ее от дружбы со Львом, поскольку у того могли быть «нехорошие знакомства». Эмма немедленно ушла из этой квартиры и остановилась у друзей детства.

Когда Эмма в следующий раз пришла к Ахматовой, Анна Андреевна чувствовала себя неважно. Она лежала на диване. Пунин с женой и дочерью уехали в Сочи, а свои продуктовые карточки оставили Ахматовой. Но у той не было денег, чтобы отоварить их. Ахматова и Лев очень ослабели. Лев даже плохо сдал экзамен, потому что от голода у него кружилась

голова. Этот случай ясно доказывает безразличие, какое Пунин проявлял к жизни Ахматовой в тот период.

И все же, несмотря на многое, что омрачало их отношения, Ахматову и Пунина связывали глубокие чувства. Эмма Герштейн как-то стала свидетельницей того, как Ахматова провожала Пунина в Москву на вокзале. Пунин поднялся в вагон, а Ахматова осталась на перроне. Он хотел открыть окно, но то замерзло, и он мог только постучать по стеклу. Ахматова ответила, и они перестукивались так до тех пор, пока поезд не тронулся.

ТЕРРОР 1933—1938

Кто же отказывается от собственной жизни?

Ахматова

Оценку последних лет, проведенных с Пуниным, Ахматова дала в своих стихах, в беседах с Лидией Чуковской, а двадцать лет спустя в разговорах с молодыми поэтами Евгением Рейном и Анатолием Найманом. (1) Судя по всему, она была очень уязвлена подобным положением. Многие вспоминали, что Пунин получал удовольствие, намеренно унижая Ахматову на людях. Дочь же его, Ирина, вспоминает об этом времени совершенно иначе. Ее наблюдениям можно доверять, но депрессию Ахматовой отрицать невозможно. В 1933 году она более не могла полагаться на поддержку читателей.

Если Ахматова надеялась на любовь сына, то надежды ее не оправдывались. Как говорит Михаил Ардов, у Льва были основания обижаться на то, что в детстве мать бросила его на бабушку. Лев всегда страдал от недостатка внимания. Еще в глубоком детстве он спрашивал мать, сколько минут в день она думает о нем. Когда же в Советском Союзе наступил период сталинского правления, поводов для горечи стало еще больше.

В 1933 году жена Сталина, Надежда Аллилуева, покончила с собой. Сталин рыдал на ее похоронах. Он сам и его сыновья бросили по горсти земли на гроб Надежды. Но личное горе не смягчило жесто-

кое сердце тирана. Вскоре был принят указ, по которому все, кто обвинялся в терроризме, были лишены права на защиту. Арестованы были тысячи людей, и среди них Лев Гумилев.

Лев был у коллеги, специалиста по Ближнему Востоку Эбермана. Они обсуждали какой-то перевод. Тут раздался стук в дверь, вошли энкавэдэшники и обоих арестовали. (2) В тот раз Лев провел в тюрьме всего девять дней. Обращались с ним не слишком сурово. Эберман же так и сгинул. Очень скоро такая судьба ожидала миллионы русских людей.

Первым из друзей Ахматовой обратил на себя внимание органов НКВД — бывшего ОГПУ — поэт Осип Мандельштам. Они с Ахматовой были очень близки. У них было много общего, оба принадлежали к течению акмеизма, оба восхищались стихами Гумилева. Поскольку стихов Ахматовой больше не печатали, она посвятила это время различным исследованиям. В 1933 году Мандельштама и Ахматову увлекла поэзия Данте. Они читали великого поэта по-итальянски. Как-то раз, когда Ахматова читала часть из «Чистилища», Мандельштам был так расстроган звучанием ее голоса, что расплакался.

И Ахматова, и Мандельштам говорили, что их собственные стихи приходили к ним короткой музыкальной фразой, которая настойчиво звучала в ушах. Мандельштам обычно ждал, пока фраза эта станет достаточно ясной, и лишь потом записывал стихотворение. После этого он любил прочесть свое новое творение кому-нибудь. В период с 1933 по 1934 год первым слушателем его стихов часто становился Лев, поскольку, приезжая в Москву, он обычно останавливался у Мандельштамов. Но эта честь была опасной. «Все первые слушатели Мандельштама подверг-

лись репрессиям...» — лаконично пишет жена Мандельштама Надежда. (3)

Дружба между Ахматовой и Мандельштамом особенно укрепилась в начале 30-х годов. Надежда Яковлевна вспоминает слова Мандельштама о том, что Ахматова была женщиной, созданной «для товарищества, а не для любви», и замечает: «Казалось бы, что жизненная ставка А. А. — любовь, но эти дела рушились у нее, как карточные домики, от самого первого кризиса, а напряженно-личное, яростное отношение к О. М. выдержало все испытания».

Ахматова очень любила находиться в кругу друзей. Она отправлялась в Москву при первой же возможности. Вместе им было очень хорошо, но Герштейн вспоминает, что как-то раз, когда Ахматова в сопровождении Льва отправилась на вокзал, Мандельштам с облегчением воскликнул: «Наденька, как хорошо, что она уехала! Слишком много электричества в одном доме». (4)

Когда Мандельштамы поселились в Нащокинском переулке, Ахматовой стало легче у них останавливаться. Квартиру трудно было назвать роскошной, но в ней была ванная и большая комната, вдоль стены которой тянулись длинные ряды некрашенных книжных полок с книгами Мандельштама. По законам того времени жильца нельзя было выселить, если на спорной площади находилась его кровать. Эмма Герштейн вспоминает, как Надежда Мандельштам в день вселения с ночи дежурила у подъезда с пружинным матрацем, чтобы успеть первой внести свою кровать в пустую квартиру. Отец Мандельштама, Эмиль, обычно жил в Ленинграде со своим сыном Евгением. Новая квартира дала и ему возможность время от времени навещать Осипа. Позднее сюда из Киева переехала мать Надежды, Вера Яков-

левна, которой, по словам Герштейн, пришлось «мужественно переносить потрясающее неустройство своих детей». (5)

Те, кто навещал Ахматову у Мандельштамов, не могли не заметить ее бедности. Она двадцать лет ездила с одним и тем же чемоданом, давно лишившимся замков и перевязанным для надежности бечевкой. У нее была одна старая шляпа и легкое пальто, которое она носила в любую погоду. Впрочем, позднее подруга Ахматовой, Валентина Щеголева, подарила ей шубу. Дома Ахматова обычно ходила в малиновых пижамах. И очень долго она носила свою знаменитую челку.

На первом этаже того же дома жил писатель-сатирик Виктор Ардов со своей молодой женой Ниной Ольшевской, актрисой МХАТа, и ее сыном от первого брака Алексеем Баталовым. Нина была одной из первых выпускниц школы Станиславского. Она была очень красива. Кроме работы в театре, она увлекалась рисованием карикатур. Поскольку в квартире Мандельштамов места для Ахматовой и Льва не хватало, когда приезжала Анна Андреевна, Лев уступал свое место ей, а сам отправлялся к Ардовым. Мир этих людей разительно отличался от того, который окружал Льва в повседневной жизни. Его поражала красота Нины. Над ее диваном висели портреты великих поэтов, когда-то влюбленных в нее. Со Львом она тоже флиртвала, и тот как-то признался Эмме Герштейн: «Я не могу оставаться равнодушным, когда она лежит с полуоткрытой грудью и смотрит на меня своими блестящими черными глазами». (6) Нина восхищалась Ахматовой с первого же дня, когда увидела, как она величественно поднимается по лестнице в квартиру Мандельштамов. Они стали близкими подругами.

В начале 1934 года Ахматова провела в Нацкинской переулке у Мандельштамов целый месяц. 13 мая она приехала снова и привезла свой скульптурный портрет работы Елены Данько. Ахматова собиралась продать статуэтку, чтобы купить билет обратно. Лев, живший в то время у Мандельштамов, отправился на вокзал встречать мать. Но они как-то разминулись. Это очень встревожило Ахматову. Впрочем, непонятно, что ее больше огорчило — отсутствие на вокзале сына или Осипа Мандельштама. Мандельштам всегда засыпал ее шутками и анекдотами. Ахматова приезжала в Москву не ради встречи с сыном, а уступая настойчивым приглашениям Осипа.

Обычно Ахматова ночевала в маленькой кухне Мандельштамов. Газ еще не подключили, поэтому Надежда Яковлевна обычно накрывала плиту клеенкой и готовила на керосинке. На этот раз готовить было нечего. Мандельштам обошел всех соседей и раздобыл для Ахматовой одно яйцо.

В час ночи раздался стук в дверь. В квартиру вошли несколько переодетых энкаведэшников. Они проверили документы у всех присутствующих, а потом начали обыск. Они перевернули всю квартиру в поисках компрометирующих материалов, швыряя рукописи поэта на пол. Затем они вручили Мандельштаму ордер на арест, подписанный Генрихом Ягодой. «Вдруг Анна Андреевна сказала, чтобы О. М. перед уходом поел, и протянула ему яйцо. Он согласился, присел к столу, посолил и съел...» (7) Обыск продолжался всю ночь, а утром Мандельштама забрали. На следующий день Надежда Мандельштам и Ахматова оказались в разоренной квартире. Ахматова посоветовала не убираться, а оставить разбросанные бумаги так, как есть.

Утром проведать мать приехал Лев. Он знал, что

Мандельштамы встают рано. Но Надежда велела ему как можно быстрее уходить, чтобы не подвергнуться опасности. Надежда Мандельштам оставила прекрасное описание Льва, который был одержим мыслью о том, что он всем приносит несчастье. «Наш дом оказался зачумленным и гибельным для всех, кто подвержен инфекции... уходите, — сказала я, — уходите скорей — ночью забрали Осю». (8)

Вскоре энкавэдэшники вернулись и забрали часть рукописей. Ахматова и Надежда Яковлевна отлично знали, что ищут: стихотворение Мандельштама о Сталине «Волк». Мандельштам не обладал ни физической силой, ни достаточной выдержкой. От него потребовалась почти безумная храбрость, чтобы написать такое стихотворение и прочесть его друзьям. Неудивительно, что в феврале 1934 года он говорил Ахматовой, что готов к смерти.

Ахматова еще немного побывала с Надеждой, а потом бросилась к Пастернаку, который был близок к Бухарину, занимавшему тогда пост главного редактора «Известий». Затем Ахматова направилась в Кремль, чтобы встретиться со старым товарищем Сталина, Авелем Енукидзе. Неясно, имели ли все эти шаги какие-то последствия. Как раз в то время Сталин неожиданно позвонил Пастернаку и спросил его мнение о стихах Мандельштама. Когда Пастернак слегка замялся, пытаясь понять, какой ответ будет наиболее полезен для Осипа Эмильевича, Сталин заявил, что за друзей нужно заступаться увереннее. Когда Пастернак сказал, что ему хотелось бы поговорить со Сталиным на другие темы — о жизни и смерти, Сталин повесил трубку. Пастернак попытался вновь набрать номер, но трубку так и не взяли. Существует много рассказов об этом звонке, но Пастернак уверяет, что

успел только назвать Мандельштама настоящим «мастером».

Мандельштам никогда не записывал опасного стихотворения на бумаге. Впрочем, когда он оказался на Лубянке, это ему не помогло. Сохранить достоинство и разум в тюрьме было почти невозможно. Находясь в камере, Мандельштам часто слышал женский голос. Ему казалось, что это голос Надежды. Когда жене позволили первое свидание, он был почти безумен.

За помощью Ахматова обратилась и к писательнице Лидии Сейфуллиной, у которой были связи в НКВД. Сейфуллина прекрасно понимала положение самой Ахматовой и посоветовала ей не вмешиваться в это дело. Когда Надежде Яковлевне позволили свидание с мужем, Мандельштам сообщил ей, что у следователя есть текст его стихотворения, первой его версии, где в четвертой строке говорилось об убийствах крестьян.

Судя по описаниям допросов Мандельштама (9), он откровенно прочел свое стихотворение о Сталине своим мучителям и признал свое авторство. С некоторым пафосом он добавил: «Я не записывал его, но читал моей жене, моему брату, писательнице Анне Ахматовой и ее сыну, Льву Гумилеву». Мандельштам перечислил всех, кто слышал «Волка». В этот список вошли также Пастернак и Эмма Герштейн. Эмма Герштейн знала четырнадцать человек, слышавших стихотворение. Один из них, по-видимому, и сообщил обо всем в органы. Надежда Мандельштам пишет о том, что у следователя был текст стихотворения, написанный рукой Марии Петровых, которую считали связанной с НКВД. Но Ахматова утверждала, что это совершенно не так. Она сохраняла самые теплые отношения с Петровых в течение тридцати лет.

В любом случае, приговор Мандельштаму был куда мягче, чем мог бы быть. Его на три года сослали в маленький уральский городок Чердынь на реке Каме. Надежде Яковлевне позволили сопровождать мужа в ссылке. Ахматова уехала в Ленинград, так и не повидав Мандельштама. Психическое здоровье Мандельштама пошатнулось. Он был убежден в том, что его убьют, несмотря на кажущееся освобождение. Он считал, что Ахматова была арестована и подвергнута допросу. В чердынской больнице он сломал руку, пытаясь выпрыгнуть из окна. С помощью Бухарина Мандельштаму заменили место ссылки. Он мог поселиться в любом месте, за исключением двенадцати самых крупных городов. Мандельштамы выбрали Воронеж.

Арест Мандельштама напугал московские литературные круги. Услышав о приговоре, жена Булгакова разрыдалась. Примерно в то же время Эмма Герштейн вновь встретилась со Львом. Он возвращался из экспедиции на Дон и на день остановился в Москве. Эмма запомнила какой-то нелепый пиджак и брюки с огромными заплатами на коленях. Лев отрастил тонкие татарские усики. Он стал совсем другим. Лев рассказал Эмме о разговорах в доме Пунина, которые могли быть услышаны и ложно истолкованы (это вполне согласуется с тем, о чем пишет Анна Каминская). Об этих разговорах стало известно властям. Летом допрашивали и арестовали одного из друзей Льва. Лев с Эммой отправились на службу в церковь, а потом вернулись домой. Лев заявил: «Когда я приеду в Ленинград, они меня арестуют». На этот раз его предсказание не сбылось.

Ссылки и аресты были ужасны, но настоящий террор начался лишь после убийства Сергея Кирова. 29 ноября 1934 года жена Булгакова, Сталин и Сер-

гей Киров посетили Московский Художественный театр. Ничто не предвещало беды. Киров был веселым, обаятельным мужчиной. Его очень любили женщины. Он обожал ходить в походы, занимался альпинизмом. Киров был большим любителем оперы и балета, а на досуге исполнял оперные арии. Всем казалось, что он был фаворитом Сталина. Сталин даже надписал ему книгу: «Моему другу и любимому брату». Впрочем, Кирова должно было встревожить то, что его авторитет в партии рос на глазах. На съезде партии он получил голосов больше, чем сам Сталин.

Спустя два дня Киров был застрелен в Ленинграде Леонидом Николаевым. Николаев пытался застрелиться, но ему помешали. Ходили слухи о том, что Сталин сам организовал это убийство. Такой точки зрения придерживались и Хрущев, и Микоян. (10) Так или иначе, но убийство Кирова дало Сталину отличный повод для развязывания террора.

Мстительность Сталина превзошла все ожидания. Он издал закон, по которому суд над террористами должен был проходить в течение десяти дней после ареста. Смертные же приговоры приводились в исполнение немедленно. В декабре 1934 года были расстреляны 6501 человек, в том числе и невинные родственники арестованных. В середине января 1935 года один из замученных узников назвал имена старых большевиков Зиновьева и Каменева. Сначала Каменев отказывался признавать свою вину, но запугивание и лишение сна сыграли свою роль. Ежов угрожал Каменеву расстрелом сына. На суде Каменев вел себя с достоинством, но все же и он, и Зиновьев признали свою вину в обмен на обещание безопасности для себя и своих родных. Зиновьева приговорили к десяти годам заключения, Каменева — к пяти. Их продолжали допрашивать, и в тюрьмы попадали все но-

вые люди. Сталин не щадил даже самых близких. Его собственный телохранитель погиб в автокатастрофе при весьма подозрительных обстоятельствах. Скоро арестованных стало так много, что тюрьмы и лагеря не справлялись с наплывом заключенных.

Все были напуганы. Летом 1935 года Ахматова встретила Пастернака, вернувшегося с Международного конгресса писателей, проходившего в Париже. Обоим поэтам было трудно писать. Пастернак доверил Ахматовой свои проблемы. Та и сама была в сложном положении. Ей казалось, что муза оставила ее. Нине Ольшевской Ахматова признавалась, что уже написала все, что могла. Стихи больше не приходили к ней.

В такой обстановке осенью 1935 года арестовали Льва. Вместе с ним арестовали Пунина. Ситуация складывалась для обоих очень серьезно. Льва забрали вместе с несколькими студентами исторического факультета. Всех объявили виновными в принадлежности к антисоветской организации. «Все мы оказались в Большом доме, в новом здании областного управления НКВД на Литейном». (11) Ахматова и жена Пунина немедленно принялись сжигать все документы, которые могли бы каким-либо образом скомпрометировать Николая Николаевича.

Анна Каминская называет иные причины ареста Пунина и Гумилева. За обедом в мае 1935 года Пунин сделал фотографию с помощью необычной химической вспышки. А потом сказал удивленным гостям, что с помощью такой камеры можно было бы убить Кирова и даже Сталина. Разумеется, он имел в виду, что звук сработавшей вспышки заглушил бы звук выстрела. Но об этом замечании стало известно в НКВД. По мнению Каминской, об этом сообщил друг Льва по имени Аркадий. (12) Этот человек часто бывал в

доме, помогал чинить мебель и выполнял разные мелкие поручения по хозяйству. Он частенько обедал с семьей. Непонятно, какие причины заставили его пойти на предательство, но тому может быть множество объяснений: страх, жадность, желание защитить собственную семью. В те времена говорили, что когда собирается десять человек, один из них обязательно стукач. Шутка Пунина была более чем легкомысленной.

Через несколько дней после ареста Льва и Пунина Эмма Герштейн обнаружила Ахматову у дверей своей квартиры со стареньким, выдавшим виды чемоданчиком. Она провела в передней несколько часов. Эмма провела Анну Андреевну в квартиру и оставила на ночь. Эмма заметила, что глаза у Ахматовой запали, а у переносицы образовались треугольники, которые так никогда и не прошли. После ареста Льва Ахматова стала напоминать Эмме подстреленную птицу. Люди, узнававшие ее на улице, с ужасом и жалостью замечали произошедшую с ней перемену.

Ахматовой пытались помочь, в том числе Булгаковы и писательница Лидия Сейфуллина, имевшая связи и в руководстве коммунистической партии, и в НКВД. Ахматова хотела сразу же броситься к Сейфуллиной, но забыла адрес. Эмма Герштейн выяснила, что Сейфуллина жила в писательском доме в Камергерском переулке. Ахматова никак не могла перейти улицу, чтобы сесть в такси. Она, казалось, обезумела, что-то несвязно бормотала, вскрикивала. Много лет спустя Ахматова прочла Эмме новое стихотворение. Строки показались Эмме знакомыми. Ахматова сказала, что сочиняла его в том такси.

Сейфуллина посоветовала Ахматовой написать самому Сталину и заверила, что Александр Поскребышев, секретарь Сталина, обязательно передаст пись-

мо. На следующий день Борис Пильняк отвез Ахматову в Кремль, чтобы передать письмо. Ахматова сумела даже в этот момент сохранить достоинство и гордость. Вот что она написала:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Зная Ваше внимательное отношение к культурным силам страны и в частности к писателям, я решаюсь обратиться к Вам с этим письмом. 23 октября в Ленинграде арестованы Н.К.В.Д. мой муж Николай Николаевич (профессор Академии художеств) и мой сын Лев Николаевич Гумилев (студент ЛГУ).

Иосиф Виссарионович, я не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они не фашисты, не шпионы, не участники контрреволюционных обществ.

Я живу в С.С.Р. с начала Революции, я никогда не хотела покинуть страну, с которой связана разумом и сердцем. Несмотря на то, что стихи мои не печатаются и отзывы критики доставляют мне много горьких минут, я не падала духом; в очень тяжелых моральных и материальных условиях я продолжала работать и уже напечатала одну работу о Пушкине, вторая печатается.

В Ленинграде я живу очень уединенно и часто подолгу болею. Арест двух единственно близких мне людей наносит мне такой удар, который я уже не могу пережить.

Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, вернуть мне мужа и сына, уверенная, что об этом никогда никто не пожалеет». (13)

Письмо подписано: «Анна Ахматова, 1-е ноября 1935». Пастернак в тот же день обратился к Сталину с собственным письмом:

«Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища. (14) Помимо той ценности, какую имеет жизнь Ахматовой для нас и нашей культуры, она мне еще дорога и как моя собственная по всему тому, что я о ней знаю. С начала моей литературной судьбы я свидетель ее честного, трудного и безропотного существования.

Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, помочь Ахматовой и освободить ее мужа и сына, отношение к которым Ахматовой является для меня категорическим залогом их честности». (15)

Письма принесли результаты. Свидетельством тому может служить собственноручная резолюция Сталина на обращении Ахматовой. Она гласит: «т. Ягода. Освободить из-под ареста и Пунина и Гумилева и сообщить об исполнении. И. Сталин». (16)

Борис Пастернак говорил Ахматовой, что никогда не писал подобных писем. Она понимала, что ради нее он пошел на большой риск. В тот день Ахматова была у Пастернаков. Они предложили ей остаться переночевать. На следующее утро пришла телеграмма о том, что Пунин и Лев освобождены. Пунин был настолько поражен своим освобождением, что, когда его разбудили ночью и сообщили об этом, спросил, нельзя ли остаться в тюрьме до утра, когда начнут ходить трамваи. Хотя отношения Ахматовой с Пуниным изменились, известие о его освобождении ее очень обрадовало.

Лев сразу понял, что его освободили только благодаря вмешательству матери и ее знакомствам в литературных кругах. Но все же он считал, что его и других студентов освободили потому, что «был освобожден главный организатор «преступной группы» — Николай Николаевич Пунин». Все были освобожде-

ны в ноябре 1935 года. Льва очень раздражало то, что после освобождения Пунин оказался в более комфортном положении. Сергею Лаврову Гумилев говорил о том, что он страдал более других. Его исключили из университета, всю зиму он едва сводил концы с концами, даже голодал, потому что Пунин забрал все продуктовые карточки Ахматовой и запрещал ей приглашать сына к обеду, твердя, что ему «не прокормить весь город». Лев оставался для Пунина абсолютно чужим и неприятным человеком. (17)

Как замечает Сергей Лавров, Льва очень обижало то, что не он занимал первое место в душе матери. Конечно, эта обида сформировалась еще в детстве, но и Эмма Герштейн подтверждает то, что основания обижаться у Льва были. Она вспоминает, как ей позвонила Анна Ахматова: «Эмма, он дома!» Я с ужасом: «Кто он?» — «Николаша, конечно». Я робко: «А Лева?» — «Лева тоже». (18) Вряд ли столь уважительно относившаяся к Ахматовой Герштейн стала бы наговаривать на нее лишнее. Лавров с ужасом приводит лаконичные слова Льва: «Пунин вернулся на работу, а меня выдворили из университета. В ту зиму я страшно голодал».

Лев не преувеличивал. После освобождения он переселился из Фонтанного дома к своему другу Акселю, но обедать приходил к матери. У него не было постоянной работы. Он вечно был голоден. Друзья по университету вспоминают о тех унижениях, которые ему пришлось перенести. Лев вспоминал, что, когда у Ахматовой были гости, она говорила им, что ему нужно уходить, и чаще всего в таких ситуациях его на кухне подкармливала жена Пунина, Анна Аренс. Трудно поверить в подобное, поскольку раньше Ахматова спокойно раздавала пищу посторонним людям в самые голодные времена. Возможно, присутст-

вие Льва просто затрудняло обычное человеческое общение. Эмма Герштейн вспоминает, что Лев часто находился в состоянии, близком к каталепсии. Поведение Пунина тоже изменилось: «Он часто сиживал за столом в красном халате и раскладывал пасьянс. А то запирался в кабинете, выходил проглотить стакан чая, приговаривал: «Как хорошо мне пишется, уже целый лист накатал». (19)

Когда на стол подавали блюдо с нарезанным ломтиками мясом, Пунин громко сообщал всем, чтобы не брали слишком много. Разговоры за столом затихали. Эмма Герштейн вспоминает, как однажды, когда она обедала с Пуниным, Анной Аренс, Ахматовой и Львом, зашел разговор о «бездельниках». «Анна Евгеньевна вдруг изрекла: «Не знаю, кто здесь дармоеды». Лева и Анна Андреевна сразу выпрямились. Несколько минут я не видела ничего, кроме этих двух гордых и обиженных фигур, как будто связанных невидимой нитью». (20)

После того как Льва выпустили, Эмма попросила Ахматову передать ему письмо, но Ахматова отказалась. Она боялась писем. Существовал риск, что их могут обнаружить при обыске в поезде. Тогда Герштейн попросила передать Льву ее совет на словах: он должен использовать время для получения диплома экстерном. Ахматова была тронута этой заботой. Перед отъездом она нежно поцеловала Эмму. Тем не менее, описывая эту историю в собственных мемуарах, Герштейн не может отделаться от чувства горечи. Она нашла способ отправить письмо через художника Александра Осмеркина, который сумел привезти ей ответ от Льва. В письме он описывал все свои злоключения в Ленинградском университете. Письмо заканчивалось словами: «Единственный выход —

переехать в Москву. Только при Вашей поддержке я смогу жить и хоть немножко работать». (20*)

Судя по всему, от Эммы Лев зависел в то время еще сильнее, чем от матери. К сожалению, в 1938 году Герштейн была вынуждена сжечь письмо, опасаясь, что оно может повредить Льву. У нас нет документов, подтверждающих эту историю. В самом конце 1936 года Ахматова проездом к Мандельштамам в Воронеж оказалась в Москве. Эмма показала ей письмо Льва. «Дочитав до конца, она произнесла железным голосом: «Лева может жить только при мне». (20**) Герштейн пишет, что с тех пор Ахматова более не пускала Льва в Москву.

В отношениях с мужчинами Ахматова никогда не была собственницей, но отношения с сыном играли в ее жизни значительно более важную роль. Естественно, что в преданности Герштейн она чувствовала угрозу. По крайней мере, Эмма всегда так считала. Весной Ахматова уехала в Старки, имение Василия Шервинского. Вернулась она только в июле. Герштейн пишет, что Ахматова встретила ее «по-женски, как победившая соперница. «Лева так хотел меня видеть, что по дороге в экспедицию приехал из Москвы ко мне в Старки», — объявила она». (21) Поскольку Герштейн не подозревала, что Лев проезжал через Москву, ей было очень больно узнать, что он не попытался ей даже позвонить. Эта история рассказана в воспоминаниях Герштейн в разделе «Лишняя любовь». Книга Эммы Герштейн была опубликована только в 1998 году и произвела в Москве настоящую сенсацию. Анатолий Найман говорил, что не представляет себе, как интеллигентная женщина могла написать подобное об Ахматовой. (22)

В 1936 году были арестованы так называемые троцкисты, то есть последователи Льва Троцкого.

Многие были расстреляны. Наиболее же видных троцкистов использовали для показательных политических процессов. Сталин приказал любыми средствами добиться признательных показаний. Максим Горький был болен и подавлен тем, что происходило в стране. (НКВД печатало фальшивые выпуски «Правды» специально для Горького, чтобы он не узнал о казни своего друга Каменева.) (23)

Горький умер 18 июня. В феврале при загадочных обстоятельствах умерла Александра Канель, ближайшая подруга отца Эммы Герштейн. Она лечила многих руководителей коммунистической партии, в том числе и Молотова. В 1932 году ее вызвали зафиксировать смерть жены Сталина, Надежды Аллилуевой. Она отказалась подписать свидетельство, в котором причиной смерти назывался аппендицит. В 1935 году ее уволили. Смерть Александры Канель в 1936 году показалась Эмме Герштейн подозрительной.

В 1936 году Ахматова отправилась к Мандельштамам в Воронеж. Ее не испугала даже мучительная 36-часовая дорога. Брат Осипа, Евгений, встретивший Ахматову в поезде, не подумал заказать для нее постель. Когда же он извинился, Ахматова ответила с царственным величием: «Это неважно». С поезда она сошла постаревшей и измученной, но стоило ей оказаться у Мандельштамов, как в обществе друзей к ней вернулась прежняя красота.

В 1936 году Виктор Ардов, знавший, что Льву не позволено учиться в Ленинградском университете, предложил ему поступить на первый курс в университет московский. Льву было уже двадцать четыре года, и он отверг это предложение. Видя его боль, Эмма Герштейн нашла отличный способ помочь ему. Она убедила его в том, что он станет историком, признает это Ленинград или нет. Лев не раз говорил Эм-

ме о том, что она — единственная женщина, которую он любил. Но уже на следующее утро он плакал, жаловался и говорил только о матери.

Ардов «пробил» для Льва комнату в Москве. Эмма считала, что он обязательно должен учиться в Московском университете, даже если ему не хочется поступать на первый курс. Она была рада тому, что им удастся теперь быть вместе. Лев вернулся в Ленинград, как полагала Эмма, для того, чтобы собрать вещи. К ее глубокому разочарованию, Лев не вернулся. Весь ноябрь и декабрь она ничего о нем не знала. Ахматова не сообщала о новом аресте, поэтому Эмма решила, что Лев просто передумал и решил бросить ее.

Жизнь Ахматовой тоже складывалась непросто. 31 декабря 1936 года она писала Эмме Герштейн: «Меня сняли с пенсии, что, как Вы можете себе представить, сильно осложняет мое существование. Надо бы в Москву, да сил нет». (24) Пенсия для Ахматовой была единственным источником средств к существованию¹, и теперь она полностью зависела от Пунина.

Во многих стихах, написанных в 1936 году, Ахматова пишет о своем одиночестве, еще более усугубившемся после разрыва отношений с Пуниным. У Николая Николаевича появилась новая любовница, Марта Голубева, искусствовед, написавшая вместе с ним ряд статей. Марта жила в доме отца на Фонтанке. Она не стремилась войти в дом Пуниных, хотя оставалась ближайшей подругой Пунина до конца его жизни. Поскольку дневников Пунина 1935—1936 годов не сохранилось, мы можем только догадываться о природе его чувств. Ахматова отошла в сторону гордо, но чувствовала себя несчастной:

¹ Денег хватало только на папиросы.

От тебя я сердце скрыла,
 Словно бросила в Неву...
 Прирученной и бескрылой
 Я в дому твоём живу.
 Только... ночью слышу скрипы.
 Что там — в сумраках чужих?
 Шереметевские липы...
 Переключка домовых...
 Осторожно подступает,
 Как журчание воды,
 К уху жарко приникает
 Черный шепоток беды —
 И бормочет, словно дело
 Ей всю ночь возиться тут:
 «Ты уюта захотела,
 Знаешь, где он — твой уют?» (25)

Если истолковать последние строки как то, что уют можно обрести только в смерти, нужно сказать, что Ахматова категорически отрицала саму возможность самоубийства и не изменила своего мнения даже перед лицом невыносимых катастроф. Она стала чаще наезжать в Москву, где ее принимали Ардовы.

Пунин не мог освободиться от чувства к Ахматовой. 30 июля 1936 года он записал в дневнике: «Ан. победила в этом пятнадцатилетнем бою». (26) Его глубоко обидело стихотворение Ахматовой «Последний тост»:

Я пью за разоренный дом,
 За злую жизнь мою,
 За одиночество вдвоем
 И за тебя я пью, —
 За ложь меня предавших уст,
 За мертвый холод глаз,
 За то, что мир жесток и пуст,
 За то, что Бог не спас. (27)

Он слал телеграммы (и деньги) в Москву, писал, что любит ее. Ахматова не ответила. 1 августа он сам бросился в Москву и с радостью обнаружил, что Анна рада его видеть, а телеграмму и деньги просто не

получила. Они провели несколько дней вместе, но счастья это не принесло. В том же месяце Ахматова написала стихотворение о Данте, изгнанном Флоренцией. Вдали от любимого Петербурга она чувствовала себя изгнанницей.

Иллюзорная надежда все еще тлела. В январе 1937 года по настоянию Пунина Льва восстановили в Ленинградском университете и позволили учиться на третьем курсе. Он по-прежнему жил с Акселем. На стене своей комнаты Лев повесил портрет Николая Гумилева. Чистота постельного белья была сомнительна, и чаще всего Лев спал на полу, на медвежьей шкуре.

Иногда он уезжал в деревню со своим сводным братом Орестом, о чьем существовании ни он сам, ни Ахматова долгое время не знали. Орест был сыном актрисы театра Мейерхольда Ольги Высотской и Гумилева. Он родился в 1913 году. Лев был очень рад появлению нового родственника. Да и Ахматова признала в Оресте сына Гумилева. «У него руки, как у Коли», — утверждала она. (28)

Лев также продолжал приезжать в Москву, к Ардовым. В 1936 году семья Ардовых поселилась на Ордынке — их адрес упоминается во всех воспоминаниях об этом периоде жизни Ахматовой. Ардов мог даже приглашать Льва в «Метрополь» и ездить с ним на такси. Лев говорил Эмме: «Я здесь для вас, но я не могу устоять перед красивой жизнью». (28*)

В мае 1937 года Мандельштаму позволили вернуться из Воронежа. Ахматова встретила с ним осенью, когда Осип и Надежда на два дня приехали в Ленинград и им негде было остановиться. «Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ними, не помню, куда. Все было, как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, ска-

зал: у отца Осипа Эмильевича (у «деда») нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу». (29)

К этому времени изоляция Ахматовой от литературного сообщества стала полной и окончательной. Ее даже не пригласили на торжества, посвященные столетию со дня гибели Пушкина. Этот вечер она провела в печальном одиночестве. В 1937 году она на короткое время легла в Обуховскую больницу для обследования. Лев пытался ухаживать за ней, но был слишком нервным и возбужденным. Одиночество Ахматовой только усугубилось.

Точка зрения Льва резко отличалась от мыслей его матери. Ахматова всегда была близка с евреями. Многие мужчины, которых она любила (Модильяни, Лурье, а позднее Исая Берлин), были евреями. Лев же придерживался реакционных, почти черносотенных взглядов. О его антисемитизме пишут многие. Он считал, что счастливым государством может быть только националистическая Россия. Лев говорил еврейке Эмме Герштейн: «Как глупо делают люди, которые рожают детей от смешанных браков. Через каких-нибудь восемь лет, когда в России будет фашизм, детей от евреев нигде не будут принимать, в общество не будут пускать, как метисов или мулатов». (30) Хотя множество евреев пострадало в чистках 1937 года, антисемитизм еще не стал государственной политикой, а в домашней обстановке даже осуждался. Мне много раз объясняли причины нелюбви Льва Гумилева к евреям. Кто-то приписывал его отношение тому, что в тюрьмах и лагерях ему не раз приходилось сталкиваться со следователями-евреями, отличавшимися особой жестокостью. Но я убеждена, что его взгляды сформировались задолго до заключения.

Советских людей учили тому, что враги, поддерживаемые силами извне, проникли во все слои общества. Когда людей допрашивали об их соседях, они охотно давали показания, не опасаясь за собственную судьбу. Во времена Ежова были проведены показательные процессы и казни многих представителей интеллигенции. 1937 год вошел в русскую историю под названием «ежовщины». В тюрьмах оказались миллионы людей, убежденных в том, что происходит какая-то жестокая ошибка. пытки стали нормой, выбить из арестанта любое признание не представляло труда. Те, кто остался на свободе, могли тешить себя мыслью о том, что они-то вне опасности, но в словах и поступках все проявляли невероятную осторожность.

Первый показательный процесс начался 19 августа 1936 года. Газета «Правда» и популярный поэт Демьян Бедный громогласно призывали казнить врагов Советского государства. Представители интеллигенции не смели возражать. Эйзенштейн в то время находился в Голливуде. Его вызвали в Россию работать над «Бежиным лугом». По приезду ему приказали вырезать из фильма «Октябрь» ряд сцен. Фигура Троцкого должна была быть изъята из русской истории.

Ко 2 июля 1937 года потенциальных преступников перестали выявлять по именам и конкретным преступлениям. Местным партийным органам спускалась разрядка: столько-то врагов народа первой категории должно быть расстреляно, столько-то относящихся ко второй категории следовало депортировать. Сталин продолжал настаивать на том, чтобы все заключенные перед смертью подписывали признание в своих преступлениях, вырванные пытками или угрозами для жизни их родных и близких.

Арестованный Бухарин из тюрьмы написал Сталину письмо, в котором предполагал, что у вождя есть «какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки». Очень скоро он сам стал жертвой монстра, которого породил. Большинство людей пыталось убедить себя, что в арестах и казнях есть какой-то особый смысл. Это помогало верить в то, что невиновные находятся в безопасности. Ахматовой же было ясно, что аресты не вызваны никакими явными причинами. Она часто повторяла, что «люди должны понимать, что их могут арестовать ни за что».

По иронии судьбы именно в 1937 году Льва восстановили на историческом факультете Ленинградского университета и позволили сдать экзамены. Лев полагал, что это чудо произошло благодаря личной храбрости ректора, профессора Михаила Семеновича Лазуркина. К несчастью, в том же году Лазуркин вместе с женой был арестован и расстрелян. Его тело выбросили из окна, чтобы инсценировать самоубийство. В 1938 году, когда Лев учился на четвертом курсе университета, его арестовали в третий раз. Возможно, поводом послужили его собственные действия.

Лев присутствовал на лекции, которую читал профессор Пумпянский. Темой лекции была русская литература XX века. Вот что вспоминает Лев Николаевич: «...Лектор стал потешаться над стихами и личностью моего отца. «Поэт писал про Абиссинию, — восклицал он, — а сам не был дальше Алжира... Вот он — пример нашего отечественного Тартарена!» Не выдержав, я крикнул профессору с места: «Нет, он был не в Алжире, а в Абиссинии!» Пумпянский снисходительно парировал мою реплику: «Кому лучше знать — вам или мне?» Я ответил: «Конечно, мне». (31) Такие слова в тогдашней обстановке не могли пройти даром, особенно для сына казненного контр-

революционера. После лекции профессор сообщил о поведении Льва новому декану, который, судя по всему, дал делу ход.

Льва арестовали 10 марта 1938 года. Орест ночевал на Садовой, и именно он сообщил об этом Ахматовой. Льва поместили в тюрьму Кресты, ставшую частью ленинградского фольклора. Лев вспоминает, что следователь кричал на него и всячески запугивал: «По мере чтения доноса следователь Бархударян все больше распалялся. В конце он уже не говорил, а матерясь, кричал на меня: «Ты любишь отца, гад! Встань... к стене!..» Да, в этот арест все было уже по-другому. Тут уже начались пытки: старались выбить у человека признание и подписать заранее заготовленный следователем обвинительный приговор. Так как я ни в чем не хотел признаваться, то избивание продолжалось в течение восьми ночей». (32)

Гумилев был не единственным арестованным студентом. Вместе с ним арестовали еще двоих. Всех обвинили в антиправительственном заговоре и попытке убийства видных деятелей партии. Судил студентов военный трибунал, так называемая «тройка». Суд длился меньше часа. Все были признаны виновными. Льва приговорили к десяти годам лагерей и четырем годам поражения в правах. Вся его собственность подлежала конфискации, но поскольку у него практически ничего не было, то на это никто не обратил внимания. Приговор был объявлен в октябре. Ахматовой позволили свидание с сыном. Эмма Герштейн вспоминает, что Лев старался никак не встревожить мать. Он одолжил у другого заключенного шарф, чтобы скрыть под ним синяки. Лев сказал, что ему вынесли такой же приговор, что и Радеку, ярому стороннику Троцкого. Ахматова вспомнила, что Радек,

которого приговорили к десяти годам лагерей, через два года умер в тюрьме. Ходили слухи, что в Москве приговор Льву признали слишком мягким и что он будет расстрелян.

Ахматова отправилась в Москву и заболела. Несмотря на болезнь, она вернулась в Ленинград в надежде на свидание с сыном или хотя бы разрешение на продуктовую передачу. Ей сообщили, что его уже выслали на Беломоро-Балтийский канал. Охрана все же приняла передачу, где находились и 200 рублей, с огромным трудом собранные Эммой Герштейн.

Ахматова продолжала ездить в Москву, надеясь найти кого-нибудь, кто мог бы вмешаться в дело ее сына. Она попросила Эмму сжечь все письма Льва, боясь, что их могут использовать против нее. Ахматова сама бросала письма в печку. Герштейн отлично понимала, что ее сентиментальность может быть чрезвычайно опасна для Льва. Но все же вся процедура напомнила ей настоящее аутодафе.

Говоря в последние месяцы 1937 года о Пунине, Ахматова заметила Герштейн: «...которому я так надоела» — и провела рукой у горла». (33) Осенью 1937 года у Ахматовой начался новый роман — с врачом Владимиром Гаршиным. С ним она познакомилась в Куйбышевской больнице, где проходила курс лечения по поводу заболевания щитовидной железы у доктора В. Г. Баранова. Гаршин несколько раз навещал Ахматову в больнице, но это была не первая их встреча. Они познакомились в доме историка литературы Михаила Энгельгардта. Когда Ахматова смогла вернуться в Фонтанный дом, их дружба еще более окрепла. В университете начали ходить слухи о романе Гаршина с Ахматовой. (34)

Гаршин выделялся среди профессоров своего фа-

культета не только исключительной интеллигентностью, но еще и поразительным личным обаянием. (35) У него были темно-каштановые волосы, его находили очень красивым. Он обладал уникальной манерой разговора — искренней, без лишней аффектации. Поражал его необычно глубокий голос. В него многие влюблялись. (36)

Жизнь Гаршина складывалась непросто. В годы Гражданской войны он служил офицером в Белой армии, хотя его брат предпочел эмиграцию. Отец Владимира покончил жизнь самоубийством, да и самого его однажды приговорили к смерти. (37) Личная жизнь Гаршина тоже была очень сложной. Его семья ютилась в трех маленьких комнатках в коммунальной квартире на южном берегу Фонтанки. Здесь жили он сам, его жена Татьяна Владимировна, двое их сыновей, Юрий и Алексей, его сестра Юлия Георгиевна и ее дочь. Юлия была психически больна. В 1936 году Юрий женился и привел в квартиру свою жену. У младшего сына, Алексея, которого Гаршин нежно любил, были серьезные проблемы с речью. Он постоянно рисовал корабли и лодки, и отец гордился его художественными талантами. Но его подруга, И. Д. Хлопина (38), жившая неподалеку, вспоминала и его гордость, и свою печаль, потому что рисунки были не слишком хороши.

Татьяна Владимировна не работала. Хотя Гаршин получал профессорское жалованье, денег постоянно не хватало. Гаршин был страстным нумизматом и тратил на свое хобби больше, чем мог себе позволить. С Юрием отношения складывались непросто. Сын не одобрял увлечения отца Ахматовой и после очередной ссоры просто ушел из дома.

Гаршин обычно навещал Хлопиных без жены и

лишь однажды пригласил их к себе. Карты его не интересовали, в театрах и на концертах он бывал редко. Лидия Чуковская пишет о том, что он говорил раздраженным, а порой детски-капризным тоном, но она всегда восхищалась его необыкновенной чуткостью и говорила, что он был очень привлекательным мужчиной.

1938 год стал очень тяжелым. Ахматова продолжала навещать Мандельштамов, пока они не вняли совету Исаака Бабеля (судьба которого тоже сложилась трагически) и не переехали в Тверь, крупный промышленный город, где можно было получить разрешение на работу. Получив путевки в дом рабочих, Мандельштамы смогли вздохнуть с некоторым облегчением. Здесь о них было кому позаботиться. В мае 1938 года они слышали шум первомайских торжеств, не присоединяясь к празднику. На следующее утро Мандельштама арестовали. Больной Осип Эмильевич, за которого некому было заступиться, исчез на бескрайних просторах ГУЛАГа.

Ахматова жила с Пуниным до сентября 1938 года. В сентябре она пришла к Анне Аренс и заявила, что им нужно просто поменяться комнатами. Анна Евгеньевна, все еще глубоко любившая мужа, согласилась. Пунин присутствовал при этом разговоре. Ахматова вспоминала: «Мы сейчас же начали перетаскивать вещички. Николай Николаевич молчал, потом, когда мы с ним оказались на минуту одни, произнес: «Вы бы еще хоть годик со мной побыли». (39) Анна Андреевна сама удивлялась тому, что так долго прожила с ним. Только после разрыва она поняла, что была слишком подавлена, чтобы расстаться прежде.

Анна Каминская совершенно иначе описывала мне разрыв между Ахматовой и Пуниным. Каминская утверждает, что отношения подошли к концу в

1938 году, когда Ирина обнаружила, что беременна. Тогда, по словам Каминской, Пунин попросил Ахматову перебраться из их общей комнаты в «мемориальную комнату». (40)

Ахматова говорила Чуковской о том, что эти годы сломили ее дух, и добавила: «Вот такова моя жизнь, моя биография. Кто же отказывается от собственной жизни?» (41)

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.

Ахматова

В ноябре 1938 года Лидия Чуковская навестила Ахматову в запущенной квартире Пуниных. В эти годы она стала одной из самых верных подруг поэтессы. Благодаря ей мы знаем, как Ахматова боролась за своего сына. Чуковская отличалась редкостной объективностью и тонким литературным чутьем. Ее человеческая теплота, эмоциональная сила и редакторский талант стали для Ахматовой настоящим подарком судьбы.

В те годы, когда Чуковская впервые переступила порог квартиры Пуниных, она была молодой, красивой женщиной. Ей был всего тридцать один год. По длинному коридору, со стен которого свисали клочья обоев, через кухню, завешанную мокрым бельем, ее провели в комнату, где после разрыва с Пуниным поселилась Ахматова. В комнате царил настоящий хаос. Возле печи стояло кресло с торчащими пружинами. Относительно уверенно сидеть можно было только на стуле с недостающей ножкой, но опиравшемся на небольшой сундук. Чуковская вспоминает: «Красивые вещи — резной стул, зеркало в гладкой бронзовой раме, лубки на стенах — не красят, наоборот, еще более подчеркивают убожество». (1*) Ахматова всегда была очень равнодушна к вещам. Она часто ела с тарелок с красивыми рисунками в стиле

Давида, которые другие люди хранили бы в шкафу как великую ценность. К числу ахматовских сокровищ относились расписные пасхальные яйца. Одно из них подарил ей сын. Нижний ящик шкафа не закрывался — Ахматова собирала в него продукты для отправки Льву. На полу стояла еще одна сумка с провизией. Эмма Герштейн принесла немного консервов. Пол был давно не метен. На Ахматовой был черный шелковый халат, разорванный по шву от подмышки до колена. Впрочем, этот факт ее нимало не беспокоил. Ахматова любила сидеть в большом кресле, поджав под себя ноги.

Чуковская могла только предполагать, насколько сложной была жизнь в этом доме. Пунин, как мы уже знаем, переехал в комнату своей жены, когда его дочь Ирина забеременела. В 1939 году у Ирины родилась дочь Анна. Тем не менее Пунин не прерывал отношений с Мартой Голубевой. Мы не знаем, какие чувства он испытывал к Голубевой и к своей жене, поскольку с 1935 по 1941 год Пунин не вел дневника. Судя по первым записям 1941 года, он сделал это совершенно сознательно.

Новый поклонник Ахматовой, патологоанатом Военно-медицинской академии Владимир Гаршин, приносил ей цветы, чай и всячески старался ей помочь. Возможно, она любила его, хотя и не так, как Пунина. Гаршин был искренне предан Ахматовой, хотя и не мог оставить семью. В своем одиночестве Ахматова приникла к нему, как и к Чуковской. Владимир Георгиевич трогательно заботился о благополучии Ахматовой. В декабре 1939 года, когда он услышал, что она возвращается из Москвы, где хлопотала за Льва, он пришел к ней домой, растопил печь и прибрался. К сожалению, он не мог встретить поезд,

потому что утром должен был быть на работе. Вместо него на вокзал отправилась Чуковская.

Чуковская заметила, что благополучие Ахматовой Пунина абсолютно не интересует. Она пишет о том, что, когда у Пуниных были гости, они часто включали граммофон очень громко, и в маленькой комнате Ахматовой стоял страшный шум. Пунина не беспокоило то, что Ахматовой нужно было отдыхать. Находил он и другие способы досадить Анне Андреевне. Как-то раз Пунин занял весь сарай своими личными дровами, и Ахматовой некуда было сложить дрова, выделенные ей. Иногда Николай Николаевич или Анна Евгеньевна брали чайник Ахматовой и оставляли его в своих комнатах, так что Ахматовой не в чем было вскипятить воду. Пунин практически не интересовался здоровьем Ахматовой, хотя у Анны Андреевны болело сердце, обострился туберкулез да еще появилась болезнь Меньера. Ее стали мучить головокружения, ей было тяжело сохранять равновесие. Стоило Ахматовой повернуть голову, как она испытывала приступы тошноты.

В первый раз Чуковская пришла к Ахматовой по делу. До нее дошли слухи о том, что письмо Ахматовой помогло освободить Льва и Пунина в 1935 году. Хотя Лидия Корнеевна знала, что Лев снова в тюрьме, она решила посоветоваться, какие действия можно было бы предпринять в подобной ситуации. Ее муж, Матвей Бронштейн, был приговорен к десяти годам заключения лишь за то, что носил настоящую фамилию Троцкого. Чуковская стала чудесным биографом Ахматовой. Она записывала каждое ее слово. Благодаря ее дневникам Ахматова из безмолвной, прекрасной модели художников и фотографов превратилась для нас в живую женщину. Ее замечания о

великих представителей русской литературы часто были довольно едкими, но удивительно точными.

Чуковская вспоминает, как Ахматова навещала ее: «Сидит у меня на диване и курит. Статная, прекрасная, как всегда». (1) Но, несмотря на свое величие, Ахматова в повседневной жизни оставалась беспомощной, как ребенок. Чуковской всегда приходилось провожать ее до дома, до самой двери квартиры. Высокая каменная лестница Фонтанного дома не освещалась. В 1938 году Ахматова еще могла подниматься по этой лестнице без чужой помощи. Ей нужно было помогать переходить улицу, поскольку этот процесс ее очень пугал. К счастью, у Ахматовой было несколько преданных помощников. Бывшая любовница Гумилева, Ольга Высотская, заботилась о ней. Ахматова говорила: «Ем я только тогда, когда меня кормит Ольга Николаевна... Она как-то меня заставляет». (2)

Ахматова несколько раз ездила в Москву. Ей хотелось встретиться с друзьями, которые, подобно Ардовым, хоть как-то облегчали чувство одиночества. Но главная причина заключалась в другом: Ахматова отчаянно пыталась найти хоть кого-нибудь, кто мог бы помочь ее сыну. Лев был убежден в том, что его арестовали из-за родства не с Ахматовой, а с Гумилевым. Следователь открыто заявил ему об этом, связав его с делом Таганцева 1921 года. Это был полный абсурд, так как все, проходившие по тому делу, к 1936 году были арестованы и расстреляны. Но следователя это не беспокоило. После семи ночей избиений Льву предложили подписать протокол. Лев был так избит, что не мог даже прочесть написанное. Впоследствии он узнал, что следователь, который вел его дело, сам был расстрелян не то в 1938-м, не то в 1939 году. Все трое студентов, едва знавших друг друга, поскольку

все учились на разных факультетах, были обвинены в террористических действиях и в покушении на убийство. Это было особенно смешно, так как ни один из них не умел ни стрелять, ни фехтовать, и ни у одного не было никакого оружия. (3)

В декабре 1938 года Лев и другие студенты были отправлены на обычные зимние работы заключенных — на лесоповал. В этот период он не думал, что все письма, написанные матерью, даже если они и доходили до адресата, должны возыметь действие. Он пишет о матери как о наивной женщине, полагающей, что виновным ее сына признали по ошибке. «Мама, наивная душа, как и многие другие чистые в своих помыслах люди, думала, что приговор, вынесенный мне, — результат судебной ошибки, случайного недосмотра». (4) В этом он был совершенно неправ. Ахматова, как утверждала ее подруга Надежда Мандельштам, давно поняла истинную природу сталинского террора. Она понимала, что это — государственная политика, а не случайные судебные ошибки. Однако Лев был совершенно прав, считая, что мать ему ничем не может помочь.

К 1938 году революция пожрала практически всех своих детей. 19 августа 1936 года начались показательные процессы над Зиновьевым и Каменевым. Оба были приговорены к расстрелу. Западные журналисты были поражены смирением подсудимых. Бухарина судили в марте 1938 года. Тогда же под суд попал и Ягода, бывший шеф НКВД. Ежов, развязавший этот террор, был смещен с поста. Вскоре он исчез навсегда. После падения Ежова адвокаты, представлявшие интересы Льва и остальных студентов, подали апелляцию в Военную коллегия Верховного суда СССР с просьбой о пересмотре дела.

Одновременно с зародившейся надеждой начало

1939 года принесло ужасную новость. Мандельштам умер в лагерях. Ахматова получила короткое письмо из Москвы: «У подружки Лены (Осмеркиной) родилась девочка, а подружка Надюша овдовела». После утраты столь близкого человека Анна Андреевна почувствовала себя еще более одинокой, а страх за Льва еще больше усилился. (5)

Положение Льва действительно было очень опасным. В 1939 году приговор был пересмотрен, но обвинение в террористической деятельности осталось. Льва приговорили к расстрелу и перевели обратно в Кресты. Но парадоксальным образом возвращение в Ленинград спасло ему жизнь:

«На этот раз выручил меня не Сталин, а, как это иногда бывает, счастливое стечение обстоятельств. К новому 1939 году я окончательно «дошел». Худой, заросший щетиной, давно не мывшийся, я едва таскал ноги из барака в лес. Валить деревья в ледяном, по пояс занесенном снегом лесу, в рваной обуви, без теплой одежды, подкрепляя силы баландой и скудной пайкой хлеба, — даже привычные к тяжелому физическому труду деревенские мужики таяли на этой работе как свечи... В один из морозных январских дней, когда я подрубал уже подпиленную ель, у меня выпал из ослабевших рук топор. Как на грех, накануне я его наточил. Топор легко раскроил кирзовый сапог и разрубил ногу почти до самой кости. Рана загноилась. Видимо, я так бы и закончил свои дни, ударным трудом расчищая ложе канала в лесу под Медвежье-горском, но судьбе было угодно распорядиться иначе. Меня затребовали на пересмотр дела в Ленинград. Это меня спасло». (6)

Находясь в тюрьме в ожидании приговора, Лев начал думать о том, как племенные кланы сумели стать нацией. Именно тогда и были заложены основы его выдающихся теорий. Пока Лев находился в

Крестах, Ахматова выстаивала в длинных очередях, надеясь хоть что-то узнать о сыне или передать ему небольшую посылочку. В той же очереди часто стояла Лидия Чуковская. Она не знала, что «десять лет без права переписки» означают расстрел. Ее мужа, Матвея Бронштейна, уже не было в живых.

Ахматова не просила о помощи, но близкие люди не оставляли ее: «Одному из нас удавалось иногда увести Анну Андреевну из очереди куда-нибудь прочь, посидеть хоть на тумбе; другой в это время стоял на ее месте. Но она из очереди уходила неохотно, боялась: вдруг что-нибудь... Молча стояла». (7) На следующий день у нее так отекали ноги, что ей пришлось снять туфли и ходить по двору в одних только чулках. За ней ухаживала Чуковская, которая, несмотря на собственные несчастья, относилась к этой обязанности как к привилегии — отчасти из-за того, что Ахматова была очевидно больна, отчасти из своего преклонения перед ее стихами. Чуковская пишет: «Без конца длился этот окаянно-жаркий день в пыльном дворе. Пытка стоянием». (8)

А потом Ахматова снова занимала свое место в длинной очереди матерей и жен под стенами тюрьмы. Вот как она описала это в разделе «Вместо предисловия» своей великой поэмы «Реквием»:

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом». (9)

Ахматова была так запугана, что боялась переносить поэму на бумагу. Они с Чуковской учили стихи наизусть, и только благодаря этому они сохранились. «Царскосельская веселая грешница» превратилась в голос страдающего народа.

То, что Ахматову узнавали, давало ей какую-то поддержку в те ужасные дни. Со свойственным ей остроумием Ахматова говорила Чуковской, что одно дело, когда тебя узнают в роскошном экипаже под маленьким зонтиком, и совсем другое — в очереди за селедкой.

Во время нового расследования Лев был обвинен в том числе и в том, что мать подстрекала его к убийству Андрея Жданова, первого секретаря Ленинградского городского комитета партии. 17 июля 1939 года Особый комитет НКВД приговорил Льва Гумилева к десяти годам заключения «за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию». (10) 29 июля 1939 года Ахматова с большим воодушевлением говорила Чуковской о том, что друг Льва, арестованный вместе с ним, Николай Давиденков, был освобожден. Однако 17—18 августа Льва отправили в лагерь в Норильск. (11)

28 августа Ахматова получила известие о том, что Льва отправляют на Север и ему необходимы теплые вещи. На помощь снова пришла Чуковская, поскольку сама Ахматова была слишком непрактична: «По телефону мне удалось довольно быстро условиться о шапке, шарфе, свитере. Все, кому я звонила, сразу без лишних расспросов понимали все. «Шапка? Шапки нет, но не нужны ли рукавицы?»... Мы отправились за сапогами вместе...» (12)

Ахматова была в таком ужасе, что не могла даже

выпить чаю, приготовленного кем-то из друзей. Она не помнила адреса тех, кто обещал одолжить ей сапоги, не помнила, на каком троллейбусе нужно было ехать. Но она точно знала, что на следующий день должна хорошо выглядеть, потому что ей предстояло вновь ходить по инстанциям. Когда Чуковская спросила, по силам ли ей это, Ахматова ответила: «Я всю жизнь могла выглядеть по желанию: от красавицы до уroda». (13) Теплые вещи были собраны. Чуковская помогла Ахматовой сложить их в своей комнате. Ахматова произнесла: «Я вас не благодарю. За это не благодарят». (13*)

Новый суд вынес новый приговор. Льва приговорили к пяти годам заключения, после чего ему могли позволить покинуть Дальний Север. В Норильске ему разрешили изучать геологию. К концу срока он стал весьма полезным работником. Отношение к заключенным в Сибири было гораздо лучше, чем в Европейской части России. Заключенные могли учиться, получать образование. Начиная Лев простым рабочим, затем стал шахтером, а потом дорос до лаборанта-химика. Несмотря на все трудности, он находил время и возможность учиться. Лев Гумилев провел на Севере полтора года, после чего ему, по его собственным словам, «первая линия фронта показалась курортом». Но уже тогда начала проявляться горечь сына по отношению к матери. В письме к Эмме Герштейн Лев писал:

«Вы спрашиваете о друзьях и близкой женщине. Мужчин со мной двое рабочих, а женщин за год видел трех: зайчиху, попавшую в петлю, случайно забредшую к палатке олениху и убитую палкой белку. Нет также книг и вообще ничего хорошего. Мама, видимо, здорова, я из телеграммы Надежды Яковлевны узнал, что она вернулась в Ленинград, но мне она не пишет, не телеграфирует. Печально». (14)

Анна Андреевна Ахматова, 1922

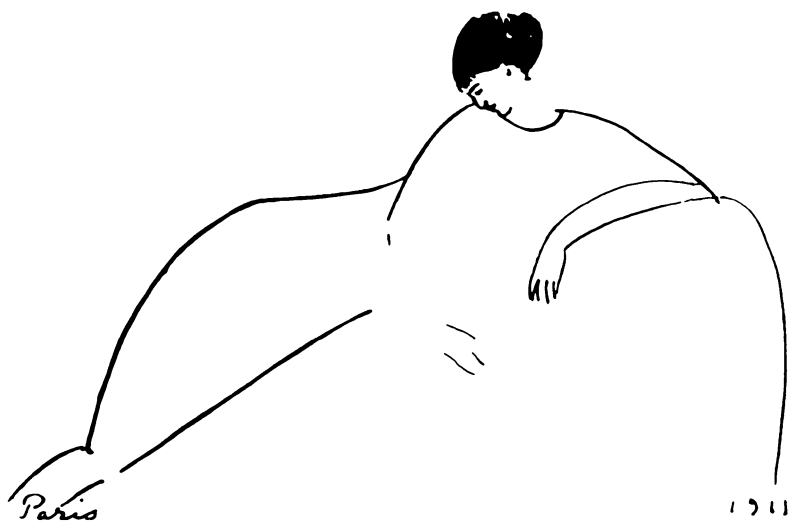
Андрей
Антонович
Горенко, отец
Ахматовой,
Санкт-
Петербург, 1882

Инна Эразмовна
Стогова, мать
Ахматовой,
около 1870

Анна с братом
Андреем,
около 1905

Ахматова в юности, Севастополь, 1899

«Nude» (Анна Ахматова), около 1911, рисунок
Амедео Модильяни

Портрет
Ахматовой.
Натан Альтман,
масло,
холст, 1914

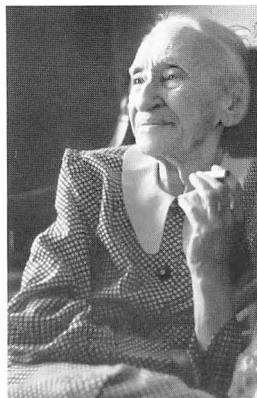
Николай Степанович Гумилев

Николай
Владимирович
Недоброво,
Санкт-
Петербург, 1914

Осип Манделъштам,
около 1938

Надежда
Манделъштам
на подмосковной
даче, 1979

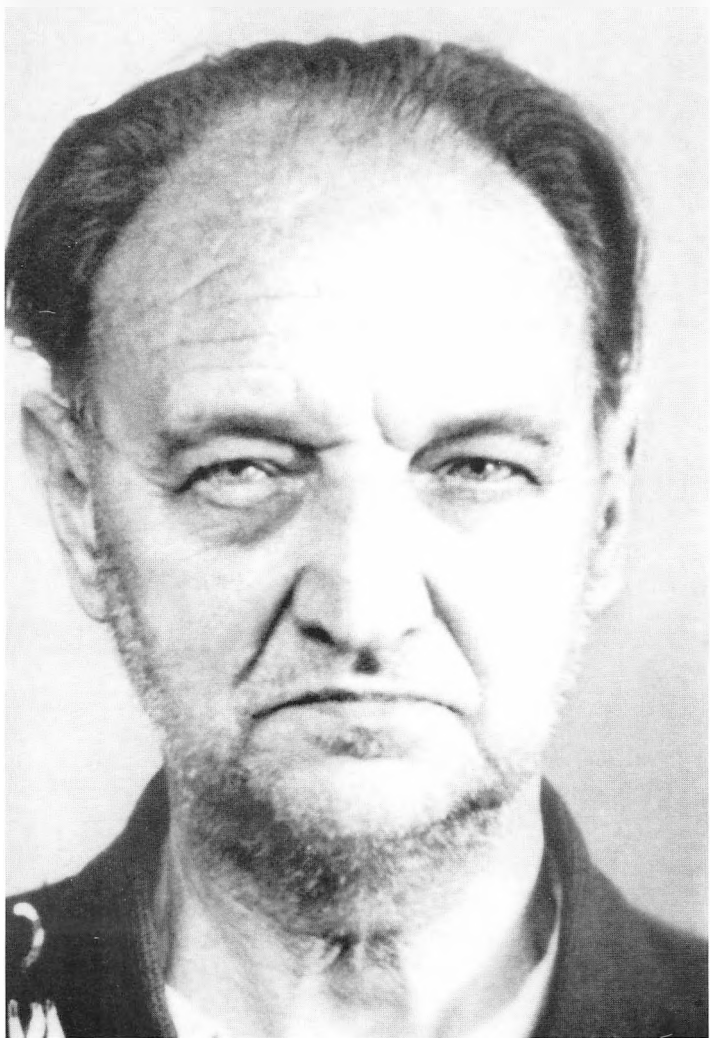
Николай Гумилев (крайний слева) с Александром Блоком
(третий слева), 1924

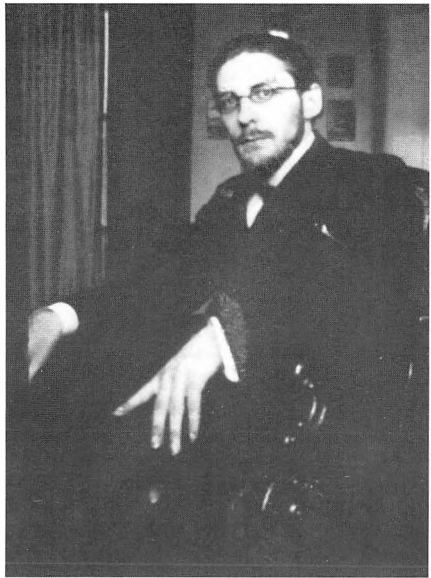
Борис Анреп в своей парижской мастерской, 1908

Ольга Судейкина с куклой, 1920

Николай Николаевич Пунин, 1950. Фотография сделана
в ГУЛАГе

Артур Сергеевич Лурье, Париж, 1931

Анна Андреевна Ахматова,
Ленинград, 1924 (Н. А. Нолли)

Николай Пунин
Пунин в студенческие годы, 1919

Лидия Корнеевна
Чуковская, 1928

Фаина Георгиевна
Раневская, 1940

Владимир Георгиевич
Гаршин, 1948

Исайя Берлин,
1940-е

Лев Гумилев в 1932, 1934,
1949, 1953, 1956-м

Борис Пастернак, 1930

Иосиф Бродский, 1988

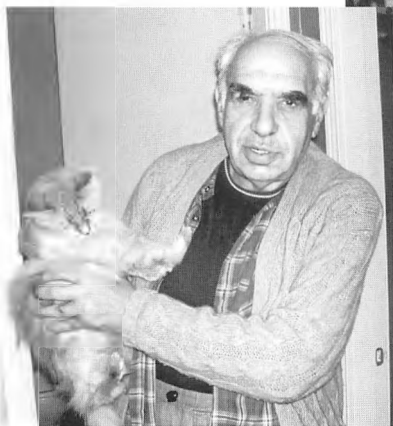

Ахматова получает почетную степень Оксфордского университета, 1965. Джанфранко Конти, Джеффри Кейнс, Зигфилд Сэссун, Анна Каминская, Ахматова и Кеннет Уир

Анна Каминская,
Санкт-Петербург, 2003

Анатолий Найман,
Франкфурт, 2003

Евгений Рейн,
Москва, 2003

Ахматова, Ленинград, 1959

Нам трудно судить, каким было состояние здоровья Ахматовой в тот период. Чуковская пишет о том, что, обнаружив у себя на лбу небольшую темно-коричневую ранку, Анна Андреевна уверилась в том, что у нее рак. На самом деле это было не так. Сердце в то время ее мало беспокоило, щитовидная железа и туберкулез тоже.

От долгого стояния в очередях у Ахматовой страшно отекали ноги. 16 сентября 1939 года Гаршин был настолько встревожен состоянием ее пальцев, что направил ее к другому врачу. Гангрены, которой он опасался, не оказалось, выявили лишь травматический неврит. 15 октября Ахматова пошла к другому врачу, и ее признали физически здоровой. Возможно, ее симптомы носили психосоматический характер, что объясняется тревогой за судьбу сына. Пять лет были относительно легким приговором, но Ахматова чувствовала, что может никогда больше не увидеть Льва.

Вот на таком фоне физических и моральных страданий появилось одно из величайших произведений русской поэзии — «Реквием». Сегодня в Интернете можно услышать, как Ахматова сама читает свои стихи. (15) Питер Норман записал чтение Ахматовой в Лондоне после посещения поэтессой Оксфорда в 1965 г. (16) Голос Ахматовой низкий, глубокий, ее слова словно падают на грудь слушателя. Все стихи, входящие в цикл, имеют точную дату. Одно коротенькое стихотворение 1935 года, по-видимому, связано с Пуниным. Ахматова была в квартире, когда его забирали. Льва же арестовывали без нее.

Уводили тебя на рассвете,
 За тобой, как на выносе, шла,
 В темной горнице плакали дети,
 У божницы свеча оплыла.
 На губах твоих холод иконки,

Смертный пот на челе.. Не забыть!
 Буду я, как стрелецкие женки,
 Под кремлевскими башнями выть. (17)

В 1939 году почти все стихи Ахматовой пронизаны страхом за судьбу сына:

Семнадцать месяцев кричу,
 Зову тебя домой,
 Кидалась в ноги палачу,
 Ты сын и ужас мой. (18)

В некоторых стихах Ахматова как бы отчуждается от собственных страданий, смотрит на них со стороны, как посторонний. Тон стиха абсолютно ровный, строки короткие:

Эта женщина больна,
 Эта женщина одна.
 Муж в могиле, сын в тюрьме,
 Помолитесь обо мне. (19)

Поскольку в тот момент Пунин был жив и на свободе, речь идет о Гумилеве или Шилейко.

В другом коротком стихотворении Ахматова напоминает себе об ушедшей молодости, о веселье, оставшемся в далеком прошлом:

Показать бы тебе, насмешнице
 И любимице всех друзей,
 Царскосельской веселой грешнице,
 Что случится с жизнью твоей —
 Как трехсотая, с передачею,
 Под Крестами будешь стоять... (20)

Ахматова описывает городской шум за окном и вспоминает свои предчувствия:

Я давно предчувствовала этот
 Светлый день и опустелый дом. (20*)

19 августа 1939 года в Фонтанном доме Ахматова разговаривала со Смертью на «ты», как с близким другом:

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
 Я жду тебя — мне очень трудно.
 Я потушила свет и отворила дверь
 Тебе, такой простой и чудной. (21)

И ее больше не волнует, какой окажется ее смерть:

Прими для этого какой угодно вид,
 Ворвись отравленным снарядом
 Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
 Иль отрави тифозным чадом. (22)

Позднее Лев возражал против названия этого цикла. Ведь Реквием — это погребальная месса. Ему особенно не нравилось «Распятие», где Ахматова пишет от лица Девы Марии:

Магдалина билась и рыдала,
 Ученик любимый каменел,
 А туда, где молча Мать стояла,
 Так никто взглянуть и не посмел. (23)

Лучшее стихотворение цикла, которое многие русские знают наизусть, — это «Второй эпилог», написанный в 1940 году. В нем Ахматова говорит от лица миллионов людей («мой измученный рот, которым кричит стомильонный народ»). Она говорит не о своей боли. Если когда-нибудь страна решит поставить ей памятник, он должен стоять не у моря, где она родилась, и не в садах царскосельского дворца:

А здесь, где стояла я триста часов
 И где для меня не открыли засов.
 Затем, что и в смерти блаженной боюсь
 Забыть громыхание черных марушь,
 Забыть, как постылая хлопала дверь
 И выла старуха, как раненый зверь.
 И пусть с неподвижных и бронзовых век,
 Как слезы, струится подтаявший снег,
 И голубь тюремный пусть гулит вдали,
 И тихо идут по Неве корабли. (24)

Ахматова говорила Чуковской, что Пунин просил ее выехать из своей квартиры, но ей было некуда идти. Она стала плохо думать о мужчинах, потому что в тюремных очередях их было очень мало. (Зато много в тюрьме.) Ахматова часто очень остроумно говорила о своем разочаровании в мужчинах. Говорить так могла позволить себе только настоящая красавица: «У меня всегда была мечта, чтобы муж повесил над столом мой портрет. Но никто не повесил — ни Коля, ни Володя, ни Николай Николаевич. Он только теперь повесил, когда мы разошлись». (25)

В 1939 году произошло многое. Фашистская Германия, столь сурово осуждаемая в советской прессе, внезапно превратилась в союзника. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский пакт. Более подробно мы поговорим об этом в главе 12. (26) Девятью днями позже гитлеровские войска вторглись в Польшу и во Францию. Англия объявила войну Германии. Ахматова была потрясена этими событиями, которые заслонили даже ее собственные страдания. Советская пресса хранила полное молчание о том, что происходило с евреями и социалистами в оккупированной фашистами Европе. Большинство русских, подобно Ахматовой, переживали за Францию и Великобританию, но не могли не видеть того, что Гитлер явно одерживает победу.

12 декабря 1939 года Лидия Чуковская получила известие о том, что ее муж погиб. Тем не менее, когда Ахматова обратилась к ней с какой-то просьбой, она отправилась к ней. Комната Анны Андреевны выглядела еще более странно, чем обычно: стекло заклеено газетой, лампочка, свисающая с потолка, покрыта обрывком шали. Чуковской было трудно поддерживать разговор, и Ахматова почувствовала, что с ней что-то неладно. Она спросила, что случилось, и

Чуковская все рассказала. «Боже мой, Боже мой, — повторяла Анна Андреевна, — а я не знала... Боже мой!» (27)

Ахматова была хорошей «мачехой» не только Ирине. Она нежно заботилась о сыновьях своих соседей, Смирновых. Вале было семь лет, а Шакалику — полтора года. Ахматова часто оставалась присмотреть за маленьким, когда Смирновы уходили в кино. Ее очень мучило то, что Татьяна часто била своего сына, Валю. Когда же она пыталась поговорить об этом, Татьяна только оскорбляла ее. Ахматова очень ценила любовь детей и была очень расстроена, когда, вернувшись из Москвы, куда она ездила хлопотать за Льва, обнаружила, что Шакалик почти забыл ее.

В 1939 году неожиданно появилась возможность напечатать стихи Ахматовой. Ей предложили подготовить сборник под названием «Из шести книг». В декабре 1939 года, когда Ахматова была в Москве, в очередной раз пытаясь помочь Льву, она прочла стихотворение «К смерти» Борису Пастернаку.

В 1940 году положение Ахматовой в литературном мире необъяснимым образом изменилось к лучшему. 5 января ее очень торжественно приняли в ленинградскую организацию Союза писателей. В 1934 году Ахматову уже приглашали в Союз, но тогда арестовали Мандельштама, и она так и не заполнила нужных документов.

В 1935 году она признавалась подруге, что чувствует, что написала уже все стихи, какие только могла. Но в 1936 году, когда боль и тревога стали невыносимыми, стихи полились рекой. 11 сентября 1939 года Ахматова написала заявление о приеме в Союз писателей: «Прошу принять меня в члены Союза советских писателей». (29)

В 1940 году Михаил Лозинский, самый извест-

ный русский переводчик Шекспира, приветствовал ее речью, в которой сказал, что ее стихи «будут жить, пока существует русский язык, а потом их будут собирать по крупицам, как строки Катулла». (29*) Об этом Ахматова рассказывала Чуковской со множеством весьма суровых замечаний об абсурдности подобных высказываний, но чувствовалось, что ей очень приятно. Лозинский, которого она знала тридцать лет, был очень цельным человеком. Чуковская заметила, что, несмотря на жалобы на бессонницу, Ахматова стала выглядеть гораздо лучше.

Об Ахматовой тревожились многие. Александр Фадеев, талантливый писатель, секретарь Союза писателей СССР, написал письмо Вышинскому, заместителю председателя Совета народных комиссаров:

«В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях живет известная поэтесса Ахматова. Вряд ли нужно говорить Вам, как несправедливо это по отношению к самой Ахматовой, которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени и какое неблагоприятное впечатление производит это не только на старую поэтическую интеллигенцию, но и на молодежь, немало учившуюся у Ахматовой. Ахматова до сих пор не имеет ни одного метра собственной жилплощади. Она живет в комнате бывшего своего мужа, с которым она давно разошлась. Не надо доказывать, как это для нее унижительно». (30)

На самом деле Ахматова вовсе не хотела получать собственную квартиру. Она говорила, что всегда жила на Фонтанке и нуждалась только в лишней комнате, которая потребовалась бы, когда Лев вернулся бы

из лагерей. В начале 1940 года она получила 3000 рублей от Союза писателей и ей была установлена пенсия в размере 750 рублей в месяц.

13 января 1940 года, когда Чуковская вернулась из дома творчества, где работала над повестью «Софья Петровна», посвященной событиям 1937 года, Ахматова мучилась бессонницей, у нее немели ноги, но выглядела она гораздо лучше, «причесанная, и в волосах — ее знаменитый гребень». Улучшение ее состояния объяснялось перспективой издания стихов. 23 февраля она подписала договор с журналом «Ленинград» на публикацию нескольких стихов. Впервые за пятнадцать лет ее стихи должны были появиться в советской прессе. В журнал Анна Андреевна отдала и стихотворение «От тебя я сердце скрыла...», посвященное ее отношениям с Пуниным. В апреле журнал вышел, и Ахматова говорила Чуковской, что Пунин очень сердит и мрачен.

Изменившееся положение Ахматовой немного ее успокоило. Она волновалась из-за того, что сразу два издательства захотели получить книгу ее стихов и прислали контракты одновременно. Ахматова не понимала, как выйти из ситуации. Когда появилась Чуковская, Ахматова попросила ее изучить контракты, валявшиеся под креслом в груде газет и бумаг. После столь долгого молчания собрать книгу было очень трудно. К 23 января она окончательно расклеилась и отказывалась от еды и питья. Гаршин заметил, что она потеряла счет времени, стала путать день с ночью. Ахматова жаловалась, что издатели присылают за рукописью, а книга до сих пор не готова. Чуковская нашла добросовестную машинистку. В феврале Гаршин договорился с Татьяной Смирновой, чтобы та приходила убираться в комнате Ахматовой.

Положение в стране изменилось столь разитель-

но, что в июле 1940 года Пастернак совершенно искренне спросил у Ахматовой, не вернулся ли Лев, В те дни многих выпускали. Но Лев оставался на Дальнем Севере. Тем не менее Фадеев, Пастернак и Алексей Толстой считали, что новую книгу Ахматовой следует выдвинуть на соискание Сталинской премии. В годы Большого Террора подобное было просто немислимо.

И Ахматова снова начала писать стихи. Она не спала и работала всю ночь напролет. В период с 1936 по 1940 год тематика ее стихов решительно изменилась. Отношения с Пуниным оставались напряженными. Ахматова с обидой говорила Чуковской: «Николай Николаевич отыскал теперь новый повод, чтобы на меня обижаться: почему я, когда мы были вместе, не писала, а теперь пишу очень много... Я теперь наконец поняла, что идеалом жены для Николая Николаевича всегда была Анна Евгеньевна: служит, получает 400 рублей в месяц и отличная хозяйка». (31)

Хотя Ахматова продолжала делать все, что было в ее силах, ради освобождения Льва, его обида на мать только крепла. Чаще всего он обижался на стиль ее писем и на то, что писала она ему слишком редко. Письма Ахматовой действительно были короткими. Она боялась, что ее слова могут использовать против сына, и предпочитала посылать открытки, к которым цензоры относились менее внимательно. Всю необходимую информацию она всегда отправляла телеграфом.

Все это вовсе не было признаком безразличия, как думал Лев. Напротив, моральное и физическое благополучие Ахматовой целиком зависело от известий от него. Когда известия были более или менее оптимистическими, она буквально сияла. 2 мая 1940 года Чуковская пишет о том, что, придя к Ахматовой, за-

стала ее «нарядной и почти румяной». (32), однако всего несколько дней назад состояние ее было ужасным, она сидела у печки с «сухим и темным лицом, как на монете или на иконе». (33) 14 мая она вновь говорила о том, что ее хлопоты по освобождению сына ни к чему не привели. Ахматова дала Чуковской прочесть еще одно стихотворение из «Реквиема», а затем сожгла листок в пепельнице.

Здоровье Ахматовой в июне 1940 года ухудшилось, она даже получила инвалидность второй группы. На улице Ахматова становилась совершенно беспомощной. Ее нужно было провожать до дома. Особенно трудно было ей переходить Невский проспект. В поношенном плаще, обтрепанной шляпе и растоптанных ботинках, Ахматова умудрялась сохранять царственное величие. Ее лицо по-прежнему было прекрасным, и глаза так же горели из-под поседевшей челки. Ахматова снова начала жаловаться на сердце, Чуковская пишет о том, что она перенесла пять сердечных приступов за пять дней. Судя по всему, инфаркта не было. Речь шла о приступах тахикардии или стенокардии. Пять инфарктов за пять дней свели бы в могилу любого. Когда Гаршин заявил, что нужно ложиться в больницу, Ахматова немедленно почувствовала себя лучше.

8 июня 1940 года Ахматова говорила Чуковской о том, что, судя по всему, Татьяна Смирнова приставлена, чтобы следить за ней. Это было вполне вероятно. Достаточно вспомнить документы о слежке НКВД за Цветаевой на даче ее мужа Сергея Эфрона в Болшеве. Эти документы обнаружила и опубликовала Ирма Кудрова. Кудрова подробно рассказала о том, как близкие к дому Эфрона люди — в том числе и Самуил Гуревич, человек, в которого была влюблена дочь Цветаевой Аля, — постоянно докладывали

обо всем в НКВД. К 13 августа подозрения Ахматовой о слежке подтвердились. Она расставила ловушку для шпиона, заложив в блокнот, в котором писала стихи, волосок. Вернувшись домой, Ахматова обнаружила, что волосок исчез. Мысли о слежке сводили Ахматову с ума. Она понимала, что раз за ней столь пристально следят, это может отразиться на положении Льва.

18 июня вышла очень обрадовавшая Ахматову благожелательная рецензия в журнале «Ленинград», но радость была недолгой. 26 июня к ней пришел представитель издательства, где должен был выйти сборник «Из шести книг», и попросил снять два стихотворения — «Все расхищено, предано, продано...» (34) и «Не с теми я, кто бросил землю...». (35) Худшие времена террора остались позади, но, хотя Ахматова с помощью Чуковской продолжала работать над сборником, она подозревала, что выходу книги что-то может помешать. Ей казалось невозможным получить рукопись из издательства. На помощь снова пришла Чуковская, которая проверяла стихи и читала гранки. 26 августа, как Ахматова говорила Корнею Чуковскому, издание книги в очередной раз приостановлено. «Они говорят, что нет бумаги, но это только из вежливости».

Тем летом Ахматова ездила к Фадееву в Переделкино. Она уже просила его помочь Льву и теперь хотела узнать, что он для нее сделал. 27 августа она получила письмо от Фадеева, в котором он писал, что нашел нужного человека и готов устроить ей встречу с ним. Теперь Ахматова ожидала новостей. Чуковская отнеслась к подобным новостям с пессимизмом, впрочем, вполне понятным. У Ахматовой еще оставалась надежда, муж же Чуковской был расстрелян.

В конце августа 1940 года Ахматова отправилась

в Генеральную прокуратуру на Пушкинскую. Чуковская провожала ее. В кабинете Ахматова пробыла недолго. Когда она вышла, за ней выскочил маленький человек, который кричал и грубо ругался. Разочарование Ахматовой было невероятно глубоким. Гаршин, который хотел быть с Ахматовой, горько рыдал от невозможности сделать это, «не совершив греха». Чуковская тоже была потрясена собственной беспомощностью.

Однако несколькими днями позже Ахматова оправилась настолько, чтобы подняться, причесаться и прочесть Чуковской несколько стихотворений. Чуковская не могла не восхититься тем, как ей удается прекратить «в чистое золото битые черепки, подсовываемые ей жизнью!». Она прочла «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...», «Так отлетают темные души...» и «Но я предупреждаю вас...». Чуковская заварила чай. Еды в доме не было, потому что Татьяна болела и некому было сходить в магазин.

Домашняя жизнь Ахматовой складывалась не самым лучшим образом. Однажды, когда Чуковская пришла к ней, в комнату заглянул Пунин и попросил займы 15 рублей. Татьяна Смирнова взяла один из авторских экземпляров книги Ахматовой без разрешения, а теперь предлагала выкупить его за сто рублей. Но самым мучительным для Ахматовой было то, как Татьяна относилась к своему старшему сыну, как она била и ругала его, заставляя учить уроки («Ах ты, зараза, сволочь, я тебе покажу, сволочь ты этакая!»).

3 сентября она начала писать первую из своих прекрасных «Северных элегий». Это стихотворение было закончено уже в Ташкенте. Эпиграфом к нему Ахматова выбрала строку Пушкина: «Я теперь живу не там...» Стихотворение посвящено России Достоевского. Описываемый Ахматовой Ленинград — это

Петербург с гравюры XIX века — пролетки, танцклассы, модные магазины с французскими вывесками, конторы менял. Она вспоминает керосиновые лампы и плюшевые кресла своего детства, рядом с которыми оживают заложенные земли Достоевского и рулетка в Баден-Бадене. Достоевский входит в ее стихотворение из небытия, в момент ее рождения:

Страну знобит, а омский каторжанин
 Все понял и на всем поставил крест.
 Вот он сейчас перемешает все
 И сам над первозданным беспорядком,
 Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
 Перо скрипит, и многие страницы
 Семеновским припахивают плацем. (36)

Ночью 1 октября у Ахматовой случился тяжелый сердечный приступ. На следующий день она была «неприбранная, непричесанная, с изможденным лицом». (36*) Это был день рождения Льва, и в этот день она получила какие-то дурные известия о нем. 13 октября она получила письмо от сына, которое ее крайне встревожило. Чуковская заметила, что глаза Ахматовой ввалились. «Я письмо получила. Сегодня. В восемь часов утра. Не получать писем худо — три месяца не было ни строки, — а получать еще хуже». (37)

Проблемы на этом не кончились. Хрупкие литературные надежды Ахматовой рухнули. Небольшой из-за проблем с бумагой тираж ее книги был отпечатан, но 29 октября печать была приостановлена и все книги изъяты из магазинов. 7 ноября у Ахматовой, еще не оправившейся от бронхита, случился сердечный приступ. Она попала в больницу. Она была очень тронута, когда уборщица попросила ее написать небольшой стишок: «Она каждое письмо оканчивает стихом, и та, которая ей пишет из деревни, — тоже». Ахматова была расстроена при мысли о том, как простые русские люди любят поэзию. «Я вообще не знаю

страны, в которой больше любили бы стихи, чем наша, и больше нуждались бы в них, чем у нас». (37*)

Хотя у Ахматовой было время немного отдохнуть в больнице, она вышла оттуда с твердым убеждением в том, что ее неприятности еще только начинаются. 13 ноября Ахматова говорила Чуковской:

«Знаете, я за эти дни поняла, что я сама во всем виновата. Во всем, что случилось с книгой. ЦК совершенно прав, а я виновата. Да, да. Они хотели напечатать мои стихи. Издательство отобрало стихи и отвезло в Москву. Там утвердили. Тогда я самовольно включила туда новые, да еще поставила на первый план самое печальное стихотворение, да еще назвала его именем весь отдел... И если бы я этого не сделала... Лева был бы дома» (38)

Чуковская не могла разубедить Ахматову, хотя и напомнила, что новые стихи попросило само издательство и никто не мог предположить, что именно им нужно.

22 ноября заболела подруга детства Ахматовой Валерия Срезневская. Ахматова несколько раз навещала ее и была потрясена ее видом — в разорванной рубашке, с всклокоченными волосами. Безумие Срезневской глубоко потрясло Анну Андреевну.

В начале 1941 года Чуковская была вынуждена покинуть Ленинград, поскольку ее повестью «Софья Петровна» заинтересовались в «Большом Доме». Она находилась под постоянным наблюдением. Чуковская не говорила Ахматовой об этом, той хватало собственных переживаний из-за Льва. В феврале 1941 года Чуковская уехала в санаторий «Узкое».

Бывая в Москве, Ахматова обычно останавливалась в квартире Ардовых. В начале 1941 года она дважды встречалась здесь с Мариной Цветаевой. Две великие женщины впервые встретились лицом к лицу,

но это не помешало Марине написать настоящие оды красоте и поэтическому таланту Ахматовой еще до отъезда в Прагу и Париж в 1922 году. Обменивались они и письмами, хотя крайне редко.

Марина Цветаева — одна из величайших русских поэтесс XX века, по таланту равная Ахматовой, хотя и совершенно не похожая на нее своей поэтической откровенностью и силой эмоций. Цветаева никогда не изменяла поэзии, несмотря на то, что вся ее жизнь была сплошной чередой утрат. Последовав за мужем в Париж, Цветаева обрекла себя на беспросветную бедность. Ее слава осталась в прошлом. Марина Ивановна научилась принимать одиночество и отверженность.

Со своим мужем Сергеем Эфроном Марина познакомилась еще в ранней юности, на берегу Черного моря. Хотя других мужчин она любила и более страстно, только с Сергеем она была по-настоящему близка, как бывают близки близнецы. Большинство биографов осуждают Эфрона за неспособность найти работу, болезненность, изменчивость политических взглядов. В 1937 году Цветаева вернулась в Советский Союз из Парижа, что связывали с неожиданным разоблачением Эфрона как агента НКВД. Ему пришлось бежать в Россию. Цветаева всегда отказывалась верить в то, что Эфрон был причастен к убийству Игнатия Рейса. Но французская полиция начала расследование, и Эфрону пришлось бежать.

Дочь Марины, Аля, убежденная коммунистка, вернулась в Россию еще раньше. Ее сыну-подростку, Муру, предстояло увидеть родину, где он никогда не бывал. Эмигрантское сообщество в Париже относилось к Цветаевой враждебно. Решение последовать за мужем было естественным, но оказалось трагической ошибкой. Цветаева приехала в Россию в разгар сталинского террора. Ее сестра Анастасия уже нахо-

дилась в тюрьме. Вскоре после ее возвращения были арестованы Аля и Сергей.

На многолюдной болшевской даче, предоставленной Эфрому НКВД, Цветаева обнаружила, что вера мужа в коммунизм осталась непоколебимой. Не повлияли на него даже аресты сестры жены, Анастасии, и его близкого друга, литературного критика Д. С. Мирского. Здесь же жили и завербованные Эфроном Клепинины. Цветаева чувствовала себя в Болшеве невероятно одинокой. Аля, как и ее отец, была абсолютно убеждена в справедливости устройства советского общества. Но в воскресенье 27 августа 1939 года, накануне начала Второй мировой войны, Алю арестовали. Эмилия Литauer, французская коммунистка, часто бывавшая у доме Эфронов, была арестована в то же время. От обеих узниц требовали показаний друг на друга.

Аля начала «сознаваться» через месяц после ареста. Ирма Кудрова (39), читавшая записи ее допросов, относится к признаниям Али с осторожностью. Только после Двадцатого съезда партии, в 1956 году, Аля смогла написать о том, что было с ней в тюрьме: «Меня избивали резиновыми «дамскими вопросниками» (т.е. резиновыми дубинками), в течение 20 суток лишали сна, вели круглосуточные «конвейерные» допросы, держали в холодном карцере, раздетую, стоя навтыжку, проводили инсценировки расстрела...» (40) Неудивительно, что в конце концов Ариадна призналась во всем, чего от нее хотели. Она назвала Эфрона двойным агентом. «Не желая ничего скрывать от следствия, я должна сообщить, что мой отец является агентом французской разведки...» (41)

Через пять дней был подписан ордер на арест Сергея Эфрона. После некоторой задержки, что говорит о консультациях с кем-то из вышестоящих, 9 октября 1939 года он был арестован. Сергей Эфрон был

больным, несчастным человеком, но записи, сохранившиеся на Лубянке, говорят о том, что он вел себя исключительно смело. Он не уходил от ответов, детально рассказал о годах, проведенных в эмиграции, о создании Демократического союза русских студентов, назвал всех лидеров Евразийской ячейки в Париже (большинство из которых остались в безопасной Франции). Можно предположить, что к нему относились не лучше, чем к дочери. И только когда ему сообщили, что его подруга Эмилия Литвауэр рассказала о его антисоциальном поведении и что его собственная дочь подтвердила эти показания, он сломался. Только тогда он попросил передышки в допросах: «Сейчас я не могу говорить. Я очень устал».

Разумеется, Цветаева ничего этого не знала, когда двумя годами позже встретила в Москве с Ахматовой. Марина Ивановна приехала в Москву с сыном в надежде выяснить хоть что-то о судьбе своих близких. Эмигрантке, жене и матери заключенных, ей было сложно встречаться со старыми друзьями, хотя с Пастернаком она все же увиделась. Ахматова, несмотря на всю свою нервозность, всегда могла заставить себя сделать то, что считала правильным.

Пастернак позвонил жене Виктора Ардова, Нине Ольшевской. Ольшевская сказала ему, что попросит Ахматову перезвонить и встретиться с Цветаевой. Ахматова так и поступила. После короткого разговора она пригласила Марину Ивановну на Ордынку. Надо сказать, что Ахматова хотела встретиться с Цветаевой в городе, если той это будет более удобно. Но Цветаева, которой было негде жить, предпочла прийти к Ардовым.

Виктор Ардов вспоминает, что открыл ей дверь и видел, как две великие женщины пожали друг другу руки, прежде чем перейти в крохотную комнатку, где обычно жила Ахматова. Они провели вместе боль-

шую часть дня. Ахматова никогда не рассказывала, о чем они говорили. Она заметила только, что Цветаева произвела на нее впечатление абсолютно уравновешенного человека, глубоко обеспокоенного судьбой своей семьи. На следующий день они встретились снова, на этот раз в квартире Николая Ивановича Харджиева. Здесь они смогли поговорить за бокалом вина. Харджиев нашел Цветаеву блистательной: «Она была переполнена Парижем и говорила вдохновенно». (42)

Ардов и Ахматова собирались тем вечером в театр, где Ольшевская должна была играть в спектакле «Сон в летнюю ночь». Цветаева настояла на том, чтобы из-за нее они не меняли своих планов. Они вместе вышли из дома Харджиева. От стены отделилась темная фигура и последовала за ними. Ахматова не поняла, за ней или за Цветаевой установлена слежка.

По возвращении в Ленинград стало ясно, насколько сильно зависит Ахматова от нежности и любви Гаршина. Хотя ее окружали друзья, не все они одобряли ее поведение. Удивительную критичность проявила Надежда Мандельштам, которой Ахматова всегда хранила верность. 9 мая 1941 года Надежда Яковлевна написала из Калининна письмо биологу Б. С. Кузину (43), в котором говорила о том, что Ахматова боится навещать ее, потому что не хочет повредить сыну своим общением с женой расстрелянного преступника.

Тревога Ахматовой за сына не ослабевала. В печальном подражании армянскому поэту Туманяну она обращается к падишаху, которым мог быть сам Сталин, от имени овцы, оплакивающей своего потерянного ягненка:

И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим? (44)

Глава 12

ВОЙНА

Кто идет выручать Ленинград? (1)

Ахматова

В годы Большого Террора люди боялись сталинских агентов. Но теперь надвигалась иная опасность, и интеллигенция это прекрасно понимала. Гитлер пришел к власти в 1933 году. Все это время он наращивал армию и постепенно поглощал соседние страны. Европа превратилась в ставку в покере, которую разыгрывали нацистская Германия Гитлера, страны Западной Европы и Советский Союз. Все игроки надеялись обвести друг друга вокруг пальца. Каждый рассчитывал на то, что противники передерутся между собой.

Сталин считал западную демократию такой же опасной для Советского Союза, как и нацистскую Германию, несмотря на то, что Гитлер уже захватил Австрию и Чехословакию. Мюнхенский стговор окончательно убедил Сталина в том, что Запад не собирается останавливать Гитлера. 31 мая 1939 года Британия и Франция гарантировали неприкосновенность границ Польши. Но Сталин подозревал, что Гитлер получил не менее соблазнительные обещания. Он был уверен, что в случае нападения Германии на Советский Союз ему придется бороться в одиночку, не рассчитывая на чью-то помощь. И тогда он решил договариваться не со странами Запада, а с самим Гитлером. Пакт о ненападении между Германией и Росси-

ей был подписан 23 августа 1939 года. Этот документ позволил Сталину аннексировать восточную часть Польши. 1 сентября гитлеровские войска вторглись в Польшу. Многие польские интеллигенты бежали, в том числе и члены Еврейского антифашистского комитета, который Сталин использовал для получения поддержки со стороны Соединенных Штатов. Писатель Илья Эренбург был потрясен произошедшим. (2)

Накануне начала Второй мировой войны Ахматова оказалась в больнице. У нее воспалилась надкостница. Гаршин и Чуковская навещали ее. Хотя перенесенная Анной Андреевной операция была очень болезненной, она рассказывала о ней с юмором и с обоснованной гордостью: «Мне говорил потом Владимир Георгиевич [Гаршин], что доктор удивлялся моему терпению. А когда же мне было кричать? До — не больно; во время операции — щипцы во рту, не крикнешь; после — уже не стоит». (3)

Чуковской Ахматова призналась в более серьезных недомоганиях. У нее были затемнения в обоих легких, ее по-прежнему мучили головокружения и тошнота. Эти симптомы Ахматова приписывала болезни Меньера. 16 сентября Ахматова уже была дома, под присмотром врачей. В конце месяца в свои комнаты вернулись Пунины. Ахматова слышала, как Николай Николаевич кричал на своих домашних. Она полагала, что его раздражение вызвано безденежьем. К середине октября Ахматова выглядела очень плохо, ее бессонница стала практически постоянной. Ей было трудно есть. В ноябре она решила продать картину Бориса Григорьева (4), чтобы собрать деньги на поездку в Москву. Анна Андреевна не переставала хлопотать за Льва.

Несмотря на весь свой скептицизм относительно возможности публикации ее стихов, Ахматова уже

получила 3000 рублей из Москвы, а в январе 1940 года ее пенсию увеличили до 750 рублей в месяц. Если бы не арест Льва, Ахматова могла бы подумать, что власти изменили свое отношение к ней. То, что она так не думала, явно чувствуется по загадочной «Поэме без героя», работу над которой она начала той осенью.

Тем временем Гитлер переключился на Нидерланды и Францию. Блицкриг был стремительным и безжалостным. Франция сдалась 17 июня 1940 года. Сталин был поражен тем, что Франция не оказала Гитлеру практически никакого сопротивления. Ахматова тоже была глубоко разочарована. Известия из Лондона ужасали ее. Она продолжала с тревогой следить за событиями в Европе.

5 июля 1940 года Ахматова навестила Илью Эренбурга и прочла ему стихи о падении Парижа. Русские всегда любили этот город, и война ознаменовала собой конец целой эпохи. Над погибшим городом:

Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина. (6)

В 1940 году она написала стихотворение «Лондонцам», посвященное бомбардировкам Лондона. Разрушение Лондона Ахматова называет «двадцать четвертою драмой Шекспира»:

Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать. (7)

Поиски внутренних врагов по-прежнему не прекращались. Лидия Чуковская обнаружила за собой пристальную слежку. Судя по всему, интерес со стороны НКВД вызывали ее рукописи о 37-м годе и, в частности, роман «Софья Петровна». В мае 1941 г., за полтора месяца до вторжения гитлеровских войск

в Россию, Чуковская уезжает в Москву. Ее отъезд был связан и с желанием скрыться от слежки, и со стремлением оградить Ахматову. Кроме того, в Москве Чуковской предстояла операция. Ахматова приехала в Москву позднее. Она, как всегда, пыталась хоть чем-то помочь Льву. Анна Андреевна навестила Чуковскую в больнице.

Большинство сторонников Сталина утверждают, что соглашение с Гитлером было маневром, главная цель которого заключалась в том, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к грядущей войне. Однако, судя по всему, Сталин искренне надеялся на то, что ему удастся избежать войны с Гитлером. Он сознательно игнорировал все донесения разведчиков, утверждавших обратное. Сталин не мог позволить себе идти на поводу у Запада. Он считал, что Запад только о том и мечтает, чтобы вбить клин между Россией и Германией. Сталин избегал любых действий, которые могли бы не понравиться Гитлеру. Он инициировал несколько антисемитских кампаний, чтобы внушить доверие новому союзнику. Впрочем, использовать выигранное время с пользой Сталину так и не удалось. Даже когда 22 июня 1941 г. ему докладывали о том, что самолеты Люфтваффе бомбят русские города, что трехмиллионная германская армия вторглась в пределы России, Сталин продолжал требовать от своих военачальников, чтобы те не поддавались на провокации. Германские бомбы падали на Киев и Севастополь, а Сталин отдавал приказы не пересекать согласованных границ.

Пунин вспоминал, что узнал о начале войны от Ахматовой, которая вбежала к нему и сообщила, что по радио выступает Молотов. (8) Окна тут же заклеили полосками газеты, чтобы они не треснули во время бомбежки. Пунин сидел за письменным сто-

лом, Марта Голубева гладила что-то на кухне. Как ни странно это покажется, никто не подумал, что они могут погибнуть, хотя война означала смерть миллионов людей. Пунин считал, что этим война напоминала годы ежовского террора.

К 28 июня масштабы катастрофы стали окончательно ясны. Германские войска продвинулись на 300 миль от границы. В окружение попало более четырехсот тысяч человек. Войска вермахта захватили столицу Белоруссии Минск. Дорога на Смоленск была открыта. Немцы одерживали победы на всех фронтах. За три недели, прошедшие с начала войны, Россия потеряла два миллиона человек и три с половиной тысячи танков.

Жестокость захватчиков пробудила в русском народе исконный патриотизм. Германские идеологи считали славян, как и евреев, недочеловеками. Карательные отряды сгоняли крестьян в церкви и поджигали. Немцы грабили, убивали, насиловали. Ненависть к захватчикам была так сильна, что затмила все то, что происходило при Сталине.

Ленинград оказался на пути германских войск. Каждую ночь в городе выли сирены воздушной тревоги. Очень скоро город оказался в осаде. Но, несмотря на страшную опасность, Ахматова все же вернулась из Москвы. Писатели и художники активно участвовали в обороне Ленинграда. 8 сентября 1941 г. был захвачен Шлиссельбург, и кольцо осады замкнулось. Население Ленинграда стало гибнуть от холода и голода. К осени 1941 г. из осажденного города осталась только одна дорога — через Ладожское озеро, расположенное к северо-востоку от города. В северной части Ладога замерзала на два месяца, в южной — на четыре.

30 июня в городе началось создание дивизий на-

родного ополчения. Писатели и художники не могли остаться в стороне. Дмитрий Шостакович пытался записаться добровольцем, но его не взяли. Как-то вечером он исполнял основную тему Седьмой симфонии друзьям. Началась воздушная тревога. Дмитрий Дмитриевич отослал жену и детей в бомбоубежище, а сам продолжал играть, слыша далекие разрывы.

Поэтесса Ольга Берггольц каждый день выступала по радио. Ахматова тоже хотела выступить, но была слишком больна. Ее выступление записали дома. Лукницкий зашел к ней накануне выступления: «Она лежала — болеет. Встретила меня очень приветливо, настроение у нее хорошее, с видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить по радио. Она — патриотка, и сознание, что сейчас она душой вместе со всеми, видимо, очень ободряет ее». (9)

Выступила Ахматова очень просто и сдержанно: «Вся жизнь моя связана с Ленинградом — в Ленинграде я стала поэтом, Ленинград стал для моих стихов их дыханием... Я, как и все вы сейчас, живу одной непоколебимой верой в то, что Ленинград никогда не будет фашистским». (10)

Ахматова не только выступала по радио. Когда она чувствовала себя достаточно хорошо, то выходила на улицу с противогазом на плече, дежурила на крыше и даже шила мешки, которые потом наполняли песком и которыми обкладывали здания. Ахматова чувствовала громадное облегчение от того, что могла быть со своим народом, но она все же нуждалась в постоянной помощи.

Во время первой воздушной тревоги 8 сентября в одиннадцать часов вечера Пунины не стали уходить из квартиры, потому что «еще не казалось страшным... Мы погасили огни и стояли у открытого окна». (11) Но очень скоро стало ясно, что это не просто

тревога, а настоящий ужас. На город упали первые бомбы.

На следующее утро Ирина Пунина узнала, что одна из бомб упала на дом 22 на Фонтанке, где жил отец Марты Голубевой. Весь день выли сирены воздушной тревоги. Пунин сумел добраться до дома только вечером. Оказалось, что потолок рухнул, все здание было разрушено, а перед входом зияла огромная воронка. Оба этажа сошли с фундамента. «С того дня во все свободные часы мы перетаскивали оставшиеся там Тикины [Марты Голубевой] вещи ко мне». (12)

Поэтесса и писательница Вера Инбер вела дневник с первого до последнего дня осады. 16 сентября 1941 г. в ее квартире зазвонил телефон. Она подняла трубку, и молодой женский голос сообщил, что телефон отключается до конца войны. (13) Из дневников Инбер становится понятно, почему выступление Сталина по радио производило такое огромное впечатление. Дневники Веры Инбер — поразительное свидетельство истинного героизма ленинградцев.

16 сентября Анна Аренс и Марта Голубева были на работе. Ночью снова выла сирена воздушной тревоги, на город падали бомбы. Налеты не прекращались. Иногда немецкие самолеты бомбили город всю ночь, от заката до рассвета. Пунин писал в своем дневнике о количестве жертв: «Жертв много; за гробами очередь с вечера; ходят на переключку, как к билетным кассам в период весеннего разъезда; до кладбища возят на тележках. Норма хлеба — двести грамм в день; на рынках ничего нет. Некоторых я едва узнаю — так они похудели; многие постарели: осунулись и поседели. Скоро уже месяц, как мы окружены. На что «они» надеются, почему не сдают город?» (14) Хотя мысли о сдаче города вполне прагматичны, Пунин не понимал, чем это грозит городу. Те,

кто инстинктивно сопротивлялся захватчикам, были более мудры. В то время об этом никто не знал, но сдача города должна была привести к полному разрушению Ленинграда. Гитлер отдал приказ стереть город с лица земли. Когда изнуренные голодом и бомбежками жители сдались бы, и их самих, и их город следовало уничтожить. Гитлер не видел никаких оснований для существования этого огромного города после поражения России. (15)

После начала войны Зоя Томашевская и другие друзья семьи Пуниных посоветовали Николаю Николаевичу перебраться в подвалы Эрмитажа, где было более безопасно. Ахматова осталась в Фонтанном доме одна. Вечером 25 сентября Пунин записывает в дневник о том, что Ахматова «давным-давно» покинула квартиру на Фонтанке и теперь живет в доме ученого-пушкиниста Бориса Томашевского. Но Анна Каминская утверждает, что Пунины продолжали жить на Фонтанке до февраля 1942 г., то есть до отъезда в эвакуацию в Самарканд. (16) Как бы там ни было, но в записи Пунина о первой бомбардировке города 8 сентября 1941 г. никак не упоминается Ахматова. В дневнике Пунин пишет о реве самолетов, вое падающих бомб, о содрогающихся стенах зданий. Он признается: «В последнее время стал уходить в бомбоубежище Эрмитажа (Зимнего); там почти не слышно». (17) Когда бомбардировки усилились, Томашевский забрал Ахматову в свой дом на канале Грибоедова.

Ахматова переехала к Томашевским, потому что была напугана. (18) Некоторое время она жила с ними на четвертом этаже. Лифт не действовал. Потом управдом подыскал им более безопасное жилье в подвале. Е.И. Шварц подтверждает, что 28 сентября Ахматова действительно находилась в бомбоубежище

на канале Грибоедова. Ей уже предлагали уехать в эвакуацию, но она не хотела ехать одна. Ахматова предложила Ольге Берггольц стать ее спутницей, но Ольга категорически отказалась покинуть Ленинград. (19) Всю блокаду Ольга Берггольц оставалась в Ленинграде, работала на радио и вела дневник — в прозе и стихах.

Ахматова продолжала жить у Томашевских. Тяжелые каменные своды подвала защищали от бомбежек. Однажды, когда Ахматова возвращалась домой к Томашевским, началась бомбежка, и ей пришлось укрыться в соседнем подвале. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что это тот самый подвал, где раньше была «Бродячая собака». Подвал был заброшен, но легко узнаваем. Ахматова была поражена. В ее жизни вообще было много совпадений. Вечером к ней зашел Гаршин, принес немного продуктов. С Томашевскими ему было неудобно. Гаршин очень уставал на работе. Медикаментов не хватало, и бороться с болезнями и страданиями людей становилось все труднее.

25 сентября Гаршин зашел к Пунину, сообщил, что Ахматова послезавтра улетает из Ленинграда. Гаршин заплакал и сказал: «Ну вот, Николай Николаевич, так кончается еще один период нашей жизни». Пунин передал через него записку Ахматовой. Реакция Пунина была довольно спокойной: «Странно мне, что Аня так боится: я так привык слышать от нее о смерти, об ее желании умереть. А теперь, когда умереть так легко и просто? Ну пускай летит! Долетела бы только». (20)

250 | Перед отъездом Ахматовой из Ленинграда ее старая подруга, Надежда Чулкова, устроила ей безумно щедрый обед — омлет и кофе со сливками. (21) Нам даже трудно представить себе, что это значило в те

дни! Как-то раз Ахматова гуляла с ребенком Смирновых в саду, тревожно прислушиваясь к звуку далеких разрывов. И в этот момент она поняла, как неправильно прожила свою жизнь, насколько не готова оказалась к тяжким испытаниям, посланным Богом. Вот почему смерть так страшила ее. Это настроение особенно сильно чувствуется в «Поэме без героя».

28 сентября 1941 года Павел Лукницкий записал в дневнике, что Ахматова сообщила ему, что по указанию Александра Фадеева они с Зощенко эвакуируются (как она полагала, в Центральную Азию). Она была нездорова и слаба, но все же говорила с Лукницким о древних мифах, связанных с возрождением земли после ужасных катастроф. Эти мифы вселяли в нее надежду, несмотря на то, что город был уже полуразрушен. Ахматова улетела из Ленинграда в конце сентября. В самолете она написала:

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь,
И глядит из всех окон — смерть.

И стоит везде на часах
И уйти не пускает страх. (22)

2 октября Ахматова прислала Гаршину открытку с сообщением о том, что она благополучно добралась до Москвы и остановилась в квартире Самуила Маршака, детского писателя и переводчика. «Куда дальше? Я не знаю» (23)

Во время первых налетов Чуковская находилась на подмосковной даче в Переделкине. Она не вернулась в Ленинград. 28 июля 1941 г. Чуковская вместе с дочерью и четырехлетней племянницей уехала в Чистополь. В октябре 1941 г. Ахматовой предложили присоединиться к группе писателей, которые должны были отправиться из Казани в Чистополь. Узнав об этом, Чуковская записала в дневнике: «Ахматова в Чистополе! Это так же невообразимо, как Адмиралтейская игла или Арка Главного штаба — в Чистополе». (23*) Чистополь был маленьким, заброшенным городком в Татарии. Кое-где грязь была совершенно непролазной. Эвакуированным, в том числе и Чуковской, было очень трудно заработать себе на жизнь.

26 ноября Пунин сильно ослабел от голода, хотя ему повезло больше, чем многим, — он иногда получал овсяный суп и тушеную капусту в столовой Дома ученых. Остальным приходилось часами стоять на пронизывающем морозе за хлебным пайком. Бомбежки продолжались. От них часто гибли люди, стоявшие в очередях. «Но, может быть, голод страшнее. Уже многие падают на улицах и умирают. Гибнут главным образом те, у которых есть старики и дети. Хорошо быть одному в такое время. Один уж как-нибудь». (24)

В конце ноября бомба упала рядом с Фонтанным домом. В квартире вылетели все стекла. Пунин вернулся в дом, чтобы собрать кое-какие вещи. Там он встретил Гаршина, который собирал бумаги и вещи Ахматовой, намереваясь на санках перевезти их к себе. Верность и любовь Гаршина к Ахматовой в тот период не подлежат сомнению. Советские власти стремились вывезти из города как можно больше известных людей. Гаршин вполне мог эвакуироваться, но он предпочел остаться в Ленинграде с женой и детьми.

Марина Цветаева находилась в Москве. Она отчаянно пыталась найти друзей. Ее муж и дочь были арестованы. Когда начались бомбежки, она с сыном Муром эвакуировалась в Елабугу, где разместились члены Союза писателей. В августе 1941 года она приехала в Чистополь и умоляла писателя Николая Асеева найти ей хоть какое-то жилье. Несмотря на некоторые трудности, это удалось, но Марина Ивановна так и не смогла найти работу. Она вернулась в Елабугу и через несколько дней покончила с собой.

Депрессия Цветаевой была вызвана многими обстоятельствами. Она ничего не знала о судьбе мужа и дочери. Ее сестра, Анастасия, считала, что Марина могла покончить с собой в надежде на то, что Муру без нее скорее помогут. Однако Анастасия сама находилась в заключении и не могла объективно судить о происходящем. Мария Белкина, знавшая Цветаеву еще по Москве, считает, что ее самоубийство вызвано психическим заболеванием.

Когда Мур записал в дневнике: «Лишь немногие вспомнят обо мне добрым словом», он был прав. В большинстве воспоминаний его обвиняют в том, что он слишком мало ценил поэзию матери еще до отъезда из Франции. Да и благополучие матери в последние недели ее жизни мало волновало сына. Многие вспоминают о том, как сын и мать ссорились накануне самоубийства поэтессы. И тем не менее в предсмертной записке Марина Ивановна просит знакомых и друзей позаботиться о Муре.

Из дневников Цветаевой видно, что она утратила волю к жизни еще до отъезда из Москвы. Она уже писала в дневнике: «...я год уже (приблизительно) ишу глазами — кряк». И все же Лидия Чуковская, лично видевшая Цветаеву в Чистополе, полно-

стью отрицает возможность психической болезни. Напротив, несмотря на депрессию, во время разговора от нее исходила какая-то энергия, заражавшая собеседника.

Цветаева более двух лет почти ничего не писала. Ее дочь, Аля, вернувшись из лагерей, обвиняла в смерти матери Асеева: «Для меня Асеев — не поэт, не человек, не враг, не предатель — он убийца, а это убийство — похуже Дантесова». (25) Но как бы ни страшился Асеев помогать Цветаевой, все же он выхлопотал ей разрешение жить в Чистополе. Впрочем, даже когда Марине Ивановне сообщили радостные известия, ее внутреннее состояние не изменилось. Лидия Чуковская вспоминает, что Цветаева сказала ей: «Если и найду комнату, мне не дадут работать. Мне не на что будет жить... скажите, пожалуйста, почему вы думаете, что жить еще стоит?» (26) Чуковская помогла Цветаевой пройти по скользким доскам, перекинутым через грязь. Она порадовалась тому, что хотя бы Ахматова не здесь, потому что та вряд ли смогла бы вынести все это. Цветаева, находившаяся на грани срыва, поразилась этим словам, почему-то люди всегда считали ее гораздо более сильной, чем Ахматову.

Последнее письмо Цветаевой к Муру невыносимо печально:

«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик». (27)

Узнав о смерти Цветаевой, Ахматова была в отчаянии. Год назад она писала о самоубийстве Клеопатры, но, будучи истинной христианкой, не приняла подобного исхода для себя.

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.

И входит последний, плененный ее красотой,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»
Но шею лебяжьей все так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить. (28)

Чуковская надеялась на то, что Ахматовой удастся избежать Чистополя, но надежды не оправдались. Ахматова приехала. В длинной очереди на поезд, отправлявшийся из Москвы в Чистополь, рядом с ней стояли Борис Пастернак, Александр Фадеев, Самуил Маршак, актеры Вахтанговского театра. В поезде не было ни белья, ни каких-то удобств. Вместе с Ахматовой ехала и Маргарита Алигер. Я переводила ее стихи и несколько раз встречалась с ней в Москве и Кембридже. Это была невысокая, энергичная и очень серьезная женщина. Жизнь ее сложилась нелегко. Во время войны погиб ее первый муж. Несмотря на то, что отцом ее дочери был сам Фадеев, он не проявлял к ребенку никакого интереса. Алигер трудно было назвать красавицей, но она была очень привлекательна даже в зрелом возрасте.

Впервые Алигер встретила с Ахматовой у Ардовых в 1940 году. Ее пригласили в небольшую комнату, где обычно останавливалась Анна Андреевна. Алигер даже не заметила, насколько мала эта камор-

ка. «Ее одну я видела, комната была наполнена только ею». (29) Теперь же она ехала с Пастернаком и Ахматовой в одном поезде. Люди суетились, нервничали, но эти двое, казалось, ничего не замечали и были поглощены только своим разговором.

В Казани эвакуированные погрузились на пароход и отправились сначала по Волге, а потом по Каме в Чистополь. С Алигер, уже потерявшей на войне мужа, Ахматова могла говорить о войне, высказывать свои потаенные чувства. Она считала, что идет война между добром и злом, ей казалось, что страна выйдет из этой войны преображенной, что из мира исчезнет все «страшное и гнусное». В победе России Ахматова не сомневалась.

В холодном, одиноком Чистополе Ахматова узнала о том, что ей предстоит ехать в Ташкент. Но на этот раз она была не одна. На юг отправлялись также Лидия Чуковская и Елена Булгакова, а также замечательная актриса Фаина Раневская.

Всю долгую дорогу до Ташкента Ахматова смотрела в окно. Она была рада увидеть ту Россию, какой никогда не видела. К переменам, произошедшим в ее жизни, Ахматова относилась со странным безразличием. Иосиф Бродский, беседуя с Соломоном Волковым, назвал ее темперамент «флегматичным», используя это слово в средневековом значении.

Ахматова с Чуковской приехали в Ташкент 8 ноября и сразу попали в другой мир, совершенно не похожий на мерзлые степи Чистополя. Смуглые женщины на восточном базаре продавали сладости и плоские белые лепешки. Ахматова и Чуковская были поражены, увидев караван верблюдов, миндальные и абрикосовые деревья, море цветов. Ташкент был городом одноэтажным. Возле каждого домика свой садик. Лю-

ди работали и проводили время на улице, в тени шелковичных деревьев.

Корней Чуковский, отец Лидии, встретил их на вокзале, забрал детей с собой, а Чуковскую и Ахматову отвез в гостиницу. Через несколько дней Чуковская переехала к отцу, а Ахматовой выделили небольшую комнату в Общежитии для московских писателей. Комната была на верхнем этаже под самой железной крышей. Днем крыша раскалялась и в комнате становилось невозможно дышать. Ахматова прожила здесь до мая 1943 года. В том же доме жила Надежда Мандельштам. Как у всех эвакуированных, у них не было ни копейки. Они были вынуждены лишь смотреть на виноград и персики, не надеясь даже попробовать эти роскошные фрукты. Ахматовой более всего нравились огромные гроздья темного, фиолетового винограда.

Трудно сказать, насколько сильно она скучала по Гаршину. Он часто вспоминал ее, написал ей много писем, иногда присылал деньги. Его жена умерла от голода в первую же блокадную зиму. Рассказывая Ахматовой о ее смерти, Гаршин писал о своем одиночестве и о том, как сильно он тоскует по жене, которая была для него самым значительным человеком в жизни.

Четвертую «Северную элегию» Ахматова закончила в Ташкенте в марте 1942 года:

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась. (30)

Элегия начинается в Ленинграде, где «небо — как пылающая бездна». Ахматова видит знакомое окно Фонтанного дома, которое неблагосклонно следит за ней. Она вспоминает пятнадцать «гранитных» лет, которые провела здесь вместе с Пуниным, учась сама быть гранитом. Ее пугает звук собственного голоса в

темноте, голоса, напоминающего о счастье быть с тем, от кого она теперь ушла. И голос этот с горечью произносит:

Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй! (31)

Литературная жизнь в Ташкенте теперь была еще более оживленной, чем в Москве и Ленинграде. В город съехалось множество писателей. Здесь жили Жирмунский и Алексей Толстой. Здесь часто устраивались литературные вечера — чаще всего поэтические. Ахматова читала свои стихи, иногда выступала в госпиталях. Большинство писателей относилось к ней с почтением, но некоторые дамы-писательницы черной завистью завидовали уникальному соединению полной беспомощности и царственного величия. Чуковская продолжала каждый день навещать Ахматову, приносила ей продукты и уголь, стояла в очередях, чтобы отovarить карточки. Тем не менее именно в Ташкенте Ахматова и Чуковская поссорились и несколько лет не встречались. Сегодня понятно, что ссора была вызвана зародившейся дружбой между Ахматовой и Фаиной Раневской.

В декабре 1941 года Чуковская пишет в дневнике о том, что к Ахматовой пришла «совершенно пьяная» Раневская и привела с собой каких-то людей, которые помешали спокойной беседе. Но тогда же она признала, что Раневская растопила печь и сумела согреть комнату, а также «показала остроумие довольно высокого класса». Но Чуковской не нравилось поведение Раневской. Она считала, что, общаясь с ней, Ахматова начнет сильно пить.

17 апреля 1942 года Чуковская пишет о том, что Раневская с друзьями пришли навестить Ахматову, хотя та была совершенно больна. Чуковская видела, что гости утомляют Ахматову, поэтому приколола к

двери записку о том, что Ахматова работает. Большинство гостей, прочитав это, уходили, но Раневская все же вошла, что очень рассердило Чуковскую. Ее раздражало сквернословие актрисы. Недовольство Чуковской усиливало еще и то, что гостей Ахматова встречала очень сердечно, а ей самой пришлось мыть посуду и выслушивать раздраженные замечания Анны Андреевны. (32)

Но как бы груба ни была Раневская, к Ахматовой она относилась с огромным уважением. Несмотря на то, что они были знакомы много лет, она никогда не обращалась к Анне Андреевне на «ты». Раневская считала Ахматову великой женщиной не только за прекрасные стихи, которые она полюбила сразу же и навсегда, но и за готовность находить нечто необычайное в самых обыкновенных людях.

Когда Чуковская пришла навестить Ахматову 27 апреля 1942 года, в постели Анны Андреевны лежала Раневская. Они с Ахматовой были сильно пьяны. Когда Раневская начала просить у Ахматовой книгу в подарок, Ахматова взяла у Чуковской ту, что отдавала ей на хранение, и подарила актрисе. Чуковская пишет в дневнике: «Я опять обиделась». (33) Несмотря на явное пренебрежение чувствами подруги, нужно сказать, что, когда осенью 1942 года Чуковская заболела тифом, Ахматова ухаживала за ней, не жалея средств.

И все же Ахматова не желала слышать ничего плохого о Раневской. Чуковская с печалью записывает в дневнике: «С середины декабря 1942 года я перестала у Анны Андреевны бывать. И она более не посылала за мною гонцов». (34) В своих воспоминаниях о том времени Раневская пишет: «Мне известно, что в Ташкенте она просила Л. К. Чуковскую у нее не бывать, потому что Лидия Корнеевна говори-

ла недоброжелательно обо мне». (35) Не любила Раневскую и Надежда Яковлевна Мандельштам. Она писала Кузину, что вокруг Ахматовой складывается нездоровая обстановка — сплошные актрисы и закулисная жизнь.

Раневская, урожденная Фельдман, родилась в Таганроге в 1896 г. Ее отец Гирш Хаймович был довольно богат и имел несколько домов. Он занимал видное место в еврейской общине Таганрога. Фаина редко говорила о своих родных. Когда она решила стать актрисой, отец посоветовал ей сначала посмотреться в зеркало — актриса должна быть красивой. Нельзя сказать, что Фаина была некрасивой. Но когда Эйзенштейн предложил ей роль в «Иване Грозном», ему запретили ее снимать, поскольку ее внешность была слишком еврейской.

Несмотря ни на что, популярность Раневской была головокружительной. Фильмы с ее участием смотрел весь Советский Союз. Раневская была великолепным импровизатором, и Ахматова называла ее «Чарли» и «Чаплином в юбке». Творчеством Чаплина Ахматова всегда восхищалась. Раневскую узнавали на улицах. Она вспоминала: «В Ташкенте она [Ахматова] звала меня часто гулять. Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». (36)

О потрясающем остроумии Раневской дает представление книга Д. Щеглова «Фаина Раневская. Монолог». (37) Как-то подруга спросила ее, еврейка ли она. Раневская ответила: «Ну что вы говорите? У меня просто интеллигентное лицо». Многие фразы Раневской надолго запоминались слушателям. Поправляясь после инфаркта, она сказала: «Если больной очень хочет жить, врачи бессильны». Когда темпераментная молодая актриса заявила, что не сможет играть,

если жемчуга, которые она надевает в первом акте, не будут настоящими, Раневская заверила ее: «Все будет настоящим. Все: и жемчуг в первом действии, и яд в последнем». А молодому актеру она заявила: «Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!» (38)

Раневская не всегда была ироничной. Она очень тяжело переживала свое одиночество, хотя несла этот крест с достоинством и гордостью. Она была очень доброй женщиной. Неустроенность Ахматовой трогала ее. Фаине Георгиевне сразу захотелось чем-нибудь помочь:

«...В первый раз, придя к ней в Ташкенте, я застала ее сидящей на кровати. В комнате было холодно, на стене следы сырости. Была глубокая осень, от меня пахло вином.

— Я буду вашей *madame de Lambaille*, пока мне не отрубили голову — истоплю вам печку.

— У меня нет дров, — сказала она весело.

— Я их украду.

— Если вам это удастся — будет мило». (39)

Раневской удалось найти огромный засохший саксаул. Проходивший мимо человек с топором согласился разрубить дерево на поленья, чтобы те вошли в печку. Но тут Раневская вспомнила, что у нее нет денег. И этот человек все равно разрубил для нее дерево: «А мне и не надо денег, вам будет тепло, и я рад за вас буду, а деньги что? Деньги это еще не все». (40) Когда растопили печку, Ахматова вспомнила, что у нее есть картошка. Картошку сварили и съели с огромным удовольствием.

Раневская не скрывала своих лесбийских наклон-

ностей. Вполне возможно, что в ее тесной дружбе с Ахматовой в Ташкенте имелся и эротический оттенок. Сохранились воспоминания о том, что Раневская любила щекотать Ахматовой пятки, что доставляло той огромное удовольствие. Евгений Рейн считает, что ссора с Чуковской была связана с Раневской. Он говорит: «Возможно, в этой дружбе был элемент лесбийских отношений. Чуковская же была настоящей пуританкой». (41)

Анатолий Найман полагает лесбийскую любовь между Ахматовой и Раневской маловероятной. Я должна признать, что воспоминания Раневской об Ахматовой проникнуты чувством глубокой любви и привязанности и лишены какого-либо оттенка чувственности. Фаина Георгиевна любила душу подруги. О многом говорит и фраза, сказанная Раневской после смерти Ахматовой: «Тоска, тоска, я в отчаянии, такое одиночество. Где, в чем искать спасения?» (42) Когда те, кто знал о ее дружбе с Ахматовой, предлагали ей писать мемуары, она отвечала: «Не пишу, потому что очень люблю ее». (43). «Ленинград без Ахматовой для меня поблек, не могу себя заставить съездить на ее холмик взглянуть». (44)

В Ташкенте оказался и польский художник Юзеф Чапский, добровольцем записавшийся в польскую армию в 1939 году и арестованный советскими властями после заключения германо-советского пакта. Проведя два года в советских тюрьмах, в сентябре 1941 года Чапский был освобожден и прикомандирован к армии генерала Андерса. Весной 1942 года он работал в отделе пропаганды, который размещался в Янгиюле, в нескольких километрах к юго-востоку от Ташкента. Приезжая в город, Чапский познакомился с Алексеем Толстым, а потом на одном незабываемом поэтическом вечере встретил Ахматову.

Чапский пишет об Ахматовой так: «В тот вечер, о котором идет речь, Ахматова сидела у лампы, одетая в легкое простого покроя платье, нечто среднее между мешком и монашеской рясой; слегка подернутые сединой волосы были зачесаны назад и перехвачены цветным шарфом. Она, должно быть, была некогда очень красива со своими правильными чертами лица, классическим овалом и серыми глазами. Она потягивала вино и говорила мало и в какой-то немного странной манере, как будто наполовину подшучивая над самыми печальными вещами». (45) Ахматовой было легко общаться с молодым поляком. Он для нее был человеком другого мира, «из Зазеркалья». Ему можно было сказать все, забыв о цензуре, ставшей привычной для тех, кто жил при Сталине. Тем вечером Чапский переводил с листа стихи польских поэтов.

Ахматова обычно читала свои стихи тихим, несколько монотонным голосом. Чапскому ее чтение напомнило магические заклинания. Ее стихи о Ленинграде глубоко его растрогали. Характер отношений между Ахматовой и Чапским можно понять по стихотворению, входящему в цикл «Ташкентские страницы», написанному в 1959 году. В нем Ахматова вспоминает город, который мог быть Стамбулом или даже Багдадом, но никак не Варшавой и не Ленинградом:

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

В последней строфе Ахматова пишет:

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута. (47)

Ахматова говорила Чуковской, что это стихотворение навеяно встречей с Чапским. Однако в собственных мемуарах Чапский не пишет о том, что бывал у Ахматовой дома или оставался с ней наедине. Он называет Ахматову «довольно отстраненной дамой, с которой было трудно установить контакт». Вряд ли подобное замечание говорит о близких отношениях, хотя тут же Чапский добавляет: «Мне следовало узнать эту поэтессу лучше, увидеться с ней наедине. Но я не старался продлить наше знакомство». (48)

В 1998 году вышла статья профессора Саймона Франклина (49), в которой он высказывает предположение, что это стихотворение Ахматовой посвящено композитору Алексею Федоровичу Козловскому, влюбленному в нее в Ташкенте. Однако Ахматова в начале июня 1942 года именно Чапскому жаловалась на то, как трудно выяснить, что происходит со Львом. «Я целовала сапоги всех важных большевиков, чтобы узнать, жив ли он, но ничего не узнала». (50) За два месяца до этого она узнала, что Валя, старший сын ее соседей Смирновых, погиб во время бомбежки:

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда. (51)

Здоровье Ахматовой ухудшалось. В 1942 году она заболела тифом, а в 1943-м — скарлатиной. За ней ухаживали узбеки, многие из которых считали, что она наделена сверхъестественной мудростью. «Именно в Ташкенте я впервые узнала, что такое в пальций жар древесная тень и звук воды». (52)

Многие лучшие стихи Ахматовой тех лет окрашены легким бредом. Позднее, вспоминая эти дни, она написала «Нас четверо» — стихи, посвященные Цветаевой, Мандельштаму и Пастернаку. Но только одну из них она назвала по имени:

... Отступилась я здесь от всего,
 От земного от всякого блага.
 Духом, хранителем «места сего»
 Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
 Жить — это только привычка.
 Чудится мне на воздушных путях
 Двух голосов переключка.

Двух? А еще у восточной стены,
 В зарослях крепкой малины,
 Темная, свежая ветвь бузины...
 Это — письмо от Марины. (53)

19 февраля 1942 года семья Пунина вместе с семьями других сотрудников Института истории искусств была эвакуирована из Ленинграда. Пунин был очень плох, «близок к смерти», по воспоминаниям Каминской. Незадолго до эвакуации Пунин описывал в дневнике серебряно-белый город под зеленым небом, трупы, завернутые в простыни и лежащие прямо на улицах. Он прошел по набережной и долго стоял, глядя на купола Исаакиевского собора. Позолоту с куполов сняли, чтобы вражеские самолеты не могли по ним ориентироваться.

В грузовике Пуниных перевезли через замерзшее Ладожское озеро. Анне Каминской в то время было всего три года, но она до сих пор помнит тот ужас, который охватил ее, когда колесо грузовика провалилось под лед. К счастью, Анна Аренс поняла, что они уже недалеко от берега. Она побежала по трескающемуся льду за помощью. Каминская вспоминает, что все время они слышали сухие автоматные очереди.

Узнав о том, что Пунин будет проезжать через Ташкент по пути в Самарканд, Ахматова бросилась на вокзал, чтобы встретиться с ним. Зоя Томашевская вспоминает, как Ахматова ждала поезда в большом букете красных гвоздик. Она была счастлива

снова увидеть Пунина, несмотря на то что он был так плох, что мог не доехать до Самарканда. Пунин сумел остановиться в Ташкенте всего на день. Из Самарканда он написал Ахматовой очень нежное письмо:

«Мне кажется, я в первый раз так широко и всеобъемлюще понял Вас — именно потому, что это было совершенно бескорыстно, так как увидеть Вас когда-нибудь я, конечно, не рассчитывал, это было действительно предсмертное с Вами свидание и прощание. И мне показалось тогда, что нет другого человека, жизнь которого была бы так цельна и поэтому совершенна, как Ваша, от первых детских стихов (перчатка с левой руки) до пророческого бормотанья и вместе с тем гула поэмы». (54)

В том же письме Пунин пишет о том, что знает людей, осуждающих Ахматову за ее отношение к сыну. Становится ясно, что Анну Андреевну всегда окружали сплетни, которые могли дойти и до ее сына, даже в лагере. Пунин пишет: «Вы знаете, многие осуждают Вас за Леву, но тогда мне было так ясно, что Вы сделали мудро и, безусловно, лучшее из того, что могли выбрать (я говорю о Бежецке), и Лева не был бы тем, что он есть, не будь у него бежецкого детства». (54*) И в том же письме Пунин признает, что чувствует свою вину перед Львом.

Главная задача Пунина — описать то спокойное счастье, которое он всегда связывал с Ахматовой: «Вы казались мне тогда — и сейчас тоже — высшим выражением Бессмертного, какое я только встречал в жизни». (55) Ахматова очень ценила это письмо и всегда носила его с собой. Не каждой женщине удастся услышать от любимого человека такие слова. В своем дневнике 23 сентября 1942 года Пунин написал:

«Из больницы написал два письма Ан. Она оказа-

лась в Ташкенте и пришла к поезду, пока мы стояли. Была добра и ласкова, какой редко бывала раньше, и я помню, как потянулся к ней, и много думал о ней, и все простил, и во всем сознался, и как все это связалось с чувством бессмертия, которое пришло и легко на меня, когда я умирал с голода». (56)

4 января 1943 года Ахматова получила жизнерадостное письмо от Льва, первое после начала войны. Она тут же отправила телеграмму Ардову, из которой ясно, что она получала известия от сына через него. (57). Затем последовало еще несколько писем, в которых Лев сообщал, что здоров. В марте 1943 года пришло известие о том, что пятилетний срок заключения Льва Гумилева закончился. Лавров приводит письмо Ахматовой к Харджиеву о «телеграмме от Льва. Он здоров и поехал в экспедицию» (58) и критикует Ахматову за то, что та слишком спокойно ко всему относится и мало радуется. Разумеется, это было не безразличие, а страх. Лавров даже не пишет о том, как рискованно было писать или говорить что-то более определенное. В письмах к друзьям Ахматова никогда не упоминала о Льве.

Даже в 1943 году, когда срок заключения закончился, Льву не позволили покинуть Дальний Север. Ему было лишь разрешено участвовать в геологических экспедициях. Он стал получать небольшое жалованье. Одна из экспедиций, в которой он принимал участие, обнаружила большое месторождение железной руды. В награду он получил недельный отпуск в Туруханске. Лавров пишет (59), что эта поездка круто изменила жизнь Льва Николаевича. Ему удалось убедить военного комиссара отправить его на фронт. Несмотря на все тяготы военного времени, Льву нравилось в армии. Он проявил большую смелость — в точности как его отец. После лет, прове-

денных на Дальнем Севере, Льву «первая линия фронта показалась курортом». (60)

В мае 1943 года Ахматова перебралась в новый дом на Жуковской улице. Она поселилась в той комнате, где прежде обитала Елена Булгакова. Прямо над ней жила Надежда Мандельштам, которая в то время была очень внимательна и добра к Анне Андреевне.

В конце августа в Самарканд приехала Марта Голубева. Пунин раздраженно записывает в дневнике: «Стало ясно, что я не люблю ее; все, что было записано год тому назад, — иллюзорные чувства». (61) Возможно, в нем вновь проснулись чувства к Ахматовой. 6 октября он пишет своей племяннице о том, что окреп достаточно, чтобы провести восемь дней с Ахматовой в Ташкенте: «Она ничего — держится, все собирается лететь в Москву и никак не улетит. Была очень ласковая и добрая». (62)

Вернувшись, Пунин обнаружил, что Анна Евгеньевна заболела. До этого времени она была полна жизни и сил. Пунин пишет в дневнике: «Была полная перед болезнью, какой не была никогда в Ленинграде, — и сгорела в месяц. Накануне смерти — худа, как сама смерть. Может быть, в Ленинграде ее удалось бы спасти; здесь — нет; сердце было утомлено ночными дежурствами, кофеином и самаркандской трудовой нагрузкой... несмотря на большую активность, производила впечатление человека, очень усталого от жизни и как бы кончавшего с нею счеты». (63)

В субботу, 28 августа, Анна Аренс умерла. Узнав о ее смерти из письма Пунина, Ахматова разрыдалась. Раневская, нечасто видевшая Ахматову плачущей, спросила ее, что случилось. Ахматова только покачала головой. Она даже представить не могла, как тяжело будет переживать смерть жены Пунина.

24 февраля 1944 года Пунин записывает в дневнике свои впечатления от встречи с Ахматовой на пути в Ленинград. Его поезд остановился в Ташкенте. Ахматова вошла в вагон. Ее седеющие волосы покрывала меховая шапка. Она принесла всем подарки: Ирине — мыло, Ане Каминской — маленькую игрушечную собачку, а Пунину немного папирос. Но то, что она в разговоре называла Гаршина своим мужем, очень обидело Пунина. Возможно, поэтому он столь скептически отнесся к переживаниям Анны Андреевны в связи со смертью Гали: «Хотел бы узнать, какие мысли сопровождали это чувство». (64) Размышляя об умершей жене и о том, что она никогда не упрекала его в неверности, он пишет: «Она разлюбила меня ровно настолько, чтобы остаться со мной в условиях моей жизни». (65)

В Ташкенте Елена Сергеевна Булгакова подарила Ахматовой экземпляр великого романа «Мастер и Маргарита». Действие романа разворачивается в двух временных слоях: в Москве времен нэпа, где разгуливает говорящий кот, писатели дерутся за государственные дачи, ловкий волшебник обманывает доверчивых советских граждан, охочих до западных благ, и в Иудее во времена распятия Христа. Главный герой романа, Мастер, пишет роман о Понтии Пилате и о Христе. Естественно, что цензура роман запрещает. Роман оказался пророческим. Слова Мастера о том, что «рукописи не горят», сбылись. Роман был издан в России в 60-е годы.

В 1943—1944 годах Ахматова работала над пьесой «Энума Элиш». В переводе с древневавилонского это название означает «Когда вверху». Пьеса состояла из трех частей. Последняя называлась «Сон во сне». Ахматова сожгла рукопись и так и не смогла восстановить текст после войны. Раневская вспоминала,

что Ахматова пыталась сделать это много лет спустя, в Ленинграде. Она утверждала, что в пьесе были предсказаны многие ужасные события, произошедшие в жизни Анны Андреевны в послевоенные годы.

В январе 1944 года осада Ленинграда была окончательно снята, и Ахматова получила разрешение вернуться домой. Ей хотелось вновь оказаться рядом с Гаршиным. В Ташкенте она постоянно получала его письма. В одном из них он рассказал о том, как его жена умерла прямо на улице. В этом письме Гаршин назвал жену главной женщиной своей жизни. Подобное замечание не порадовало Ахматову. Но Гаршин просил ее выйти за него замуж. Анна Андреевна устала жить в чужих домах и дала согласие. Она согласилась даже принять его фамилию.

Ахматова была настолько уверена в их совместном будущем, что рассказала о своих планах друзьям в Ташкенте. 15 мая она вылетела в Ленинград, но по пути остановилась в Москве у Нины Ольшевской. Она читала стихи. Все, кто ее видел, были поражены ее энергией и силой. Ахматова не носила больше знаменитой челки, а после тифа, по словам Раневской, она стала «катастрофически толстой». (66) Алигер вспоминала, что никогда не видела Ахматову такой молодой и счастливой.

Гаршин встречал ее на вокзале в Ленинграде. Ахматова приехала в середине июня. Ее сопровождали друзья. Владимир Георгиевич обещал, что найдет для них новую квартиру, поскольку жить в старой комнате Ахматовой в Шереметевском дворце было невозможно. В Фонтанном доме не было воды, света и газа. Окна были разбиты, потолок местами обрушился. Муж Ольги Берггольц, Георгий Макогоненко, помог отремонтировать квартиру Ахматовой, но жить там было слишком неуютно.

Вскоре выяснилось, что надежда на брак с Гаршиным рухнула: он больше не был тем человеком, которого Ахматова когда-то знала. Во время осады ему пришлось стать свидетелем чудовищных ужасов — голода, страданий, даже каннибализма. Сумрачность его вида не удивила Ахматову. Она не собиралась его бросать. Однако в первом же разговоре выяснилось, что Гаршин изменил свои планы.

У Ахматовой иных планов не было. Всю свою будущую жизнь она связывала с Гаршиным. Встретившись на вокзале, они минут десять поговорили, а потом Ахматова вернулась к друзьям и спокойно объяснила, что ситуация изменилась и она поедет к Рыбаковым. Только через полтора месяца она нашла в себе силы сообщить Нине Ольшевской: «Желаю вам всем хорошего здоровья. Я живу одна. Спасибо за все. Ахматова». (67) Вслед за этой телеграммой отправилась вторая, в которой Ахматова писала о том, что Гаршин психически болен.

Состояние Гаршина было совершенно естественным для человека подобного склада, пережившего ужасы осады. Он обнаружил тело своей жены, умершей на улице, в морге. Крысы съели ее лицо, и узнать ее он смог только по одежде. Но оставил Ахматову он не только по этой причине. Оказалось, что он женился на Капитолине Григорьевне Волковой. Новые исследования доказывают, что Гаршин очень сблизился с Волковой после смерти своей жены. Жена, предчувствуя близкую смерть, не раз советовала ему жениться на Капитолине Григорьевне. Та смогла бы присматривать за ним и заботиться о нем. (68) После 1943 года он стал навещать ее каждый день. Похоже, Волкова была доброй женщиной, хотя романтических отношений между ними не было. Дочь Гаршина никогда не упоминала о психическом забо-

левании отца, развившемся в годы блокады Ленинграда.

Ольга Рыбакова указывает на то, что Гаршин женился на Волковой не в годы осады, как болтали сплетники, а уже после встречи с Ахматовой. Капитолина Григорьевна вовсе не была «молодой медсестрой». Профессор Волкова родилась в 1889 году (69), то есть была ровесницей Ахматовой. От этого история становится менее банальной, но не менее болезненной. Каминская рассказала мне о том, что Гаршин не захотел жениться на Ахматовой, потому что увидел во сне свою первую жену, которая запретила ему делать это. Ту же версию подтверждает и Рыбакова. Она пишет, что накануне приезда Ахматовой Гаршин рассказал ей о том, что ему часто снится покойная жена, которая каждый раз предостерегает его от брака с Ахматовой.

Ряд исследователей, в том числе и Ю.И. Будыко, утверждают, что Ахматова пришла к Гаршину в больницу после разрыва и закатила ему настоящую истерику. Н.И. Гаршина вспоминает о том, что Владимир Георгиевич сам рассказывал об этом жене. И все же он продолжал чувствовать себя ответственным за жизнь Ахматовой и терзался чувством вины. Когда она жила у Рыбаковых, он в течение двух недель каждый день навещал ее, пытался объяснить свое поведение. Но однажды он сказал что-то, что вывело Анну Андреевну из себя. После этого она окончательно вычеркнула его из своей жизни. (70) Одна из частей «Поэмы без героя» была посвящена Гаршину, но после разрыва Ахматова сняла это посвящение. Мать Рыбаковой по просьбе Анны Андреевны побывала у Гаршина и забрала все ее письма к нему. Все письма Ахматовой и Гаршина были уничтожены.

У Ахматовой возникли и другие серьезные про-

блемы. В мае 1944 года Ахматова показала Эмме Герштейн недавно полученные фотографии Льва. Его красивые серые глаза стали угрюмы. Герштейн, все еще влюбленная в Льва, попросила его адрес: «Мне захотелось его известить, что я существую, невредима, несмотря на бомбежки Москвы и невзгоды военной тыловой жизни. Но Анна Андреевна не дала мне точного адреса сына. Тогда я совершила недостойный поступок. Как только она вышла зачем-то из моей комнаты, я открыла ее сумочку, где она хранила заветные письма (всегда носила с собой), и списала адрес, вернее, номер почтового ящика». (71) Получив ее письмо, Лев ответил все с той же горечью в отношении матери. В феврале 1945 года он писал:

«Вы вряд ли можете себе представить, как мне было обидно уезжать из Москвы, не повидавшись с Вами. Посредственным утешением может быть только надежда, что война скоро кончится и я знакомой дорогой приду веселый и живой. Жить мне сейчас неплохо. Шинель ко мне идет, пищи — подлинное изобилие, иногда дают даже водку, а передвижения в Западной Европе гораздо легче, чем в Северной Азии... Мама мне не пишет, это грустно. Напишите, я буду рад получить письмо от Вас». (72)

12 апреля он пишет более жизнерадостно, но вновь выражает свое разочарование из-за того, что мать ему не пишет: «Воюю я пока удачно: наступал, брал города, пил спирт, ел кур и уток, особенно мне понравилось варенье... Мама мне не пишет. Я догадываюсь, что снова стал жертвой психологических комбинаций». (73)

Четыре месяца до демобилизации Лев провел в окрестностях Берлина. Он по-прежнему обижался на то, что мать ему не пишет. Лев всегда считал, что Анна Андреевна заботится лишь о себе, а о нем со-

всем не думает, и это отравляло ему жизнь. Эти обвинения были несправедливы, потому что Ахматова никогда не думала о собственном благополучии. И все же Лев был уверен в том, что мать могла бы помочь ему, если бы захотела. В этом его убеждали следователи. Ахматова говорила, что мучители «уничтожили душу» сына.

Но почему она не писала? Возможно, письма просто не доходили... Но Герштейн говорит о том, что после казни Гумилева Ахматова практически перестала переписываться с друзьями. Молчание Ахматовой было связано с неким суеверием. Она считала, что все ею написанное приносит несчастье людям.

Глава 13

МИР

Чего они от меня хотят, от меня
и от Левы?

Ахматова

Тридцатого апреля 1945 года в Ленинграде сняли затемнение, а двумя днями позже советский флаг взвился над Рейхстагом. 8 мая 1945 года был объявлен конец войны. Вся Россия праздновала победу, и Ахматова, несмотря на крушение надежд на совместную жизнь с Гаршиным, тоже несказанно радовалась. В Ташкенте ее внешность кардинально изменилась. Впрочем, многие, в том числе и Эмма Герштейн, находили ее по-прежнему красивой. Ахматова более не говорила о разрыве с Гаршиным, лишь изредка упоминала о его психическом заболевании. (1)

Ленинград был почти полностью разрушен германскими бомбардировками. Обрушенные потолки и разбитые окна в Фонтанном доме починили, но за время осады квартира очень пострадала. Те, кто жил в ахматовской комнате после того, как в сентябре 1941 года она уехала в эвакуацию, сожгли все, что было возможно, чтобы согреться. Сгорела почти вся мебель, сгорели книги. Счастье еще, что в отношении к вещам Ахматова была такой же, как Цветаева, как-то назвавшая себя «ни единой вещи не чтившей в сем вещественном мире дутым!». (2)

24 июля 1944 года поездом в Ленинград вернулись Пунин с дочерью и внучкой и Марта Голубева. Они привезли с собой кошку — до Ташкента дошли

слухи о том, что в Ленинграде всех кошек съели. Но, как оказалось, в саду Фонтанного дома обитает множество кошек.

Многое в их квартире осталось прежним. Веревка, на которой Анна Аренс сушила чулки, осталась на месте. Пунин остро переживал смерть жены. Ахматова, все еще жившая у Рыбаковых, часто его навещала, хотя вернуться в Фонтанный дом окончательно решила лишь в феврале 1945 года. Как всегда, она тревожилась о Льве, который все еще был на фронте. Осмеркин, когда-то написавший ее портрет, и Иогансон пришли повидаться с ней вскоре после ее возвращения и принесли с собой шампанское и крабов. Ахматова пила из своей узбекской пиалы и слегка охмелела. Когда гости ушли, Пунин вернулся, чтобы помочь убрать посуду. Ахматову он застал в слезах. Осмеркин сообщил ей о том, что Лева попал в штрафной батальон, а во время войны это было равносильно смертному приговору: «Чего они от меня хотят, от меня и от Левы... они не успокоятся, пока не убьют его и меня... Что он видел, мой мальчик? Он никогда никаким контрреволюционером не был... Способный, молодой, полный сил...» (3)

Комната Ахматовой в пунинской квартире всегда была обставлена очень скромно. Но все же ее маленький столик, три или четыре стула, деревянный сундук и диван уцелели. Когда навестить Ахматову пришел Эренбург, он был счастлив снова увидеть тот же маленький столик красного дерева, который видел еще двадцать лет назад. Эренбург писал, что вся атмосфера этой комнаты напомнила ему 1913 год. Рисунок Модильяни, который Ахматова забирала с собой в эвакуацию, снова висел на стене.

В четырех комнатах пунинской квартиры теперь обитало еще больше народу. Марта Голубева стала

женой Николая Николаевича. В квартире жили дочь Пунина, Ирина Каминская, муж которой погиб в годы войны, и внучка Аня. Несмотря на теплое письмо, написанное Ахматовой из Самарканда, теперь Пунин был частью другой семьи. Он часто забывал о своей прежней любви.

Много лет спустя Лев Гумилев вспоминал, что короткий период войны и те четыре месяца, что прошли после Победы, были самым счастливым временем его жизни. В ноябре 1945 года после демобилизации он вернулся в Ленинград, чтобы продолжить обучение на историческом факультете университета. За четыре месяца он успешно закончил обучение экстерном и защитил диплом. Все это время он жил у матери. В апреле 1946 года ему разрешили поступить в аспирантуру. В тот период отношения Льва с матерью были теплыми, хотя позднее, вспоминая это время, он писал Эмме Герштейн: «Я не могу забыть, как трудно было найти тон для общения в 45 г. и своего недоумения также не могу забыть». (4)

Ахматова больше не виделась с Гаршиным. Алигер вспоминает, как однажды он пришел к ее двери. «Вы пришли как раз вовремя, — искренне воскликнула Ахматова. — Я чувствую себя больной, а в доме нет никого, кто мог бы вызвать доктора. Как хорошо, что вы можете хотя бы измерить мой пульс». Кто знает, зачем приходил Гаршин? Возможно, из сожаления и симпатии. Может быть, за этим визитом стояло нечто большее. Больше они не встречались». (5)

Ахматова отлично знала, что за ней продолжали следить. В первые же недели после возвращения в Ленинград она сожгла написанную в Ташкенте пьесу. Ахматова по-прежнему боялась переносить «Поэму без героя» на бумагу. Одна из осведомительниц писала об Ахматовой так:

«Знакомств у Ахматовой множество. Близких друзей нет. По натуре она добра, расточительна, когда есть деньги. В глубине же холодна, высокомерна, детски эгоистична. В житейском отношении — беспомощна. Защитить чулок — неразрешимая задача. Сварить картошку — достижение. Несмотря на славу, застенчива...» (6)

Хотя Ахматову постоянно окружали люди, хотя в Союзе писателей в Москве ее принимали восторженно, она всегда оставалась очень одинока. Для нее было важно, чтобы люди приняли ее стихи. В 1944 году Ахматову пригласили участвовать в вечере «Альманах муз» в Союзе писателей. Когда Прокофьев помог ей подняться на сцену, в зале началась настоящая овация. В тот вечер ее видела молодая переводчица Софья Казимировна Островская, которая слышала выступление Ахматовой еще в 1921 году. Ее поразило то, что Ахматова сумела сохранить ту же царственную осанку и поступь. (7) Закончив чтение, Ахматова несколько минут стояла на сцене в полном одиночестве — высокая, гордая женщина, за плечами которой было столько печалей и утрат. (8)

В конце 1945 года в «Литературной газете» напечатали интервью с Ахматовой. Анна Андреевна с гордостью сообщила о том, что в начале 1946 года в Гослитиздате должен выйти сборник ее стихов. Несмотря на ту радость, которую дарило ей осознание своей поэтической силы, Ахматова продолжала грустить о прежнем Петербурге и о Царском Селе:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов...

Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец... (9)

Пятую «Северную элегию» Ахматова закончила в сентябре 1945 года, хотя работать над ней начала еще в Ташкенте. Но возможно ли, чтобы девочка-подросток позавидовала «горькой славе» знаменитой поэтессы?

После следующего поэтического вечера Софья Островская подошла к Ахматовой, чтобы поблагодарить ее за возвращение и «просто за то, что она выжила». Софья Казимировна извинилась за то, что не написала письма, чтобы рассказать, как она и ее мать любили стихи Ахматовой. Она просто постеснялась, решив, что у знаменитой поэтессы и без того достаточно широк круг знакомых и почитателей. Ахматова печально ответила: «...Вы ошибаетесь — сильно ошибаетесь... Я совершенно одна. Город пуст для меня. Здесь никого нет». (10)

Островская была женщиной образованной и обаятельной. Она всю жизнь вела дневник, но большая его часть еще в тридцатые годы была сожжена. Тогда Софья и ее брат были арестованы. Блокаду Островская провела в Ленинграде, поскольку не могла бросить больную мать. Мысль о том, что хотя бы часть ее дневника сохранилась, приводила ее в настоящий ужас. К моменту встречи с Ахматовой Софья Казимировна Островская была членом секции переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей.

Островская относилась к Ахматовой возвышенно-романтически, но порой ее наблюдения даже слишком несентиментальны, особенно когда она описывает «средневековую» красоту Анны Андреевны. Она замечает горечь в ее улыбке. Она видит беспорядок в ее комнате. От нее не ускользает, что Ахматова плохо одета, что у нее сваливаются тапочки. (11) Островская замечает и то, что Ахматова несчастлива как женщина, потому что все мужчины бросали ее. (12)

Одиночество Ахматовой бросалось в глаза. Столь же заметна была и ее настороженность. Островская не раз замечала ее взгляд — быстрый и враждебный. (13)

Если верить воспоминаниям Островской, Ахматова не только прониклась к ней симпатией, но даже несколько раз приглашала в гости. Ахматова в воспоминаниях Островской во многом напоминает портрет, созданный Лидией Чуковской. А ведь воспоминаний Чуковской Островская читать не могла. Например, когда Софья поинтересовалась у Ахматовой, тепло ли в ее комнате, Ахматова ответила: «Когда включают отопление, то да». Островская скрупулезно записывает рассказы Ахматовой о вспыльчивости Пунина, о его бесчувственности и жестокости (он не спешил пригласить Ахматову встретить Новый год в кругу семьи и разозлился, когда выяснилось, что Анна Андреевна уже сговорилась с Островской). Однако утверждения Островской о том, что Ахматова склоняла ее к лесбийской любви, делают ее воспоминания абсолютно неприемлемыми для искренних поклонников поэтессы. (14) Надо сказать, что друзья Ахматовой никогда не упоминали имени Островской, хотя имя Раневской под запретом никогда не было.

Новый, 1946 год Ахматова встречала с сыном и с Островской. Ахматова читала «Поэму без героя» (15) и пыталась выяснить, как много поняла Софья Казимировна. Островская правильно угадала героиню первой части — Ольгу Судейкину. В своих воспоминаниях она пишет, что Ахматова неблагоприятно отзывалась о Вере Инбер. Островская предполагает, что именно после этого чтения Ахматова решила снять посвящение Гаршину со своей поэмы. Софья Казимировна не раз довольно резко пишет о бисексуальности Ахматовой и о ее суетных мыслях о посмертной славе. (16)

17 июля Островская и Ахматова провели вместе. Они пили водку, ели крабовый салат. В этот период финансовое положение Ахматовой заметно улучшилось. Она получала пенсию, почти в два раза превышающую размер профессорского жалованья. Как всегда, она, не задумываясь, раздавала деньги тем, кто обращался к ней с просьбой. Деньги ей были не нужны. Ей нужна была любовь.

Описывая лесбийские наклонности Ахматовой, Островская делает вид, что не обращала на это внимания, но несколько раз пишет о том, что Ахматова вела себя абсолютно недвусмысленно. (17) Собственную гомосексуальность Островская отрицает, но очень трудно представить, чтобы подобные отношения — если они, конечно, были в действительности — развивались без согласия. Удивительно, что Островская ничего не пишет о своей реакции на поведение Ахматовой, что делает ее воспоминания весьма сомнительными. А вот пристрастие Анны Андреевны к водке подтверждают и другие друзья и знакомые поэтессы.

Ахматова, которой было уже за пятьдесят, встретила последнюю любовь своей жизни. В 1945 году Исая Берлин был назначен первым секретарем британского посольства в Москве. Известный историк, окончивший Оксфорд, обладавший неподражаемым обаянием, во время войны работал в Соединенных Штатах. Его задачей было склонить Америку к вступлению в войну. Его способность устанавливать контакты и писать исключительно точные и яркие донесения произвела глубокое впечатление на Уинстона Черчилля.

Берлин родился в России. В 1920 году, когда ему было одиннадцать, семья эмигрировала на Запад. То,

что он своими глазами видел на улицах России, на всю жизнь окрасило его представления о европейской истории. Берлин стал известным ученым, трудился в Оксфорде и занял почетное место в Британской академии. Во время поездки в Россию в 1945 году ему предстояло составить отчет о состоянии американско-советско-британских отношений для Министерства иностранных дел. Это поручение он принял с энтузиазмом.

Берлин заметил, что за ним повсюду следили, но отнесся к этому довольно спокойно, считая, что худшие дни террора остались в прошлом. Он с радостью встретился со своими родственниками, проявив необоснованный оптимизм, в чем очень скоро пришлось убедиться¹. В Москве Берлин встретился с Корнеем Чуковским, через него познакомился с Борисом Пастернаком.

В ленинградских книжных магазинах в то время можно было купить редкие букинистические книги, с которыми ленинградцы расставались в годы блокады, и это чрезвычайно привлекало библиофила Берлина. Он остановился в роскошной, хотя и пришедшей в упадок гостинице «Астория». Берлин обратил внимание на то, что люди на улицах выглядят более изможденными и оборванными, чем москвичи. Большинство дворцовых фасадов было испещрено следами осколков снарядов. На следующий день после приезда Берлин и его помощница из английского посольства, Бренда Трипп, отправились в «Книжную лавку писателей». Директор магазина Геннадий Рахлин пригласил их в свое святилище. Рахлин был очень ин-

¹ Встреча с Берлином стала одним из обвинений, выдвинутых против его двоюродной сестры, которая впоследствии была арестована.

тересным человеком. Лысеющий рыжий еврей мог достать билеты в любой театр, на любую лекцию, мог познакомить с иностранцами. Многие ленинградские писатели пользовались его услугами.

В магазине Берлин разговорился с критиком Владимиром Орловым и спросил его о судьбе некоторых ленинградских писателей. Он вспомнил Михаила Зощенко, чьи рассказы очень любил. Бледный, слабый, очень худой Зощенко как раз тоже оказался в магазине. Берлин расспрашивал Орлова и об Ахматовой. Он даже не представлял, что она все еще жива. Орлов спросил, не хочет ли Берлин встретиться с Ахматовой, и по телефону договорился о встрече. Берлин вспоминает, что это предложение прозвучало для него так же неожиданно, как если бы кто-то предложил ему встретиться с Кристиной Россетти. Встреча была назначена на три часа дня.

Ахматова приняла Берлина, как королева: статная, с проседью в волосах, в белой шали, накинутой поверх темного платья. Берлин знал о ней лишь то, что она входила в круг «Бродячей собаки». Он не читал ни одного ее стихотворения, написанного после 1925 года. Сначала беседа не клеилась, но потом, когда они разговорились, Берлина громко позвал кто-то со двора. Оказалось, что это друг Берлина, Рэндольф Черчилль. Сам по себе эпизод казался довольно абсурдным, но он мог иметь опасные последствия. Рэндольф нуждался в помощи Берлина, поскольку он не владел русским языком, а ему нужно было пристроить в холодильник купленную икру. Агенты же, следившие за Берлином, сделали далеко идущие выводы из того, что Рэндольф был сыном английского премьера.

Смущенный Берлин извинился перед Ахматовой и вернулся в отель разбираться с икрой. Оттуда он

снова позвонил Ахматовой. Анна Андреевна предложила ему прийти в девять вечера. Как страстно она ждала его прихода, мы можем понять по нескольким стихотворениям, связанным с этой встречей. Но встретиться наедине им не удалось. К Ахматовой пришла ученица Шилейко, специалистка по ассирийским древностям. Остаться наедине Ахматовой и Берлину удалось только около полуночи.

И тогда их беседа потекла совершенно свободно. Берлин смог рассказать Ахматовой о ее близких друзьях, эмигрировавших на Запад. Артура Лурье он встречал в Нью-Йорке. С Борисом Анрепом знаком не был, но видел его мозаики в Национальной галерее. Берлин был очень дружен с Саломеей Андрониковой и ее мужем, русским юристом Александром Гальперном. Берлин стал для Ахматовой звеном, связывавшим ее с забытым прошлым. И она откровенно рассказала ему о своей жизни: о детстве, проведенном на Черном море, о браке с Гумилевым. «У нее были слезы на глазах, когда она рассказывала об ужасных обстоятельствах его смерти». (18) Рассказала Ахматова и о втором аресте сына (в марте 1938 года), об аресте Пунина и трагической судьбе Мандельштама. Потом она стала читать свои стихи — в том числе и «Реквием». Но, как ни просил гость, Ахматова отказалась дать ему рукописи этих стихов. Берлин понял, что судьба подарила ему встречу с гением, и Ахматова это почувствовала. Возможно, более всего ее возбуждало его восхищение. Она призналась, что очень одинока. Хотя они даже не касались друг друга, эротический накал этой встречи был невероятно силен.

В три утра вернулся Лев, который был всего на три года младше английского гостя. Он предложил

Берлину вареную картошку — единственную пищу, которая нашлась в доме. Берлин заметил поразительную начитанность и образованность Гумилева. Ни арест, ни тюрьма не повлияли на этого человека. Они поужинали, Берлин немного побеседовал с Гумилевым. У него сложилось впечатление, что мать и сын глубоко привязаны друг к другу. После этого Берлин и Ахматова вновь остались наедине.

Берлину понравилась переменчивость поведения Ахматовой. Иногда она была настоящей царицей, потом отпускала саркастические замечания, становилась то едкой, то веселой. Они проговорили всю ночь. Утром Берлин поцеловал Ахматовой руку и откланялся. Бренда Трипп, работавшая в Британском Совете, вспоминала, что тем утром Берлин постоянно твердил: «Я влюблен, я влюблен». (19)

В первом стихотворении цикла «Cinque», датированном 26 ноября 1945 года, Ахматова пишет о своей радости.

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но, живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил. (20)

Даже 20 декабря у нее в сознании звучали отрывки их ночного разговора. В другом стихотворении, написанном в этот день, она пишет:

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса твоя,
Вот отчего! (21)

В последний раз они встретились 3 января 1946 года, когда Берлин остановился в «Астории» по дороге в Хельсинки. Днем он позвонил ей. Ахматова была одна и ждала его. Она подарила ему экземпляр «Белой стаи», надписав: «И. Б., которому я ничего не сказала о Клеопатре», и еще один сборник своих стихов. На другой книге она написала новое стихотворение, которое впоследствии стало вторым в цикле «Cinq». В нем она вновь вспоминает их ночной разговор. Берлин подарил ей «Замок» Кафки на английском языке и сборник стихов Ситвелл (Эдит Ситвелл).

Спустя несколько дней после отъезда Берлина в дом Ахматовой нагрянула милиция. Ахматова выступала на поэтическом вечере. Лев остался дома. Он слышал в верхней квартире стук и жужжание дрели. Потом с потолка посыпалась штукатурка. Как любой советский человек, Лев сразу же понял, что устанавливаются микрофоны. Они снова оказались в опасности. 28 февраля 1946 года Московский литературный фонд выделил Ахматовой три тысячи рублей, чтобы она могла поехать в санаторий. За финансовую поддержку Ахматова была благодарна, но о микрофонах на потолке никогда не забывала.

6 января она написала четвертое стихотворение из цикла «Cinq», явно навеянное встречей с Берлином. В нем появляется чувство горечи от осознания того, что у этой любви нет будущего. Главное теперь — оставить его с памятью об этой встрече:

Что тебе на память оставить
 Тень мою? На что тебе тень?
 Посвященье сожженной драмы,
 От которой и пепла нет,
 Или вышедший вдруг из рамы
 Новогодний страшный портрет? (22)

Любовь к Берлину не ослабевала, и 11 января она пишет об этом дурмане с некоторым недоумением. «Не дышали мы сонными маками», — начинает она свое стихотворение, а заканчивает его такими словами:

И какое незримое зарево
 Нас до света сводило с ума? (23)

Один из самых печальных и красивых стихов Ахматовой — «Во сне» из цикла «Шиповник цветет». Он датирован 15 февраля 1946 года. Судя по нему, боль от расставания с Берлином оказалась еще острее, чем страдания от разлуки с Анрепом:

Черную и прочную разлуку
 Я несус с тобою наравне.
 Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
 Обещай опять прийти во сне.
 Мне с тобою как горе с горою...
 Мне с тобой на свете встречи нет.
 Только бы ты полночною порою
 Через звезды мне прислал привет. (24)

Некоторое время положение Ахматовой в литературных кругах оставалось достаточно прочным. Она выступила на вечере в ленинградском Доме ученых. Представлял ее Борис Эйхенбаум. 19 марта состоялся еще один вечер, и Эйхенбаум произнес еще более восторженную речь. На поэтическом вечере, состоявшемся в апреле в Колонном зале в Москве, публика замерла, случая Ахматову. Когда Эренбург напомнил ей о том, как восторженно принимала ее публика, Ахматова отмахнулась. «Я этого не люблю, —

сказала она. — Но самое главное, что они этого тоже не любят». В этом она была абсолютно права, хотя сама не сознавала степени своей правоты.

11 июля Ахматова выступала на Ленинградском радио. После передачи ей стали приходить многочисленные письма с благодарностью за прекрасные стихи. 7 августа она читала стихи о Блоке, и снова была овация. Но через два дня стихи Ахматовой подверглись официальному осуждению.

То, что встреча Ахматовой с Берлином положила начало холодной войне, как часто говорила сама Анна Андреевна, граничит с манией величия. В марте 1946 года Черчилль уже говорил о железном занавесе, которым необходимо отгородить Россию от остальной Европы. Отношения Ахматовой с властью снова обострились. Говорили, что, прочитав доклад осведомителя, Сталин проворчал: «Значит, наша монахиня принимает визиты иностранных шпионов». (25)

9 августа 1946 года состоялось экстренное заседание исполкома Союза писателей. На нем выступил Андрей Жданов. Вот что сказал он о стихах Ахматовой:

«Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке «расширенного воспроизводства». (...) Анна Ахматова является одним из представителей этого безыдейного реакционного литературного болота (...) одним из знаменосцев пустой, безыдейной, аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе. Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у

нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности, — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы, — мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских времен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. (...) Такова Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой. Ахматовская поэзия совершенно далека от народа». (26)

Это заявление не только закрывало перед Ахматовой двери издательств, но еще и лишило ее пенсии. У нее отобрали продуктовую карточку Союза писателей. Она снова осталась без работы. Хуже было только положение Зощенко.

Тем же днем Ахматова была в Союзе писателей по другим делам. Все почтительно косились в ее сторону и думали, насколько хорошо она владеет собой. Но самообладание было совершенно ни при чем. Ахматова просто ничего не знала. «Мне ровным счетом ничего не было известно. Утренних газет я не видела, радио не включала, а звонить мне по телефону, по видимому, никто не решился. Вот я и говорила с ними, будучи в полном неведении о том, что обрушилось на мою седую голову». (27) О выступлении Жданова Ахматова узнала только вечером, когда развернула купленную рыбу, завернутую в газету.

Пастернак, являвшийся членом совета Союза советских писателей, отказался присутствовать на соб-

рании, где выступал Жданов. За это его исключили из совета. Несмотря на очевидную опасность, он пришел навестить Ахматову и принес ей тысячу рублей. Эти деньги ей оченьгодились.

Связь между этими событиями и встречей Ахматовой с Исайей Берлином совершенно ясна. Впрочем, могла сыграть свою роковую роль и овация, устроенная Ахматовой в Колонном зале. Говорят, что Сталин, узнав об этом, поинтересовался: «Кто это устроил?» То, что Сталин всегда обращал внимание на творчество Ахматовой, становится ясным из стенограммы заседания оргбюро по вопросу ленинградских журналов:

[А.] Прокофьев¹. <..> Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом, а разговоры о грусти — они присущи и советскому человеку.

Сталин. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

Прокофьев. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение «Первая дальнобойная» о Ленинграде.

Сталин. Одно-два-три стихотворения и обчелся, больше нет.

Прокофьев. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

Сталин. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в «Звезде»?

¹ Поэт А. Прокофьев — председатель Ленинградской организации Союза писателей.

Прокофьев. Должен сказать, что то, что мы отвергли в «Звезде», печаталось в «Знамени» (в Москве).

Сталин. Мы и до «Знамени» доберемся, доберемся до всех.

Прокофьев. Это будет очень хорошо. (28)

Ахматова переносила новые несчастья с огромным достоинством. Она говорила Корнею Чуковскому: «Я была в великой славе, испытала величайшее бесславие — и убедилась, что, в сущности, это одно и то же». (29) Она не жаловалась на то, что ее исключили из Союза писателей, лишь указывала на тактическую слепоту своих преследователей. 26 октября 1946 года она говорила Софье Островской: «Зачем они так поступили? Ведь получается обратный результат — жалеют, сочувствуют, лежат в обмороке от отчаяния, читают, читают даже те, кто никогда не читал. Зачем было делать из меня мученицу? Надо было сделать из меня стерву, сволочь — подарить дачу, машину, засыпать всеми возможными пайками и тайно запретить меня печатать! Никто бы этого не знал — и меня бы сразу все возненавидели за материальное благополучие».

Но к критике своих стихов Ахматова относилась не столь безразлично. Критиковать же начали все подряд, даже те патриотические стихи, что были написаны в годы войны. Александр Фадеев, ставший секретарем Союза писателей, выступая в Праге, обвинил ее в декадентстве и пессимизме. Его выступление было позже опубликовано в «Литературной газете». В конце августа Ахматова печально спрашивала: «Скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, понадобилось пройти всеми танками по грудной клетке одной больной старухи?» (30)

В начале сентября к Ахматовой на несколько дней приехала Нина Ольшевская. Из Ленинграда она увезла Анну Андреевну в Москву, на Ордынку. Пока Лев не вернулся из экспедиции, Ахматовой не следовало оставаться одной. Лев приехал, и они с матерью вернулись в Ленинград. 26 ноября Ахматова слегла с пневмонией. Температура держалась до 23 декабря. Лев трогательно за ней ухаживал. Вообще отношения между ними в те годы складывались очень добрые. Ахматова говорила А. Любимовой в декабре 1948 года: «В комнате прибрано, истоплена печка, хорошо. Лев ухаживает, как добрый сын». (31)

Политическая обстановка в стране продолжала сгущаться. 12 января 1948 года по прямому приказу Сталина в Минске был убит известный еврейский актер Соломон Михоэлс. Его тело было брошено прямо на улице. Официально было заявлено, что он погиб в результате дорожного происшествия. Этому мало кто поверил. Большинство евреев, в особенности те, кто входил в Еврейский антифашистский комитет, считали, что смерть Михоэлса предвещает близкие погромы.

Еврейский антифашистский комитет был создан в 1942 году. Эта организация играла видную роль в обеспечении поддержки России в годы войны со стороны Соединенных Штатов. В 1941 году Государственный еврейский театр был эвакуирован в Ташкент. Оттуда Михоэлса вместе с Ициком Фефером и Ильей Эренбургом отправили в Америку. Комитет по приему гостей из России возглавлял Альберт Эйнштейн. Поддержка была потрясающей. В Нью-Йорке на митинге присутствовали более пятидесяти тысяч человек.

Эренбург, произведения которого широко печат-

тали в России, установил прочные контакты в литературных и художественных кругах Запада. После войны, когда стало известно о зверствах фашизма, он вместе с Василием Гроссманом начал составлять «Черную книгу», посвященную страданиям еврейского народа в годы Второй мировой войны. Подобная деятельность была сочтена чрезмерно националистической, несмотря на то, что в те годы создавалось государство Израиль. Михоэлс был одним из немногих евреев, которые не боялись говорить о гибели евреев в Советском Союзе. Он не скрывал своей приверженности сионизму.

Сторонники Советского Союза на Западе не обращали внимания на эти тревожные знаки. Впрочем, Поль Робсон, чернокожий американский певец, читавший советскую прессу и знавший о судьбе еврейских интеллектуалов, на концерте в Москве выразил сожаление в связи со смертью Михоэлса и закончил выступление знаменитой еврейской песней, которую пели во время восстания в варшавском гетто.

У Ахматовой не было такой защиты, как у американца Робсона. Как это часто бывало в советские времена, кара постигла не ее, а ее близких. Первым пострадал Николай Пунин. Впрочем, возможно, он был сам виноват в своей участи. В начале 1947 года против него были выдвинуты обвинения в том, что он отказывается выявлять «идеологический смысл» произведений искусства. В знак протеста Пунин с гордостью вышел из совета Ленинградского отделения Союза советских художников — весьма опасный шаг для того времени. 29 августа 1949 года по ордеру, выписанному двумя неделями раньше, Пунин был арестован. Главным обвинением была враждебность по отношению к существующему строю. В обвинении говорилось, что книга Пунина по истории

западноевропейского искусства содержит «серьезные ошибки формалистического и космополитического характера и проникнута буржуазным субъективизмом» (32). В год, когда «безродными космополитами» завуалированно называли евреев, симпатии Пунина к европейскому модернизму были чрезвычайно опасны. К тому же он никогда не проявлял никакого интереса к традиционному русскому и советскому искусству.

Дочь и внучка Пунина, Ирина и Анна Каминские, были в ужасе. Особенно переживала Аня, которая всегда называла Пунина «папой». На первом допросе Николай Николаевич говорил о падении искусства в Советском Союзе. Впрочем, уже 19 сентября он утверждал, что всегда высоко оценивал традиции русского реалистического искусства. Ахматову не допрашивали даже в качестве свидетеля.

В сентябре 1950 года Пунин находился в Вологде, откуда его отправили в лагерь «Абезь» в Сибири. Из Вологды он писал Марте Голубевой, что с ним все в порядке. Судя по всему, в разлуке он стал сильнее любить жену. Она посылала ему дорогой чай. Пунин знал, что денег у Марты немного и для того, чтобы собрать такую передачу, ей приходилось одалживать. В письмах он продолжал успокаивать жену, но его здоровье было гораздо хуже, чем казалось из писем. 17 апреля 1952 года он написал внучке, спрашивая, не может ли Ирина достать для него пенициллин. Письма Пунина к Анне Каминской очень трогательны. В лагере для него самым мучительным испытанием было безделье, так как он был освобожден от лагерных работ и не знал, чем заняться. Пунин даже пытался снова начать рисовать.

Удар по матери немедленно сказался и на сыне. Осенью 1947 года Ахматова была абсолютно убеж-

дена, что власти чинят Льву препоны в аспирантуре Академии наук. Через полтора года после зачисления его лишили права работать в помещениях университета. Исключение Льва стало прямым результатом ждановского выступления. (33) Впрочем, защищать диссертацию ему позволили, но Ахматова на защите не присутствовала, опасаясь привлечь к сыну ненужное внимание. Один из присутствовавших вспоминал, что чтение биографии диссертанта — отец Николай Гумилев, мать Анна Ахматова — звучало как приговор. Тем не менее Ирина Пунина вспоминает, что 28 декабря дома праздновали успешную защиту: она зажарила курицу и испекла пирожки с капустой.

26 января 1948 года у Ахматовой случился приступ стенокардии. Стенокардия — это симптом ишемии миокарда. Причиной развития подобного состояния является недополучение крови (а следовательно, и кислорода) сердечной мышцей, что связано с сужением или блокадой сердечных артерий. Стенокардия может стать предвестницей инфаркта, но это еще не инфаркт. В мае у Ахматовой поднялась температура, она страшно кашляла. Лев начал работать в Этнографическом музее и каждый день приходил домой ухаживать за матерью.

23 июня 1949 года Ахматовой исполнилось шестьдесят: «Сегодня мне 60 лет, никогда не думала, что проживу столько». (34) Но жизненные испытания еще не закончились. 6 ноября арестовали Льва. Ахматова была так потрясена, что не смогла даже подняться с постели. Собираться ему помогала Ирина Каминская. Когда Льва увели, Ирина и Аня присели у постели Ахматовой. Никто ничего не говорил. У Ахматовой поднялась температура. Она несколько дней провела в постели, поднимаясь только для того, чтобы сжечь все свои бумаги.

Кто-то из знакомых Эммы Герштейн в то время оказался в приемной городской прокуратуры. Он вспоминал высокую женщину с царственной осанкой, весь вид которой выражал огромное страдание. Это была Ахматова, она пыталась выяснить судьбу сына. Во время первого посещения прокуратуры ей сообщили, что Льва отправили в Москву. Ахматова бросилась в столицу, чтобы передать все, что ей удалось собрать, через крохотное окошечко Лефортовской тюрьмы. (35)

Лев находился в тюрьме. Пока он ожидал своей участи, Ахматова каждый месяц посылала ему 100 рублей: подарок поэтессы Марии Петровых. Диплом кандидата исторических наук был подписан 31 декабря 1949 года, но к тому времени Льва уже отправили в лагерь в Омск. В сентябре 1950 года был вынесен приговор: десять лет лагерей строгого режима. Переписка была строго ограничена, продуктовые посылки допускались не более восьми килограммов, включая и вес коробки. Ахматова думала, что больше не увидит сына.

Собственная жизнь Ахматовой складывалась очень непросто. Она не получала пенсии. Теперь ей выдавали муку вместо хлеба от Союза писателей. Тем не менее каждый месяц она отправляла сыну посылки. В 1950 году она решила, что если пойдет навстречу режиму, то этим сможет помочь сыну. Она написала несколько стихотворений цикла «Слава миру», надеясь этим смягчить сердце Сталина, но тот уже погрузился в последний, параноидальный, период жизни. Стихи, датированные маем—июлем 1950 года, появились в «Огоньке», хотя и не под именем великой поэтессы. Стихи были посредственными. Если Сталин их и заметил, то никакого впечатления они на него

не произвели. Вряд ли это чудовище можно было рас-
трогать стихами.

Летом 1952 года Пунин писал Ирине, проведя
полтора месяца в больнице:

«Я осужден не трибуналом, так как для суда ма-
терьяла не было, а особым совещанием; дело мое —
35-й год и космополитизм... Мне подпортил, не же-
лая этого, Гумилев [Лев]; меня пришили к его делу,
хотя, видимо, он не содействовал этому... Акума ви-
села на волоске. Вероятно, ее спасли стихи в «Огонь-
ке». (37)

Убедившись, что просить за сына от собственного
имени неразумно, Ахматова решила действовать че-
рез известных писателей, в том числе и через Илью
Эренбурга. В защиту Льва выступил даже будущий
нобелевский лауреат Михаил Шолохов. Но ни Эрен-
бургу, ни Шолохову ничего не удалось добиться. Пы-
тались помочь Ахматовой и известные ученые. Со-
гласились написать властям академики Конрад и Ок-
ладников, директор Эрмитажа Артамонов.

22 мая 1951 года, успев отправить поздравитель-
ную телеграмму Ане Каминской, Ахматова перене-
сла тяжелейший сердечный приступ. 28 мая, когда
она собирала деньги и продукты для Льва, ей стало
так плохо, что пришлось отвезти ее в больницу. «Ан-
на Андреевна лежала на спине, вытянувшись, молча-
ливая, с ужасной болью в груди. Меня она почти не
узнавала... потом мы узнали, что именно в тот час про-
изошел инфаркт миокарда» (38) В начале июня она
поправилась настолько, что смогла попросить Эмму
Герштейн организовать отправку посылок и денег
сыну. 19 июля она получила письмо от Льва: «Милая
мамочка, подтверждаю получение посылки почт.
№ 277 и благодарю; только вперед вместо печенья

посылай больше жиров и табаку: дешевле и лучше. Целую тебя». (39)

28 июля Ахматова выписалась из больницы. Она планировала остаться на Ордынке, у Ардовых. Главная проблема заключалась в лестнице. Николай Харджиев, сопровождавший ее, предложил самые абсурдные варианты подъема, которые не должны были повредить ее сердцу. Ахматова так развеселилась, что сумела благополучно, хотя и очень медленно, подняться в квартиру Ардовых.

Лев ничего не знал о ее болезни и о тех усилиях, которые она прикладывает к его освобождению, и по-прежнему бомбардировал ее просьбами хлопотать от собственного имени. Возможно, так настроили его следователи во время допросов. Следователи постоянно твердили ему, что мать могла бы освободить его, если бы захотела. Это было жестоко и несправедливо. Ахматова отлично знала, что последствия ее действий или слов могли оказаться совершенно непредсказуемыми. И ее осторожность была оправданной, потому что в стране начались чистки, сравнимые по жестокости с чудовищным 1937 годом. Страдания Ахматовой были непереносимы.

В начале 50-х годов Ахматова лишилась последней опоры. Арктический институт предъявил права на квартиру в Фонтанном доме. После этого Ахматова превратилась в настоящую бездомную. Какое-то время она жила в доме 20 по улице Красной Конницы. В квартире был длинный темный коридор и практически отсутствовала мебель. Все тяготы Ахматова переносила стоически. Муж Ольги Берггольц, Георгий Макогоненко, говорил, что она стала выглядеть более суровой.

Но в 1952 году случилось и радостное событие. В жизни Ахматовой снова появилась старая подру-

га — Лидия Чуковская. После ссоры в Ташкенте Ахматова и Чуковская десять лет не виделись. 13 июня они поговорили по телефону, и старая дружба возобновилась. Чуковская слышала о трагедиях Ахматовой. Придя к Анне Андреевне, она долго не решалась нажать кнопку звонка. Войдя, она была поражена видом Ахматовой. Она стала другой: «Яркая сплошная седина. И отяжеленность, грузность. Она стала большая, широкая». (39*) Ахматова хотела говорить только о Льве, читала наизусть отрывки из его писем. Потом они заговорили о гоголевской «Шинели», о Толстом, Достоевском. Но Ахматова была еще не готова читать Чуковской свои стихи. 31 августа они встретились вновь. На этот раз с ними была только что вернувшаяся из Крыма Нина Ардова, веселая и загоревшая. Настроение Ахматовой немного улучшилось. С 4 мая 1953 года Ахматова и Чуковская стали встречаться гораздо чаще. Вернулась их прежняя близость. Ахматова читала Лидии Корнеевне свои стихи, в том числе и посвященные Исае Берлину. Она подарила ей «Поэму без героя».

Удивительно, но в 1953 году финансовое положение Ахматовой начало улучшаться. Она получила несколько переводов, заработала приличную сумму. Со свойственной ей щедростью она подарила машину Алексею Баталову, которого помнила еще мальчиком. Нине Ольшевской она купила шляпку, перчатки и туфли.

Здоровье Ахматовой оставалось очень слабым. Она легла в больницу, где за ней достаточно хорошо ухаживали. 1 июля она написала Льву о том, как ей нравится в санатории. Анна Андреевна почти гордилась тем, что может давать сыну советы по вопросам истории. Хотя Лев считал, что матери нет до него дела, она всегда помнила о нем: «Вчера слышала по радио,

что в Омске минус 22 градуса. Бедный Левка». Ахматова просила сына быть поласковее к Наталье Васильевне (40), потому что девушка неудачно вышла замуж и теперь «чинит мой халат, который расползся по швам». (41)

В начале января 1953 года весь мир узнал о так называемом «заговоре врачей» с целью убийства лидеров Советского Союза. В «Правде» сообщили об аресте нескольких врачей. Все они были евреями, всех обвинили в покушении на убийство. Стали поступать возмущенные письма общественности с требованиями наказать вредителей. Илья Эренбург стал одним из немногих, кто отказался подписывать подобные документы. Напротив, он обратился к Сталину с письмом, в котором писал о том, какой ущерб эта кампания может нанести Советскому Союзу на Западе. Сталин медлил. Его здоровье ухудшалось. Он так и не успел осуществить полномасштабный погром, какой, несомненно, задумывался. В марте 1953 года Сталин умер. Для многих его смерть стала настоящим горем. Зато у узников и их близких наконец-то появилась хоть какая-то надежда.

Некоторых освободили довольно быстро. Но Лев по-прежнему оставался в Норильске. 2 февраля 1953 года Ахматова обратилась с письмом к Клименту Ворошилову, а затем беседовала с его секретарем по телефону. Лев оставался в ГУЛАГе, хотя многие осужденные выходили на свободу. Не суждено было вновь увидеть дом Пушкину. Он умер в «Абези» в августе. Ахматова посвятила его памяти стихотворение:

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя. (42)

Анатолий Найман считает, что Пунин был единственный любимый мужчина Ахматовой, который ее не покинул, а прошел с ней весь путь — от страстной влюбленности до простой дружбы.

Сознавая, что любое неосторожно сказанное слово может повредить сыну, Ахматова с большой осторожностью отнеслась к перспективе встречи с британскими студентами в 1954 году. Она предполагала, что их мог направить к ней Исайя Берлин, но в группе не было студентов из Оксфорда. Надо сказать, что англичане практически не понимали положения, в каком находилась Ахматова. Они спрашивали об ее отношении к выступлению Жданова, ожидая яростного неприятия несправедливости. Ахматова же спокойно ответила, что считает постановление Центрального Комитета партии и выступление товарища Жданова совершенно правильными. Это совсем не понравилось англичанам, но зато не могло повредить Льву. Известие о том, что мать встречалась с англичанами, дошло до Льва в лагере, и тот окончательно убедился в значимости матери в литературном мире. А поскольку он по-прежнему оставался в лагере, значит, мать ничего не хотела делать для его освобождения.

Родителям, детям и женам заключенных разрешали свидания. Ахматова могла приехать к сыну. 29 апреля 1954 года Лев написал очень печальное письмо Эмме Герштейн, в котором утверждал, что мать никогда не понимала и не хотела понять, что ему нужно. Он требовал объяснений, почему она не приезжает к нему. Поездка в Омск, как он писал раньше, не утомительнее поездки из Москвы в Ленинград. Но на самом деле это было бы очень тяжелое путешествие, и врачи не могли позволить его совершить такому больному человеку, каким была Анна

Андреевна. Ахматова все же собиралась поехать ко Льву, взяв с собой Эмму Герштейн. Лев отнесся к этому сообщению с горькой иронией: «Мне очень интересно: решила ли мама отправиться в путешествие ко мне или еще колеблется. Стенли меньше готовился искать Ливингстона, чем мама повидать меня». (43)

Узнав, что планы матери серьезны, Лев отступает: «Но поднимать маму на такую дорогу, без ночлега в Омске, ради двух часов, невозможно. Кроме того, мой внешний вид только расстроит ее». (44) В конце концов Ирина и Анна Каминские стали отговаривать Ахматову от поездки столь настойчиво, что Анна Андреева передумала. Каминские убеждали ее в том, что заключенные порой умирали, не выдержав эмоционального стресса, связанного со свиданием.

26 мая Лев написал Эмме Герштейн, что изменение планов матери его не удивляет. Он решил больше не писать Ахматовой, потому что «она либо не понимала, либо делала вид, что не понимает». (44*) Лев признавался Эмме, что понимает, в чем заключается проблема: «Мама, как натура поэтическая, страшно ленива и эгоистична, несмотря на транжирство. Ей лень думать о неприятных вещах и о том, что надо сделать какое-то усилие. Она очень бережет себя и не желает расстраиваться». (45) Лев начал думать, что реабилитируют его только посмертно. Неудивительно его едкость в отношении Ирины Пуниной: «Вы спрашиваете мое мнение об Ирке. Нина лучше, искреннее. Ирка — пиявка, которая цацкается с мамой до тех пор, пока есть что сосать. Подлая пунинская порода»». (46)

В начале июня Герштейн написала Льву о том, как расстроена Ахматова своими неудачами в деле освобождения сына. С некоторым пафосом Анна Андре-

евна сказала Герштейн: «В конце концов, мы всегда понимали друг друга с полуслова». Тем не менее Ахматова написала Льву три открытки, на которые он долго не отвечал, «так как они меня расстроили». Нет, в них не было ничего ужасного, но не было ничего и значимого. Лев писал Эмме, что «так пишут отдыхающим на южном берегу Крыма». (46*)

Он часто жаловался на то, что мать не присылает ему книг, о которых он просил. Не мог он получить второго тома «Троецарствия» Ло Гуань-Чжуна. Ахматова тут же ответила, что этот том еще не опубликован. Послать его сыну она смогла лишь в ноябре 1954 года.

Льву в тот момент исполнилось уже сорок два года. Его здоровье ухудшилось настолько, что он был признан инвалидом, что крайне редко случалось в лагерях. Такое положение имело определенные преимущества, так как физическая нагрузка стала легче и у него появилось время для научных изысканий. В письмах он сообщает, что ему разрешили даже писать, хотя в лагерях это строгойше запрещалось. (47)

Самыми горькими стали письма Льва к Эмме Герштейн. 25 марта 1955 года он пишет:

«Вы пишете, что не мама виновница моей судьбы. А кто же? Будь я не ее сыном, а сыном простой бабы, я был бы, при всем остальном, процветающим советским профессором, беспартийным специалистом, каких множество. Сама мама великолепно знает мою жизнь и то, что единственным поводом для опалы моей было родство с ней. Я понимаю, что она первое время боялась вздохнуть, но теперь спасать меня, доказывать мою невиновность — это ее обязанность; пренебрежение этой обязанностью — преступление». (48)

27 марта Ахматова сдержанно отвечает на письмо сына:

«19-го марта я получила твое письмо, содержащее целый ворох обид на меня. С тех пор я непрерывно пишу тебе ответ. (...) Никакие студенты ко мне не приходили и не интересовались моим здоровьем. Действительно, год тому назад на собрании в Союзе писателей какие-то английские полуфутболисты, полуфашисты задали мне довольно бестактный вопрос, но мой категорический ответ пресек дальнейшие прения. На съезде писателей я не выступала, имя мое произнес один раз в своей речи П. Антокольский в связи с переводами Райниса и Саломеи Нерис. (...) На днях (кажется, 15-го) я послала тебе очень длинное и подробное письмо с нужной тебе исторической справкой (90 г. до нашей эры) и поверхностным описанием моего бытия». (49)

Лев продолжает считать, что мать ничего не делает для его освобождения. 3 апреля он написал Герштейн, заверяя ее в том, что более не будет писать ничего неприятного для матери: «Но странно — у нее совсем нет воображения и внимания ко мне, поэтому она сама себя считает ангелом, а мне кажется, что ее отношение более чем жестоко... Я задаю маме вопросы — она отвечает невпопад, и я же выхожу виноватым». (50)

14 апреля Лев пишет матери о том, что составляет главную причину его несчастья: «Единственно, чего бы я хотел от тебя, это чуточку внимания, напр., чтобы ты отвечала хотя бы на те вопросы, которые я задаю тебе касательно моих личных дел, а не мимо их». (51) 29 апреля Ахматова отвечает ему: «Твое письмо от 14 апреля я получила только сейчас. (...) Поверь, что я пишу тебе о себе, о своем быте и жизни решительно все. Ты забываешь, что мне 66 лет,

что я ношу в себе три смертельные болезни, что все мои друзья и современники умерли. Жизнь моя темна и одинока — все это не способствует цветению эпистолярного стиля». (52)

Заключенных освобождали ежедневно, но Лев оставался в лагере. Многих реабилитировали посмертно, в том числе знаменитого режиссера Всеволода Мейерхольда.

Ахматовой по-прежнему было негде жить, и она, подобно цыганке, скиталась по квартирам друзей. В это время она очень много читала. Огромное удовольствие доставили ей книги Хемингуэя «Прощай, оружие!» и «Снега Килиманджаро», меньше понравилась «Старик и море». Но не ко всему прочитанному она относилась столь благожелательно. Ахматова говорила Чуковской о Фрейте: «Фрейд — мой личный враг. Ненавижу все. И все ложь». (53)

Анна Андреевна продолжает изучать Пушкина. Особое внимание она уделяет «Каменному гостю». Это произведение помогает ей понять некоторые стороны биографии поэта. Исследуя последние годы жизни Пушкина и оспаривая возможность его связи с сестрой жены, Александриной, Ахматова совершенно верно замечает, что у Дантеса была гомосексуальная связь с бароном фон Геккерном, что подтверждается недавно обнаруженными профессором Сереной Витале письмами Дантеса к своему покровителю.

Конфликт между матерью и сыном продолжался. Ахматова подробно отвечает на жалобы Льва, категорически отрицает, что давала его адрес Наталье Васильевне, и восклицает: «Как и почему я должна была догадаться, что она любит тебя?» (54)

Процесс освобождения Льва, казалось, зашел в тупик. Но в феврале 1956 года состоялся Двадцатый

съезд партии, на котором Хрущев впервые открыто сказал о масштабе сталинских репрессий. Дела политических заключенных стали пересматривать. 20 марта Эмма Герштейн сообщила Ахматовой о том, что дело Льва пересматривается. Ахматова начала готовиться к возвращению сына. Она пыталась разузнать, где можно купить приличный костюм.

Наконец 15 мая 1956 года Лев вернулся домой. Он ехал через Москву и решил остановиться у Ардовых, не зная, что мать уже там. Ахматова была безмерно счастлива увидеть сына. Крохотная комнатка, которую она занимала, мгновенно наполнилась сигаретным дымом. Лев дымил как паровоз. Домой он вернулся с двумя чемоданами, наполненными не одеждой, а книгами. Михаил Ардов вспоминает: «В нашей столовой на диване две фигуры, лица повернуты друг к другу и сияют счастьем. Это — Ахматова и ее сын... Анна Андреевна попросила меня помочь приобрести для Льва Николаевича приличное платье. Мы с ним отправились на Пятницкую улицу и там в комиссионном магазине купили башмаки, темный костюм в полоску, плащ...» (55)

Однако очень скоро радость Ахматовой была омрачена горькой обидой сына на весь свет и на мать. И обида эта проявилась буквально мгновенно.

Глава 14

ОТТЕПЕЛЬ

Гороскоп твой давно готов...

Ахматова

Летом 1956 года, когда Ахматова жила в Москве у Ардовых, ей позвонил Исая Берлин, ненадолго приехавший в Россию. Он хотел встретиться, но Ахматова в ужасе отказалась, опасаясь, что встреча с иностранцем может повредить сыну. Впрочем, у нее были и другие причины не встречаться с Берлином. Пастернак сообщил Анне Андреевне, что 7 февраля Берлин женился и приехал в Россию с молодой женой, Алиной Халбан (урожденной Гинзбург). Хотя Ахматова и не стала встречаться с Берлином, но его голос пробудил в ней старые воспоминания. Цикл стихотворений «Шиповник цветет» посвящен Берлину.

Ахматова дала интересный подзаголовок этому циклу: «Из сожженной тетради». Возможно, речь шла о реальной тетради, в которой были и стихи, посвященные Владимиру Гаршину. Аманда Хейт пишет об этих стихах в связи с другими, из сборника «Белая стая», посвященными Борису Анрепу. Ахматовой исполнилось уже шестьдесят семь лет, но она до самого конца жизни продолжала писать любовные стихи.

В краткий и невероятный период оттепели журнал «Новый мир» возглавлял Александр Твардовский. Он опубликовал произведения многих писателей, которые были запрещены в прежние годы. В «Новом мире» появились произведения молодых авторов —

Евтушенко, Солженицына. Ахматову тоже реабилитировали. В 1956 году ее стихи были опубликованы в двух московских альманахах, в прессе появились благожелательные рецензии.

6 апреля 1957 года Ахматова получила предложение от Союза писателей войти в состав комиссии по литературному наследию Осипа Мандельштама. В том же году известный критик и редактор Владимир Орлов взял для публикации в ленинградском альманахе «Поэму без героя», а Маргарита Алигер — шесть стихотворений для «Литературной Москвы». И все же Ахматова не была уверена в устойчивости своего положения. 11 мая 1957 года она говорила Чуковской о том, что «Литературная Москва» очень рискует, публикуя стихи Цветаевой. Беспокоило ее и здоровье.

«Поэму без героя» Ахматова писала с 1940 по 1945 год. Работу над ней она продолжала до конца жизни. Это одно из немногих больших ее произведений: сложное, многослойное и полное аллюзий. Это не цикл стихов, объединенных единой темой, каким был «Реквием». Поэма изначально задумывалась и писалась как единое целое.

Поэма, как и «Реквием», открывается прозаическим предисловием. Ахматова рассказывает, как 27 декабря 1940 года ей впервые пришла мысль написать поэму. Она посвятила ее своим друзьям и всем ленинградцам, погибшим во время осады города. У предисловия есть эпиграф: «Deus conservat omnia» (Бог хранит все). Таким был девиз на гербе Шереметевых. Возможно, Ахматова выбрала его потому, что действие поэмы начинается в Фонтанном доме. И писалась поэма в Фонтанном доме. А кроме того, посвящена она попытке оживить мир, ушедший навсегда. В ноябре 1944 года, сознавая трудность пони-

мания поэмы и желание отдельных читателей прояснить ее смысл, Ахматова категорически отказалась что-то менять или объяснять. Она написала в предисловии изречение Понтия Пилата: «Еже писахъ — писахъ». И все же в период с 1940 по 1961 год она кое-что добавила и кое-что изменила.

Первая часть посвящена «Вс. К.». По-видимому, речь идет о Всеволоде Князеве, молодом человеке, покончившем с собой из-за любви к Ольге Судейкиной в 1913 году. (1) Роман Тименчик предполагает, что повлиять на Ахматову могло и известие о другой катастрофе — самоубийстве молодого офицера Михаила Линдеберга. (2) В любом случае, речь идет о молодой жизни, так бесцельно прервавшейся. То, что Ахматова имеет в виду мир сталинской России, становится ясным из даты. Дата посвящения — это дата смерти Мандельштама, а не смерти Князева.

Второе посвящение — Ольге Судейкиной. Она появляется с черно-белым веером в виде Путаницы-Психеи. В этой роли она блистала на сцене. Глава написана в мае 1945 года. Ахматова вспоминает их с Ольгой юность:

Сплю — мне снится молодость наша,
 Та, ЕГО миновавшая чаша;
 Я ее тебе наяву,
 Если хочешь, отдам на память,
 Словно в глине чистое пламя
 Иль подснежник в могильном рву. (3)

В третьем посвящении она цитирует Жуковско-го: «Раз в Крещенский вечерок...», что неудивительно, поскольку посвящение было написано 5 января. Под звуки «Чаконь» Баха входит человек:

Он не станет мне милым мужем,
 Но мы с ним такое заслужим,
 Что смутится Двадцатый Век. (4)

Этот человек приходит в Фонтанный дом поздно, туманной ночью. Он приносит «не первую ветвь сирени, не кольцо, не сладость молений»... Он несет с собой смерть! Эта часть поэмы была написана в 1956 году. Судя по всему, речь идет об Исае Берлине.

Во вступлении, написанном той же лесенкой, что и вся первая часть, Ахматова откровенно говорит о том, зачем написана вся поэма:

Из года сорокового,
Как с башни, на все гляжу.
Как будто прощаюсь снова... (5)

Первая часть «Поэмы без героя» называется «Девятьсот тринадцатый год. Петербургская повесть». История начинается в канун Нового года в Фонтанном доме. Героиня зажигает свечи, ожидая гостей. Но вместо гостей в дом приходят призраки 1913 года в венецианских масках. Потом в яркой вспышке раздвигаются стены, и комната преобразуется в белый зеркальный зал Шереметевского дворца. Люди, которых героиня когда-то знала, теперь возвращаются к ней Дон Жуаном, Фаустом, Дапертутто, Иоканааном. Оживает портрет Актрисы на стене. Появляется сам Дьявол, в котором многие узнали Михаила Кузмина. Героиня поражается:

Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива? (6)

Мы становимся свидетелями настоящей гофманианы, которая становится особенно волшебной, когда гаснут факелы и опускается потолок. Начинается интермедия — нечто в венецианском духе и духе «Бродячей собаки».

Во второй части «Петербургской истории» мы возвращаемся в спальню героини, где висят три портрета Ольги: в виде козлоногой нимфы, Путаницы-Пси-

хеи и портрет в тени (Коломбины или Донны Анны (из «Шагов Командора»)). Эти строки, несомненно, обращены к Ольге:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
 О мое белокурое чудо,
 Коломбина десятых годов!
 Что глядишь ты так смутно и зорко,
 Петербургская кукла, актерка,
 Ты — один из моих двойников. (7)

Героиня боится того, что среди гостей в масках она может встретиться с самой собой:

С той, какую была когда-то
 В ожерелье из черных агатов
 До долины Иосафата
 Снова встретиться не хочу... (8)

В «Поэме без героя» много цитат из других поэтов и ссылок на их книги. Так часто делал Т.С. Элиот. Его книгу «Четыре квартета» подарил Ахматовой Пастернак. Она очень ее любила и часто перечитывала. Знаменитая строка Элиота «В моем начале — мой конец» несколько раз встречается в поэме. Вспомните хотя бы знаменитые строки:

Как в прошедшем грядущее зреет,
 Так в грядущем прошлое тлеет... (8*)

И когда вторая глава завершается, все уже предопределено («Гороскоп твой давно готов» (8**)). Воспоминания Ахматовой легки и любовны. Во второй части «Петербургской истории» она описывает квартиру Ольги очень точно.

Не все реминисценции поэмы буквальны. Название всей поэмы напоминает начало байроновского «Дон Жуана», но строка да Понте «Смеяться перестанешь раньше, чем наступит заря» отсылает нас к опере Моцарта. Настроение первой части поэмы очень моцартовское. Зловещим эпиграфом к третьей

части «Петербургской истории» стали две строки Мандельштама, написанные в 1920 году.

Четвертая глава начинается в доме XIX века, в который в 1942 году попадет бомба. Мы возвращаемся к красавице и мертвому корнету с пулей в груди. Завершается четвертая глава словами:

Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть. (9)

Грехи, которые следует искупать, проистекли из широко распространенного убеждения в правоте Ницше, говорившего, что, если Бог умер, значит, «все дозволено». Ахматова никогда не теряла веры в Бога, но и она сама являлась частью этого грешного мира. Теперь же она сурово осуждала собственное поведение и поведение своих друзей, думая только об искуплении.

Вторая часть, «Решка», была посвящена Владимиру Гаршину, но после разрыва Ахматова сняла посвящение. Первый эпиграф взят из Пушкина: «...я воды Леты пью, мне доктором запрещена унылость». (9*) Ахматова всегда восхищалась Пушкиным, но на этот раз она цитирует его иронично, полагая, что человек должен помнить, а не забывать.

В целом вторая часть написана в более легком, даже юмористическом тоне. Героиня рассказывает о своих злоключениях с редактором:

[...] «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,
Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?» (10)

В этой главе ряд строф заменен многоточиями. В некоторых изданиях эти пропущенные строки цитируются по дневникам Чуковской, связанным с годами Большого Террора:

Ты спроси моих современниц,
 Каторжанок, «стоятниц», пленниц,
 И тебе порасскажем мы,
 Как в беспамятном жили страхе,
 Как растили детей для плахи,
 Для застенка и для тюрьмы. (11)

В последней части триптиха мы снова попадаем в Фонтанный дом, но стоит уже 1942 год и город лежит в руинах. Сцены сменяют одна другую: река Кама, на берегах которой покончила с собой Цветаева, нелегкая каторжная судьба сына. Из-за колючей проволоки, из глубин тайги слышит Ахматова собственный голос:

За тебя я заплатила
 Чистоганом,
 Ровно десять лет ходила
 Под наганом,
 Ни налево, ни направо
 Не глядела,
 А за мной худая слава
 Шелестела. (12)

Поэма заканчивается строфой поразительной силы:

Обуянная смертным страхом
 И отмщенья зная срок,
 Опустивши глаза сухие
 И ломая руки, Россия
 Предо мною шла на восток. (13)

Хотя драма собственной жизни Ахматовой была далека от завершения, отношения ее с Пастернаком стали весьма непростыми. Она никогда не чувствовала с ним такой же близости, какая была в отношениях с Мандельштамом. Они не росли в одном городе. Хотя Пастернак несколько раз помогал Ахматовой,

она не была уверена в том, что ему действительно нравятся ее стихи. В 1956 году Анна Андреевна говорила Чуковской о том, что ей кажется, что Пастернак вообще не читал ее стихов до 1940 года. В «Охранной грамоте» он похвалил простоту и чувство реальности, свойственные Ахматовой, тогда как гению Марины Цветаевой посвятил несколько страниц. (14) Тем не менее несколько раз он пошел на большой риск, чтобы помочь Ахматовой в трудную минуту. Она часто останавливалась в его московской квартире. Поссорившись с женой, он иногда уезжал в Ленинград и ночевал на полу ее комнаты.

Ахматова считала Пастернака великим поэтом, гением. Евгений Рейн полагает, что Пастернак вполне мог просить ее руки: «Она часто шутила на эту тему». Впрочем, любовных отношений между ними не было, и причиной тому была жена Пастернака, Зинаида Николаевна. Ахматова ее не любила: «Ей не нравилось отношение Зинаиды. Зинаида считала Пастернака гораздо интереснее Ахматовой и полагала, что он гораздо более значимый поэт». (15)

Ахматовой действительно не нравились жены Пастернака. Первая жена Пастернака, Евгения Владимировна, была мягкой и образованной женщиной, но по какому-то заблуждению считала себя великой художницей. Зинаиду Николаевну Ахматова называла «драконом на восьми лапах». Особенно не нравилась Ахматовой последняя любовница Пастернака, Ольга Ивинская, которая в 1946 году работала в московском журнале «Новый мир». Ивинская была пышной блондинкой, на двадцать лет моложе Пастернака. Когда они стали любовниками, ей было всего тридцать четыре года. Пастернак обожал ее до конца жизни, хотя все же не решился оставить Зинаиду

Николаевну. Он разрывался между любовницей и семьей.

Ольгу сослали в лагерь в 1949 году, тогда же, когда и Льва. Зная Ивинскую по работе в «Новом мире» в 1946—1947 годах Чуковская стала отправлять посылки с продуктами, одеждой и книгами ее подруге, писательнице Надежде Адольф-Надеждиной, заключенной в том же лагере. В 1956 году Надежда вернулась из лагерей, и выяснилось, что она не получила ни одной посылки. Ольга бессовестно обкрадывала подругу, находившуюся на грани смерти от голода. (16) По этой причине Ахматова отказалась поддерживать знакомство с Ивинской после ее освобождения, но настаивала на том, чтобы Пастернаку этого не рассказывали.

20 января 1954 года, когда Чуковская спросила Ахматову об ее отношении к Пастернаку, она иронично ответила: «Я обожаю этого человека. Правда, он несносен. Примчался вчера объяснять мне, что он ничтожество. Ну на что это похоже? Я ему сказала: «Милый друг, будьте спокойны, даже если вы за последние десять лет ничего не написали, вы все равно — один из крупнейших поэтов Европы XX века». (17) Но когда Пастернак рассказывал ей о том, что должен писать больше стихов, чтобы зарабатывать деньги для Ольги, Ахматову это раздражало. Однажды она даже накричала на него, заявив, что русской культуре очень повезло, что он так нуждается в деньгах. Пастернак продолжал писать любовные стихи, посвященные Ивинской. Он часто просил Ахматову позволить Ольге навестить ее, но Анна Андреевна всегда отказывалась, не объясняя причин, чтобы не ранить старого друга.

То общее, что было у Пастернака с Ахматовой, разделило их. Пастернак прославился своими перево-

дами Шекспира — оригинальными, свободными и глубокими. Ахматова могла читать Шекспира в подлиннике¹. Она отлично понимала, на какой риск идет Пастернак. Ей очень нравились его стихи, но ее расстраивало то, что после переводов Пастернака переводы ее давнего друга Михаила Лозинского, гораздо более близкие к оригиналу, оказались забыты. В 1957 году Ахматова заявляла, что никак не может согласиться с тем предпочтением, которое отдается переводам Пастернака. Она понимала, что стихи Пастернака легче произносить, они более естественные и живые. Но величественные строки Лозинского гораздо больше соответствовали духу Шекспира. Ахматова считала, что, избавив текст Шекспира от помпезности и риторики, Пастернак сознательно упростил и приземлил язык оригинала.

Помимо переводов Пастернак продолжал работать над «Доктором Живаго». Он начал писать этот роман еще в 1945 году и уже читал отдельные главы близким друзьям. В 1954 году десять стихотворений из романа были опубликованы в журнале «Знамя». 4 декабря 1957 года Ахматова сказала Чуковской о том, что прочла роман и некоторые его страницы показались ей настолько плохими, что, скорее всего, их написала Ивинская. Особенно не понравился ей нравоучительный, проповеднический тон повествования. Тем не менее она высоко оценила описания природы: «Я ответственно утверждаю, равных им [пейзажам] в русской литературе нет. Ни у Тургенева, ни у Толстого, ни у кого. Они гениальны, как «рос орешник». (18) Роман понравился далеко не всем.

¹ Хотя, если судить по воспоминаниям Берлина, ее разговорный английский понять было крайне сложно.

Евтушенко, к примеру, счел, что он слишком напоминает романы XIX века. (19)

В 1956 году роман был закончен. Пастернак подписал договор на издание книги в Гослитиздате. В то же время он отдал копию рукописи Серджио Анджело, члену коммунистической партии Италии, а тот передал ее владельцу миланского издательства Джанджакомо Фельтринелли. Фельтринелли решил опубликовать роман в переводе на итальянский. Пастернак согласился, но поставил условием, чтобы русское издание вышло раньше. Впрочем, даже с такой оговоркой решение опубликовать роман за границей стало катастрофой. В «Докторе Живаго» Пастернак не просто критиковал Сталина, как это сделал Эренбург в «Оттепели». Он пошел дальше. Он утверждал, что террор естественным образом проистекает из самой природы большевистской идеологии. (20)

В 1956 году на фоне восстаний в Польше и Венгрии коммунистической партии стало ясно, что цензуру необходимо возвращать. В сентябре 1956 года было принято решение не публиковать в «Новом мире» даже сокращенного варианта «Доктора Живаго». Хотя договор с Гослитиздатом был подписан, Пастернак начал беспокоиться о судьбе своего романа. И его беспокойство имело под собой основания. Роман должен был выйти в Италии в сентябре 1957 года. Советские власти попросили Пастернака остановить публикацию. Этого он сделать не захотел. Он связался со своими итальянскими издателями слишком поздно. «Доктор Живаго» вышел и получил отличную прессу. В Советском Союзе Пастернака объявили предателем.

По иронии судьбы год спустя, 23 октября 1958 года, Пастернак получил телеграмму с известием о том, что ему присуждена Нобелевская премия по литера-

туре. Премия была присуждена за стихи, а не за роман. Но в Союзе писателей считали, что на решение комитета повлияли антибольшевистские взгляды Пастернака. Хотя Пастернак был первым советским писателем, получившим Нобелевскую премию, на мнение властей это не повлияло. 29 октября Пастернак, понимая, что может произойти, послал в Шведскую академию телеграмму, в которой отказывался от премии в силу той интерпретации, какую это событие получило в России. Когда об этом узнали журналисты, Советский Союз подвергся той самой критике, которой так опасались власти. Отказ от Нобелевской премии не удовлетворил Союз писателей. Пастернака исключили из Союза. Он потерял возможность зарабатывать на жизнь. В конце октября Союз писателей выступил с требованием того, чтобы Пастернака выслали из страны.

Угроза ссылки заставила Пастернака обратиться с письмом к Хрущеву. В нем он писал, что глубоко связан с Россией и не представляет жизни за ее пределами. Возможно, Хрущев был тронут этим письмом. Как бы то ни было, Пастернаку было позволено остаться в России и продолжить работу над переводами. Однако перенесенное потрясение сказалось на здоровье поэта.

Чуковская не присутствовала на заседании Союза писателей, когда принималось решение о высылке Пастернака. Она в тот момент ухаживала за отцом. Лидия Корнеевна терзалась чувством вины из-за того, что не смогла выступить в защиту Пастернака. Но именно она сообщила ему горькие новости. Она плакала, когда Ахматова пыталась утешить ее, говоря, что никто другой не решился бы посетить Бориса Леонидовича в такой момент. С апреля 1958 года

дневники Чуковской более связаны с Пастернаком, чем с Ахматовой.

Со своей стороны, Ахматова не могла не сравнивать свою судьбу с судьбой Пастернака. Чуковской она повторяла, что «по сравнению с тем, что делали со мной и с Зощенко, история Бориса — бой бабочек». (20*) Сын Ахматовой был на каторге, а сыновья Пастернака вполне благополучны. Но Пастернак умирал...

В последние годы жизни Пастернака Ахматова часто отзывалась о нем довольно сурово. Но Найман вспоминает, что она всегда признавала его талант, хотя и посмеивалась над его беспомощностью перед женами и другими женщинами. Незадолго перед смертью Пастернака Ахматова, несмотря на болезнь, навестила его в Переделкине. Врачи диагностировали рак. Борис Леонидович очень страдал и был слаб. Хотя Ахматовой не позволили пройти к нему, Пастернаку сообщили о ее приезде, и она почувствовала, что они наконец примирились.

22 мая 1960 года Ахматова снова оказалась в больнице. «Скорая помощь» доставила ее в Боткинскую больницу, где ее осмотрели ведущие кардиологи. Приехав к Ардовым, Чуковская узнала, что весь день Анна Андреевна жаловалась на сильную боль в груди. Все указывало на новый инфаркт. К этому времени Пастернаку оставалось жить всего несколько дней. 30 мая Мария Петровых сообщила Ахматовой о смерти Бориса Леонидовича. Она пишет о том, что редко плакавшая Ахматова разрыдалась.

Через месяц в разговоре с Чуковской Ахматова вновь сказала о том, что не следует представлять Пастернака мучеником. Он всегда был очень счастливым человеком. Ее собственная судьба сложилась совершенно иначе. «Все и всегда печатали, а если не здесь —

то за границей... Деньги были всегда... Если сравнивать с другими судьбами: Мандельштам, Квитко, Перец Маркиш, Цветаева — да кого ни возьми, судьба у Пастернака счастливейшая». (21)

1 июня, находясь еще в больнице, Ахматова написала прекрасное стихотворение, посвященное Пастернаку:

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рош.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цвета, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли. (22)

Ахматова была человеком, и человеческие эмоции были ей не чужды. Она обижалась на то, что Пастернак у нее не бывает. Анатолий Найман пишет, что в 50-е годы Ахматова очень ревниво относилась к сравнению ее стихов с поэзией Цветаевой. В 1958 году, когда с Ахматовой познакомился Евгений Рейн, популярность Цветаевой была невероятно велика. Ее жизнь и трагическая смерть привлекали всеобщее внимание. Цветаевой посвящали стихи. Рейн говорил, что Анне Андреевне нравились поэмы Цветаевой — «Поэма конца», «Поэма горы» и «Крысолов». Она оценивала их гораздо выше ее ранних стихов. (23) Тем не менее у Ахматовой на видном месте хранились фотографии Мандельштама и Цветаевой. Лидии Чуковской Анна Андреевна говорила, что на одном снимке на Цветаевой брошь, которую та позже подарила ей.

В 1958 году вышел тоненький сборник стихов Ахматовой — первый после смерти Сталина. Тираж книги составил 25 000 экземпляров. Критик Лев Озе-

ров написал в «Литературной газете» о том, что ее стихи — это «лирика преодоления одиночества, исповедь дочери века, понявшей, что путь одиночества и изоляции ведет художника к тяжелой драме». (24)

Несмотря на все усилия властей, стихи Ахматовой не были забыты. И с этого времени началось ее восхождение к вершинам признания и славы. В 60-е годы она с удивлением увидела опубликованные стихи Цветаевой и Мандельштама. Поэзия оказалась более выносливой, чем могло показаться. Слава Ахматовой стала мировой.

В 1958 году в итальянском журнале ее назвали символом советской женственности. Прочитав это, она с улыбкой сказала: «Где ты, Жданов?» 4 апреля 1959 года Чуковская навестила Ахматову в Москве на квартире Ардовых. Ахматова, как это часто бывало, лежала и казалась больной. Она показала Лидии Корнеевне маленький сборник своих стихов, переведенных на итальянский. Ее очень огорчили совершенно очевидные промахи переводчика. «Переводы чудовищные, — сказала Анна Андреевна. — В стихотворении «Не бывать тебе в живых» строка «Двадцать восемь штыковых» переведена так: «Двадцать восемь человек, вооруженных штыками». (25)

До 1961 года Ахматова, Ирина Пунина и Анна Каминская продолжали жить в той же квартире на улице Красной Конницы. Затем они переехали на улицу Ленина. Ахматова с большой нежностью относилась к Анне. Ее фотография стояла у изголовья постели. Анна Андреевна любила Анну так, словно та была ее дочерью. А вот с родным сыном отношения складывались непросто.

26 марта 1958 года Чуковская впервые встретилась со Львом после его освобождения из лагерей. «Мы были с Анной Андреевной одни, вдруг отвори-

лась дверь и вошел человек с резкими морщинами у глаз и на лбу, с очень определенно-очерченным и в то же время дряблым лицом». (25*) Чуковская даже не сразу его узнала — ведь последний раз она видела его в 1932 году совсем юношей. Она заметила, что сходство с отцом исчезло, зато Лев стал чем-то неуловимым напоминать мать. Лев пробыл с матерью недолго и ушел в библиотеку.

Ахматова всегда относилась к Льву подчеркнуто спокойно. 17 сентября 1956 года Чуковская записала в дневнике, что Анна Андреевна упомянула о намерении сына жениться и о своем неприятии этого решения. Имени потенциальной жены она не назвала, сказав, что ей нет до этого дела.

Проведя четырнадцать лет в лагерях, Лев считал, что имеет право жить собственной жизнью. Ахматова же полагала, что, пока они не получат большой квартиры, им не следует жить вместе. Иосиф Бродский вспоминает: «Тут Лев Николаевич вышел из себя и вспылал... Последние годы перед смертью Ахматовой они не виделись». (26) Это не совсем верно. Ходили слухи о том, что Ахматова полностью вычеркнула сына из своей жизни. Встречаясь, они часто ссорились, но полным их разрыв назвать было нельзя. Бродский, который был близко знаком с Ахматовой в последние годы ее жизни, пишет о безразличии Анны Андреевны к сыну. Однако он же рассказывает и мучительную историю: «Он ее упрекал. И он сказал ей как-то фразу, которая Ахматову чрезвычайно мучила. Я думаю, эта фраза была едва ли не причиной ее инфаркта; уж во всяком случае, одной из причин. Это не точная цитата, но смысл слов Гумилева был таков: «Для тебя было бы даже лучше, если бы я умер в лагере». Он имел в виду «для тебя как для поэта». (27) Несомненно, Лев говорил о «Реквиеме»:

он очень обижался на то, что мать оплакивала его так, словно он умер на кресте.

Бродский считает, что у Льва были поводы для обиды. Ахматова была поэтом, и, будучи поэтом, она превращала свои страдания в стихи. Это выводило Льва из себя. Но поэту Бродскому это было совершенно понятно: «Когда пишешь, то стараешься сделать это как можно лучше. То есть подчиняешься требованиям музыки, языка, требованиям литературы. А лучше — это не всегда правда. Или: это правда большая, чем правда опыта. То есть ты стремишься создать трагический эффект тем или иным образом, той или иной строчкой и невольно как бы грешишь против истины: против собственной боли». (28)

И все же слова Льва больно ранили Анну Андреевну. Ему казалось, что из-за всего им пережитого ему все дозволено, все прощительно. Ахматова очень переживала за сына. 11 марта 1960 года она говорила Чуковской о проблемах с его книгой, посвященной истории Азии: «Книга идет, но денег не платят. Он убежден, что в этом виновата я. Ведь я во всем виновата, ну и в этом тоже. Как его здоровье — тут ничего нельзя понять. Он к врачам не ходит и сам ставит себе диагнозы. Теперь он уверен, что у него язва». (29)

Евгений Рейн говорил о сложном характере Льва так: «Ему было очень тяжело в лагере. Возможно, я не знаю всего... может быть, его проблемы начались еще до нашей встречи. Проблема заключалась в том, что Ахматова была вынуждена жить в семье Пунина. С его дочерью и внучкой». (30) В один прекрасный момент Лев понял, что мать не хочет бороться за то, чтобы его прописали в пунинской квартире. Вот что рассказывал мне Рейн:

«Лев сказал, что в таком случае он не хочет ее видеть и больше никогда не придет... Он уехал из Ле-

нинграда в Псков. Больше они не виделись. Он пришел к матери лишь тогда, когда она умирала. И эта ситуация породила массу интриг. Некоторые пытались их снова сблизить, другие же старались развести как можно дальше друг от друга». (31)

Чуковская часто пыталась объяснить обиду Льва на мать тем чувством заброшенности, которое он испытывал в детстве, когда и отец и мать куда больше интересовались собственной жизнью, чем жизнью сына. Но Ахматова считала иначе. 1 января 1962 года, когда Чуковская пришла поздравить Анну Андреевну с успешной защитой диссертации сына и сообщить, что его считают великим ученым, она сказала: «Этот великий ученый не был у меня в больнице за три месяца ни разу... Он больной человек. Ему там повредили душу. Ему там внушали: твоя мать такая знаменитая, ей стоит слово сказать, и ты будешь дома». А мою болезнь он не признает. «Ты всегда была больна, и в молодости. Все одна симуляция». (32)

В разгар семейной ссоры Литературный фонд выделил Ахматовой дачу в Комарове: небольшой деревянный домик, где была одна темная комнатка и крохотная кухня. У Анны Андреевны впервые появилось собственное жилье, какого не было со времен Первой мировой войны. Обставили дачу друзья. Здесь были и старинные кресла с красивыми резными ножками, но с потертой обивкой, и узкий стол, явно сделанный из двери. Ахматова работала за длинным узким столом, на котором стояли фарфоровые подсвечники и фарфоровая чернильница. Под столом была устроена полка, где Анна Андреевна хранила все свои папки и бумаги. Бродский вспоминает, как она привычно наугад рылась в бумагах, разыскивая забытое стихотворение. Часто оказывалось, что стихотворение написано много лет назад. Она говорила,

что стихи «вышли на поверхность», и исправляла дату. На даче повсюду были цветы — они стояли в кувшинах и банках, но не в вазах.

В последние годы Ахматова редко оставалась одна. Рядом с ней всегда кто-то был — писатели, жившие в Комарове, или гости. В июне 1961 года в Комарове жила Анна Каминская. Но когда заболела Ирина Пунина, Анне пришлось уехать, чтобы ухаживать за матерью. Несколько дней Ахматова жила со своими старыми друзьями, супругами Адмони. Потом появился Лев и отвез Анну Андреевну в Москву к Ардовым — совершенно ясно, что разрыв между матерью и сыном не был полным. И все же, несмотря на то, что Лев много помогал ей в Москве, Ахматова печально замечала: «Лева не понимает, как я больна». (33)

В 1963 году на дачу приехали Лев Аренс, брат первой жены Пунина, и его жена Сарра. По соседству жила Сильвия Гитович, жена поэта и переводчика. Она часто готовила роскошные обеды в ахматовской «хижине».

Стихи Ахматовой, за которые она расплатилась невероятными страданиями, теперь привлекали к ней молодых, талантливых поэтов. На Западе мы лучше всех знаем Иосифа Бродского, изгнанного из России после весьма драматичного судебного процесса (см. далее). В ахматовский круг, кроме Бродского, входили также Анатолий Найман, ставший литературным секретарем Анны Андреевны, Дмитрий Бобышев, который сейчас живет в Соединенных Штатах, и Евгений Рейн, которого Бродский называл своим наставником. В 2003 году Рейн получил в Москве престижную Пушкинскую премию. Все они, кроме Бобышева, были евреями. Я спросила у Рейна, почему вокруг Ахматовой всегда было столько евреев. Он вскинул свои густые, кустистые брови и произнес: «Она

принадлежала к старой интеллигенции, и вопрос национальности ее никогда не волновал».

Евгений Рейн утверждает, что его национальность никогда ему не мешала. Он даже не воспринимает себя евреем. Его семья не была религиозной, он даже не знает идиша и иврита. Он не запомнил процессов «врачей-вредителей» — Евгений родился в 1935 году и был слишком молод в то время (по крайней мере, так говорит он сам, но ведь ему было уже восемнадцать!). Его отец был архитектором, а мать — филологом-германистом. «Мой отец умер в годы войны. Мой отчим был русским аристократом». Евгений Рейн узнал о том, что он еврей, только от бабушки с дедушкой.

Рейн познакомился с Ахматовой первым. Их познакомила его тетя, врач, знавшая Ахматову по Ташкенту. После войны она пригласила Евгения, тогда еще совсем юношу, на банкет в ресторан гостиницы «Астория» в Ленинграде. Была приглашена и Ахматова. Хотя на вечере присутствовало много красивых женщин, в Ахматовой было нечто такое, что произвело на Рейна глубокое впечатление.

В 1958 году, когда ему было чуть за двадцать и он только начинал писать стихи, Евгений узнал, что Ахматова живет в Ленинграде. Ему захотелось встретиться с ней снова. За 15 копеек он узнал в справочном бюро ее адрес. Рейн запомнил, что тогда она жила на улице Красной Конницы, в квартире 4 на первом этаже. Квартира Ахматовой находилась совсем недалеко от Таврической улицы, где когда-то устраивал знаменитые литературные вечера Вячеслав Иванов. «Мне открыла дверь какая-то женщина. Позже я узнал, что это была бывшая жена брата Ахматовой. Когда я спросил, можно ли видеть Ахматову, она сказала, что это очень просто». (34)

В те годы Ахматову часто навещали молодые поэты, с которыми она всегда была очень вежлива. В июне 1961 года начался ремонт дома на улице Красной Конницы. Ирине Пуниной, Анне Каминской и Ахматовой пришлось переехать. Ахматовой помогал Евгений Рейн. Он вспоминает: «Она спросила меня о других молодых поэтах и о том, чем занимаюсь я сам. А потом сказала, что переезжает и что ей нужно помочь с книгами. Она спросила, нет ли у меня друзей, которые помогли бы ей собраться».

Друг у Рейна был — Дмитрий Бобышев, и вместе они помогли Ахматовой переехать. Бобышев вспоминает, как они покупали бечевку и упаковочную бумагу, а потом шли на улицу Красной Конницы. Он сразу узнал Ахматову, хотя она стала грузной и седой. Ее профиль нельзя было не узнать. Молодые люди стали упаковывать книги. Они работали очень медленно, рассматривая каждую книгу, снятую с полки. На многих книгах были дарственные надписи. Ахматова с особой гордостью показала им оттиски статей по этнографии, написанных Львом Гумилевым. Постепенно работа вообще прекратилась и перешла в разговор о литературе.

Когда Бобышев пришел к Ахматовой во второй раз, дверь ему открыла Анна Каминская. Она показала ему похожей на молодую Ахматову — что, в принципе, странно, поскольку они не состояли в родстве. На этот раз разговор зашел о рисунке Модильяни, висевшем на стене. Ахматова объяснила, что это один из целого цикла, состоявшего из двадцати рисунков. Когда-то они хранились в Царском Селе, но потом исчезли. Бобышев спросил, что же с ними случилось, и Анна Андреевна ответила: «Не знаю... Должно быть, их скурили красноармейцы на папиросы». Каким же потрясением стало обнаружение коллек-

ции врача Модильяни, Поля Александера, с рисунками обнаженной Ахматовой! Бобышев был совершенно убежден в том, что у Ахматовой был роман с Модильяни.

Евгений Рейн продолжал периодически бывать у Ахматовой. Затем он познакомился с Иосифом Бродским и представил его Анне Андреевне. В то время Бродского больше интересовала поэзия Осипа Мандельштама и виртуозные стихи Цветаевой. Он считал, что Ахматова давно умерла, но, узнав, что она жива, захотел с ней встретиться. В 1961 году Бродский работал на факультете кристаллографии Ленинградского университета. Работа позволяла ему иметь доступ в библиотеку, где он нашел книгу Мандельштама «Камень» и находился под глубоким ее впечатлением.

Бобышев вспоминает, что Бродский, Рейн и Найман часто читали свои стихи Ахматовой, а потом начинала читать она. Иногда они спорили о поэзии. Однажды, когда речь зашла о Цветаевой, Анна Андреевна посоветовала им почитать очень сложную «Поэму воздуха». Бобышев навсегда запомнил, как они сидели вокруг стола, пили водку, закусывали и были абсолютно счастливы.

К 1961 году Ахматова окончательно перебралась на дачу. В Комарове ей нравилось и зимой и летом. Здесь было гораздо просторнее, чем в ее ленинградской комнатке, здесь она чувствовала себя независимой, хотя и не могла обойтись без посторонней помощи. Когда приезжали Бродский и Рейн, у нее всегда были гости. Рейн вспоминает:

«Уже потом я понял, что ей не нравилось принимать разных людей одновременно. Она говорила нам: «Не прогуляться ли вам, молодые люди?» Мы уходили на озеро. Отец Иосифа был оператором, поэтому он часто брал с собой фотоаппарат и много снимал.

Когда мы возвращались, она давала нам по стакану и доставала бутылку вина». (35)

С Бродским Рейн стал бывать у Ахматовой гораздо чаще.

В Комарове находились дачи писателей и ученых. Рейн вспоминает: «Там жила очень милая женщина, биолог, и она предложила нам пожить на ее даче, пока та не занята. Бродский в то время был влюблен, и ему страшно нужно было жилье. Они с подружкой жили там, прежде чем вернуться в Ленинград. После этого Бродский стал встречаться с Ахматовой два-три раза в неделю». Бродский тоже часто вспоминал это время. Тогда ему был всего двадцать один год, но он был уже довольно известен. Его стихи заметили и высоко оценили. Но в присутствии Ахматовой он постоянно осознавал величие этой женщины: «В разговорах с ней, просто в питье с ней чая или, скажем, водки ты быстрее становился христианином — человеком в христианском смысле этого слова, — нежели читая соответствующие тексты или ходя в церковь». (36) Спустя несколько дней он возвращался домой в электричке и внезапно понял, «с кем или, вернее, с чем он имеет дело». (37) Бродский не мог не понимать масштаба гения Ахматовой.

Хотя Бродский до конца жизни больше ценил поэзию Цветаевой, чем Ахматовой, он глубоко уважал независимый дух Анны Андреевны. Он чувствовал, что ей нужно, и пытался дать ей это. В стихах Ахматовой много упоминаний о музыке — о Бахе и Вивальди. Мы не знаем, кто подарил ей проигрыватель, который стоял в «Будке», но пластинки, в частности Перселла, Бродский ей приносил сам. Они часто говорили о Моцарте.

Ахматова читала свои стихи молодым поэтам и всегда интересовалась их мнением. По крайней ме-

ре, Бродский вспоминает: «Говорили, что именно, по нашему мнению, не годится. Не часто, но это происходило». (38) В той же беседе с Волковым Бродский вспоминал:

«Анна Андреевна пила совершенно замечательно. Если кто и умел пить — так это она и Оден. Я помню зиму, которую я провел в Комарове. Каждый вечер она отряжала то ли меня, то ли кого-нибудь еще за бутылкой водки. Конечно, были в ее окружении люди, которые этого не переносили. Например, Лидия Корнеевна Чуковская. При первых признаках ее появления водка пряталась и на лицах воцарялось партикулярное выражение... После ухода такого непьющего человека водка снова извлекалась из-под стола». (39)

Чуковская отлично знала о слабом сердце Ахматовой и не одобряла подобного поведения не только из чистого пуританства. Найман тоже пишет о том, что Ахматова любила выпить. Он же полагает, что Чуковская, несмотря на действительную заботу о ее здоровье, предпочитала, чтобы Ахматова оставалась «героиней на баррикадах». (40)

Когда я попросила Евгения Рейна прокомментировать воспоминания Бродского, он ответил уклончиво: «Она никогда не скрывала своих чувств и всегда откровенно говорила, что ей нравится, а что нет». В последние годы характер Бродского стал непростым, но, как вспоминает Бобышев, «с Ахматовой он [Бродский] всегда был шелковым». (41)

В 1959 году Зоя Томашевская, в доме которой Ахматова некоторое время жила в годы войны, познакомила Анну Андреевну с Анатолием Найманом. Они стали близкими друзьями, и Найман много помогал Ахматовой. Впрочем, никаких покупок для нее он не делал, за исключением разве что спиртного.

Томашевская была знакома с женой Наймана, которая работала искусствоведом в Эрмитаже. Томашевская вспоминает, что Найман постоянно просил ее познакомить его с Ахматовой. Как-то раз, отправляясь в Комарово с цветами и фруктами для Анны Андреевны, она согласилась взять его с собой. В Комарове он не выходил из машины, пока Ахматова не вышла из дома, сама не увидела его и не пригласила войти.

Анатолий Найман окончил школу в 1953 году, через три месяца после смерти Сталина. Его отец работал инженером, мать — врачом. За десять месяцев до нашей встречи он перенес операцию на сердце, но по-прежнему был элегантен и очень хорош собой. У Евгения Рейна тяжелое лицо с крупными чертами, Найман же напоминает итальянца. Впервые он встретился с Ахматовой осенью 1959 года, когда ему было всего двадцать три года. Анна Андреевна была для него легендой — и она его не разочаровала. От Ахматовой он ушел, «пораженный тем, что находился рядом с человеком, которого нельзя сравнить ни с кем из живущих на Земле». (42) Навещая Ахматову в ее квартире на улице Красной Конницы, он был поражен, когда увидел перед Анной Андреевной блюдечко с одинокой вареной морковкой, неаккуратно очищенной и уже подсохшей.

В своих мемуарах (43) Найман рассказывает не только о том, как выглядела Ахматова. Он передает тон ее голоса, самый ее дух. Она абсолютно не интересовалась вещами материальными. Ее удивляло, почему Пикассо так любит фотографироваться в окружении дорогих вещей: «как банкир», презрительно говорила она. (44)

Найман стал для Ахматовой не только литературным секретарем. Они вместе переводили меланхо-

личные стихи итальянского поэта Леопарди. В то время переводы были для Наймана основным источником дохода. Совместная работа очень их сблизила. Не желая эксплуатировать готовность молодого человека помогать ей, она величественно заявляла: «Мы будем заниматься чем-то одним». И зачастую откладывала самые важные дела. Когда Волков спросил у Бродского о ходивших в то время слухах о любовных отношениях между Ахматовой и Найманом, Бродский подтвердил, что много раз об этом слышал, но всегда считал их сплетнями.

Сумрачная красота Наймана, несомненно, напоминала Ахматовой Модильяни. Неудивительно, что она находила его очень красивым. Наймана тоже тянуло к великой поэтессе. Он недавно расстался с женой. Очень скоро Анатолий Найман массу времени стал проводить рядом с Ахматовой. Анне Андреевне было уже под семьдесят, ее здоровье оставляло желать лучшего, и все же она оставалась удивительно привлекательной для молодых мужчин. Ходили слухи о любовной связи между Ахматовой и Найманом, и Найман знал о них. Он признавался, что действительно любил Анну Андреевну. Но несмотря на то, что они виделись почти каждый день, в их отношениях не было эротики. Он предложил помощь, потому что ему было приятно что-то сделать для этой женщины. К примеру, он перепечатал «Северные элегии». Но, несмотря на всю близость между ними, они так и не перешли на «ты».

Евгений Рейн приводит еще одну причину, по которой Лев Гумилев мог обижаться на мать: «Он ревновал к Найману, который занял в ее жизни слишком много места. Он занял то место, которое в нормальных условиях принадлежало бы сыну». (45) Михаил Ардов оспаривает эту точку зрения: «Все молодые

друзья Ахматовой появились у нее в те пять лет, когда они со Львом не виделись». (46)

И все же Найман говорит, что он несколько раз встречался со Львом. Он знал многих из тех, кто сидел в сталинских лагерях, и «их поведение было совсем другим. Не изменившись душой, выжить там было невозможно». Найман считает, что Лев действительно мог произнести те слова, которые приписывает ему Бродский, но сомневается, чтобы нечто подобное могло быть высказано в лицо матери. (47) Найман вспоминает, что, несмотря на всю боль, причиненную Львом матери, когда в ее присутствии начинали говорить о том, как трудно общаться с Гумилевым, Ахматова всегда бросалась на его защиту: «Не забывайте, что его с девяти лет не записывали ни в одну библиотеку как сына расстрелянного врага народа».

В те годы, когда Ахматова близко общалась с Найманом, она писала о Николае Гумилеве. Его трогало, что Анна Андреевна помнила все годовщины. В 1962 году исполнилось пятьдесят лет со дня выхода «Вечера». Она никогда не забывала о том, что Николай Гумилев был казнен 25 августа. Найман понимал боль Анны Андреевны от того, что Гумилев не смог насладиться своей славой, и все же не находил в его творчестве ничего, что можно было сравнить со стихами Мандельштама. Ахматова сама не раз говорила о том, как скучно ей было слушать чтение чужих стихов до тех пор, пока на сцену не поднимался Мандельштам.

История сблизила этих молодых поэтов с Ахматовой, но Найман полагает, что к каждому из них она относилась по-разному. Она любила Бродского, потому что понимала значимость его поэзии. Она нежно относилась к Бобышеву. Но Найман считает,

что она недолюбливала Рейна и не интересовалась его стихами. (48) Из-за этого отношения между Найманом и Рейном нельзя считать безоблачными. Я почувствовала, что элемент соперничества присутствует в их жизни и по сей день. Найман говорил мне, что Ахматова прислала ему тридцать писем и телеграмм, тогда как Рейну всего три. Он встречался с Анной Андреевной гораздо чаще, чем Рейн. В именном указателе к собранию сочинений Ахматовой на фамилию Наймана вы найдете семьдесят ссылок. Рейн считает, что Найман каким-то образом повлиял на составление этого указателя.

Живо интересуюсь творчеством молодых поэтов, Ахматова не любила тех, кто был очень популярен. Об Евтушенко, который находился на вершине славы, Анна Андреевна говорила неблагосклонно, хотя, как она признавалась Найману, читала мало его стихов. Она просто не могла доверять тем, кто строил свою репутацию на публичных чтениях. О поэте В-ском, как его называет Найман, имея в виду, по-видимому, Вознесенского, Ахматова высказалась категорически: «Я говорю со всей ответственностью: ни одно слово своих стихов он не пропустил через сердце». (49) Столь же неблагожелательно относилась она и к Ахмадулиной. Чуковской Ахматова говорила, что переводы Ахмадулиной ей нравятся, а вот стихи — нет.

Ахмадулина рассказала мне чудесную историю о встрече с Ахматовой. Она предложила подвезти Ахматову на свадьбу на машине, которая не отличалась особой надежностью. Машина сломалась в центре города. Ахмадулина изо всех сил пыталась реанимировать двигатель, она открыла капот, ей помогали водители и прохожие. Но ничего не получалось. Когда Белла окончательно отчаялась, приехал друг и пред-

ложил подвезти обеих женщин. Ахматова категорически отказалась от подобного предложения, с царственным величием заявив: «Дважды я одной и той же ошибки не совершаю». (50)

В это время Ахматову часто упоминали в мемуарах, которые начали появляться на Западе. Причем вспоминали о ней те, кто никогда не был знаком с ней лично. Порой такие воспоминания выходили за границы приличий. Многие писали о том, что Николай Гумилев не ценил ее стихов, и в доказательство приводили знаменитое стихотворение Ахматовой о встрече на набережной с любимым, который говорит, «что быть поэтом женщине — нелепость». (51) Ахматова относилась к подобным измышлениям иронически и говорила, что каждый день видела Гумилева за завтраком — к чему бы ей встречаться с ним на набережной.

Она по-прежнему вела кочевую жизнь. Ахматова постоянно переезжала с места на место, кочуя между Москвой, Ленинградом и Комаровом. В Москве она чаще всего останавливалась у Ардовых, особенно когда выходила из больницы. Обида Льва не проходила, поэтому Ахматова все больше зависела от Ирины Пуниной и Анны Каминской. Они вели хозяйство, навещали ее в больнице. Они были добры и заботливы, и это видел Дмитрий Бобышев, но многие друзья понимали, что эта забота далеко не бескорыстна.

Ахматова верила в Бога. У нее всегда был церковный календарь. Но в последние годы она ходила в церковь лишь для того, чтобы перекреститься, перед иконой поставить свечку. Бродский писал, что часто ходить в церковь ей было физически тяжело. (50) Ахматова действительно не могла ходить без посторонней помощи, что объяснялось ее сердечной болезнью. Молодые люди должны были нести ее сумку,

а кто-то отвечал за то, чтобы она не забыла принять нитроглицерин. Она ходила очень медленно, опираясь на руку своего спутника. Ахматова всегда была очень суеверна. Ей нравилось то, что она родилась в ночь на Ивана Купалу, и она считала, что от рождения наделена магической силой.

Михаил Мейлах, известный ученый и редактор ахматовских стихов, вспоминает, что в пятнадцать лет он взял ее тоненький сборник «Из шести книг», нарвал букет сирени и подарил ей в Комарове. Здесь была дача его отца, тоже известного литературоведа. (54) Этот шаг был поразителен для чрезвычайно застенчивого подростка. Ахматова надписала ему книгу. После этого он стал постоянно приносить ей цветы, фрукты и граммофонные пластинки, а порой и сопровождал ее в поездках. Несколькими годами позже они с Найманом отправились к Бродскому в его северную ссылку. К сожалению, сейчас Найман и Мейлах больше не дружат. Объединяет их только искренняя любовь к Ахматовой.

Многие вспоминали, что Ахматова часто думала о том, будут ли ее помнить после смерти. Она не хотела быть забытой. И это было не простое тщеславие. Любовь четырех молодых поэтов вселяла в нее надежды на будущее.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Вы напишете о нас наискосок¹.

Иосиф Бродский

На XXII съезде партии, состоявшемся в октябре 1961 года, Хрущев объявил Сталина преступником и убийцей. Останки тирана были вынесены из Мавзолея. В 1956 году Хрущев говорил о сталинской тирании только перед избранным кругом, теперь же он публично осудил все преступления режима. В литературном мире царила эйфория. Казалось, свобода близка. В 1962 году в «Новом мире» была опубликована повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Александр Твардовский собирался публиковать и «Поэму без героя». Ахматова могла без опасения читать «Реквием» друзьям. В мае 1962 года она прочла этот цикл Льву Копелеву и его жене Раисе. Копелевы стали ее верными друзьями. Ахматова надеялась, что Раиса сможет помочь Эмме Герштейн, подвергшейся острой критике за статью о смерти Пушкина, опубликованную в журнале «Октябрь».

Летом 1962 года Солженицын приехал на дачу Копелевых. Узнав, что у них есть экземпляр «Поэмы без героя», он тут же решил сделать себе копию. В конце октября того же года Чуковская описывает в дневнике встречу Ахматовой и Солженицына. Проза Алек-

¹ Возможно, поэт имел в виду наклон почерка Ахматовой или ее характерную осанку.

сандра Исаевича произвела глубокое впечатление на Ахматову, а вот стихи и манера чтения оказались ей не близки. Ахматова пересказала Чуковской свой разговор с Солженицыным, начав с собственных слов:

«Я ему сказала: «Знаете ли вы, что через месяц вы будете самым знаменитым человеком на земном шаре?» — «Знаю. Но это будет недолго». — «Выдержите ли вы славу?» — «У меня очень здоровые нервы. Я выдержал сталинские лагеря». — «Пастернак не выдержал славы. Выдержать славу очень трудно, в особенности позднюю». (1)

Несмотря на искреннее восхищение со стороны Ахматовой, Солженицын не принял ее «Реквиема». Ему показалось, что эти стихи говорят о сугубо личных переживаниях, а не о страданиях всего народа. Впоследствии он говорил, что почувствовал в Ахматовой определенную холодность: «Возможно, это ей не понравилось. Она привыкла к похвалам и лести». Солженицын недооценил Ахматову. Говоря Чуковской о его словах, Ахматова отмахнулась от подобной критики. Ведь в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицын тоже показал судьбу одного человека, и тем не менее в этой судьбе воплотилась жизнь всего народа. Анна Андреевна говорила Чуковской: «Да ведь и сам Солженицын «Одним днем з/к», одну судьбой изобразил многолетние судьбы миллионов». (1*)

Однако в одном отношении Солженицын был прав: в это время Ахматова была окружена таким поклонением, какого не знала никогда раньше. Она получала письма со всех концов России. К ней приходили молодые поэты, и среди них Наталья Горбаневская, стихи которой больше всего нравились Анне Андреевне. Ахматову окружала молодежь, готовая сделать все что угодно, чтобы помочь ей. Восхищение

Ахматовой было столь сильно, что вызывало даже зависть. Евгений Рейн полагает, что именно зависть заставила Надежду Мандельштам (2) осудить Анну Андреевну во втором томе своих мемуаров: «Вокруг Ахматовой всегда было много мужчин и поэтов. Это был настоящий королевский двор: Анатолий Найман, Бобышев, Бродский... Надежда Мандельштам не могла не ревновать». (3) Найман считает, что в этих отношениях всегда присутствовал элемент скрытого соперничества: Надежда Яковлевна считала, что Ахматова получила от жизни гораздо больше, чем заслужила, — ведь она не страдала так, как Осип Мандельштам.

Лев Гумилев стал работать в Эрмитаже. Он работал с таким иступлением, что здоровье его пошатнулось, и ему пришлось даже лечь в больницу. В 1957 году ему впервые в жизни дали собственное жилье — комнату в коммунальной квартире. Его финансовое положение оставляло желать лучшего, хотя в 1959 году Ахматова, получившая большой гонорар за переводы, смогла ему помочь. В 1961 году Лев Николаевич защитил докторскую диссертацию, а в 1963 году стал старшим научным сотрудником научно-исследовательского института при Ленинградском университете.

В Комарове одним из соседей Ахматовой был Виктор Максимович Жирмунский (4), знавший ее еще с 10-х годов. Теперь он стал академиком. Хозяйство Ахматовой вела Сарра Иосифовна Аренс — маленькая семидесятилетняя старушка, с утра до ночи ходившая в фартуке. Врачи рекомендовали Ахматовой несколько раз в день гулять, но ей удавалось выйти только один раз.

Найман замечал, с какой легкостью Ахматова подстраивается под стиль тех, кто ее окружал. «Ахмато-

ва была с Чуковской совсем не та, что, например, с Раневской — не лучше-хуже, не выше-ниже, просто не та». (5) Найман никогда не осуждал Раневскую. Рассказывая мне о ней, он называл Фаину Георгиевну «хулиганкой, свободным духом». С Найманом Ахматова часто давала волю своему сардоническому остроумию, особенно часто проявлявшемуся при столкновении с практическими проблемами. Она очень любила говорить об «ахматовском часе»: «Так назывался час обеденного перерыва в учреждениях, необъяснимо начинавшийся как раз в ту минуту, когда туда приезжала Ахматова». (6)

Юмор — редкий гость в ее стихах, но в разговоре она была очень остроумна и любила преувеличивать отдельные детали, чтобы придать рассказу комический эффект. Найман вспоминает: «Однажды в Комарове, когда принесли очередную почту, я сказал про письмо из-за границы, которое находилось в пути чуть ли не два месяца. «Пешком шло. И неизвестно, с кем под ручку», — отозвалась Ахматова». (7)

Ахматова восхищалась некоторыми современными зарубежными поэтами. В 1963 году на русском языке вышел сборник чилийской поэтессы Габриэлы Мистраль, получившей Нобелевскую премию. Стихи глубоко тронули Анну Андреевну. Она почувствовала, что настрой Мистраль очень близок духу ее собственных ранних стихов, и даже нашла в ней почти свои строки. Найман пишет, что это доставило ей глубокое удовольствие, в котором не было ни капли ревности. Ахматова даже заметила: «Краснокожая обошла меня» — Мистраль была индианкой». (7*) Переводческая работа давала ей возможность читать много стихов, и в частности стихи еврейского поэта Перца Маркиша. Ахматова читала Чуковской переведенные ею стихи Маркиша, и вместе они грустили из-за

того, что такой талант был загублен. Один образ Ахматова любила особенно: сухой лист, уносимый ветром и напоминающий золотую мышь.

Все четыре молодых поэта, окружавших Ахматову, посвящали ей стихи. В 1962 году, когда Дмитрий Бобышев преподнес ей пять роскошных роз, она написала стихи, посвященные каждому из молодых почитателей. Бродскому она посвятила стихотворение «Последняя роза», в котором молила Бога даровать ей простую жизнь, а не героическую судьбу Жанны д'Арк.

Господи! Ты видишь, я устала
 Воскресать, и умирать, и жить.
 Все возьми, но этой розы алой
 Дай мне свежесть снова ощутить. (8)

Многие короткие стихи, написанные в начале 60-х годов, являются воспоминаниями о прошлой любви. Вот это стихотворение почти наверняка связано с Анрепом:

Всем обещаньям вопреки
 И перстень сняв с моей руки,
 Забыл меня на дне...
 Ничем не мог ты мне помочь.
 Зачем же снова в эту ночь
 Свой дух прислал ко мне?
 Он строен был, и юн, и рыж,
 Он женщиной был,
 Шептал про Рим, манил в Париж,
 Как плакальщица выл...
 Он больше без меня не мог:
 Пускай позор, пускай острог...
 Я без него могла. (9)

Описывая общение с духом возлюбленного, Ахматова говорит от третьего лица. Последняя строка кажется произнесенной тем удивленным тоном, который часто появлялся в ее речи и который вспоми-

нают все ее друзья. Чаще всего это случалось в последние годы, когда они с Раневской подшучивали над чем-то, а молодежь радостно смеялась их шуткам.

Иногда Ахматовой писали ее давние поклонники. 25 марта 1963 года Анна Андреевна получила письмо от Артура Лурье, в котором он пишет о том, что его собственная слава «лежит в канаве» с тех пор, как он приехал в Штаты. Иногда ей писал младший брат Виктор, последний из оставшихся в живых. Его считали погибшим, но выяснилось, что он оказался в Америке. Ахматова всегда говорила о нем с улыбкой — настолько плохо он понимал жизнь в современной России. Виктор присылал странные подарки — например, шарф, не зная, что для него у Ахматовой нет пальто. В конце Гражданской войны, в 1921 году, он оказался на Дальнем Востоке. Бросив жену, он начал путешествовать по Китаю и Японии. Затем он завербовался на торговый корабль. После Второй мировой войны Виктор осел в Соединенных Штатах и стал охранником. Когда Шостакович приезжал в Америку, Виктор был его телохранителем. Именно от Шостаковича Ахматова и узнала, что ее брат жив.

В свои семьдесят Ахматова интересовалась буквально всем. Ее интересовало творчество молодых поэтов, даже тех, которые ей не нравились, в частности, Вознесенского и Евтушенко. В сентябре 1963 года к ней приезжал американский поэт Роберт Фрост. Значение этого поэта было столь велико, что советские власти не могли позволить ему увидеть «Будку» Ахматовой. Анну Андреевну отвезли на дачу академика Михаила Алексеева, где был накрыт роскошный стол — с серебром и хрусталем. Элегантно причесанная и скромно одетая Ахматова приветствовала американца с обычным достоинством, хотя не могла

в душе не сравнивать их судьбы. Тогда она заметила: «Нас ждет один конец. И, возможно, настоящая разница в действительности не столь уж велика».

Впрочем, ревность не была Ахматовой чужда, несмотря на все ее внешнее спокойствие. Чуковская несколько раз замечала, что ей не нравилось, когда ее сравнивали с Цветаевой. Однажды Ахматова сказала, что Цветаева гораздо ближе к Маяковскому, чем к ней. Она критиковала Цветаеву за то, что та была пессимисткой с рождения. «Ей не было хорошо за границей, но и в России она не была счастлива». Говоря о Цветаевой, Анатолий Найман замечает: «Она была поэтом, не знавшим рая. У Ахматовой был рай, а Иосиф Бродский всегда был на стороне тех, у кого нет рая». (10)

В 1963 году Хрущева начало беспокоить то, что интеллигенция перестала восхвалять коммунизм. Одним из первых признаков окончания оттепели стало его замечание Илье Эренбургу по поводу книги «Люди, годы, жизнь». Затем началась кампания против ленинградских художников. Иосиф Бродский оказался втянутым в эту борьбу. Кампания началась со статьи, опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» в ноябре 1963 года. Авторами статьи был А. Ионин, Яков Лернер и М. Медведев. Статья называлась «Окололитературный трутень». После этой публикации против Бродского было возбуждено уголовное дело. Авторы статьи приписали Бродскому стихи, которых тот никогда не писал. Они писали и о том, что Бродский в Самарканде встречался с американцем и хотел передать ему рукопись для публикации за границей. Утверждали, что Бродский вместе со своим другом О. Шахматовым хотели захватить самолет и улететь из страны. В 70-е годы Бродский признал, что в этом утверждении была доля истины (11), хотя даже то-

гда они отлично понимали, что шансов на успех не было практически никаких. Бродскому не дали возможности оправдаться. Ахматова сделала все, что было в ее силах. Она переговорила с Шостаковичем, который тогда был депутатом Верховного Совета от Ленинграда, но тот сказал, что ничего сделать нельзя, потому что Бродский действительно встречался с иностранцами. Друг Ахматовой, Владимир Адмони, и известный ученый Ефим Эткинд выразили свой протест против преследования Бродского.

По предложению Михаила Ардова Бродский уехал из Ленинграда в Москву. Ардов полагал, что для Бродского будет безопаснее всего укрыться в психиатрической клинике, но этот способ был для поэта неприемлем. Узнав о том, что его любимая женщина встречается с Бобышевым, он вернулся в Ленинград. 13 февраля 1964 года его арестовали на улице. Трое мужчин втолкнули его в машину, привезли в милицию и посадили в камеру.

18 февраля начался суд над Бродским. Несколько свидетелей вызвала и защита. Среди них были Владимир Адмони, Ефим Эткинд и Наталья Грудинина (она вела семинар, на котором занимался Бродский). В защиту поэта выступили и такие зубры советской литературы, как Константин Паустовский, Александр Твардовский и Самуил Маршак. При Сталине такое было бы просто невозможно.

Суд над Бродским вызывал глубокий интерес, особенно среди молодежи. Коридоры суда на улице Восстания были заполнены студентами. Бродский сидел на скамье рядом с родителями. Он сохранял странное, невозмутимое спокойствие. Фрида Вигдорова записывала все, что говорилось на суде. Ни ей, ни Чуковской не удалось получить официальный пропуск (о пропуске просили Евтушенко, Ахмадулина и Воз-

несенский, но им тоже было отказано). Тем не менее запись Вигдоровой успешно распространялась в «самиздате» по всей России и очень скоро была опубликована на Западе.

Судья спросил, чем Бродский зарабатывает за жизнь. Он ответил: «Я пишу стихи. Я перевожу». Затем судья спросил, какой постоянной работой он занимается, и Бродский ответил: «Я полагал, что это была постоянная работа». На вопрос судьи, кто признает его поэтическое творчество, он сказал: «Никто... А кто признает, что я принадлежу к человечеству?» Судья хотел знать, где Бродский учился поэзии, и услышал в ответ: «Я не думаю, что этому можно научиться. Я думаю, это от Бога».

Такие ответы взбудоражили всю Россию. Адвокат Бродского доказал, что он действительно зарабатывал деньги переводами, жил дома и расходы его были довольно скромными. Таким образом, обвинение в «тунеядстве» должно было отпасть. Тем не менее на три недели Бродского отправили в психиатрическую клинику, чтобы выяснить, достаточно ли он крепок, чтобы его сослать. Подобно многим другим, он вспоминал эти три недели как самое ужасное время в жизни. 13 марта состоялся второй суд. За это время Чуковская и Вигдорова успели собрать подписи в поддержку Бродского. Многие написали письма протеста. Протестовали ученые, писатели, журналисты. Евтушенко вернулся из Италии и заявил, что дело Бродского может пагубно сказаться на репутации Советского Союза.

Ахматова и Шостакович отправили телеграммы протеста. Тем не менее на суде выступило множество рабочих и пенсионеров, свидетельствовавших против Бродского. Его приговорили к пяти годам принудительных работ на Севере.

Когда-то Ахматова сказала, что все проблемы Пастернака в сравнении с террором 1937 года — это «бой бабочек». То же можно сказать и о суде над Бродским. Ссылка давала ему возможность писать стихи. Приговор обернулся для него мировой славой. Найман пишет: «Ахматова, хлопоча за него, одновременно приговаривала одобрительно про биографию, которую «делают нашему рыжему». (11*)

Бродскому пришлось по двенадцать часов работать в поле, но в целом условия его жизни были не такими уж плохими. У него был дом в деревне, а местные жители неплохо к нему относились. Найман, навестивший его в ссылке, нашел его жилище довольно уютным. У Бродского было достаточно еды и дров. Он даже мог слушать Би-би-си и «Голос Америки».

«Реквием» Ахматовой попал в «самиздат» примерно в то же время, что и запись суда над Бродским, сделанная Вигдоровой. 15 октября 1964 года Хрущева сместили якобы по причине слабого здоровья. Пост генерального секретаря партии занял Брежнев. Адмони решил, что это подходящий момент, чтобы обратиться с петицией в Верховный суд. Тогда же Жан-Поль Сартр написал письмо Микояну, занимавшему видное место в советской иерархии. В сентябре 1965 года Верховный суд пересмотрел дело, и, хотя приговор не был отменен, Бродского освободили. Найман получил радостную телеграмму от Ахматовой, Сарры Аренс и Эммы Герштейн.

Ахматова знала, что конец жизни близок. Во многих стихах она говорит о смерти, о голосах из другого мира. К ней возвращались давно умершие дорогие люди. Однажды, снимая нагар со свечи, она вспомнила 1940 год. Призрак — наверное, Пунина — позвал ее по имени: «Анна». Иногда Ахматову охваты-

вало отчаяние от того, что она чувствовала себя последней из своего времени. Она вспоминала не только возлюбленных. 9 сентября 1964 года она написала короткое стихотворение, посвященное памяти подруги детства Валерии Срезневской:

... ведь ты была всегда:
 В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
 В тюремной камере и там, где злые птицы,
 И травы пышные, и страшная вода. (12)

Звонкий голос подруги доносится из другого мира, но не зовет умирать, а просит ждать смерти, как чуда. Короткая последняя строчка стихотворения вновь звучит знакомым ахматовским тоном:

Ну что ж! попробую. (13)

Найман часто пытался уговорить Ахматову не думать о смерти. 31 марта 1964 года она написала ему прекрасное письмо: «Теперь я окончательно убедилась, что все разговоры на эту тему губительны, и обещаю никогда не заводить их. Мы просто будем жить, как Лир и Корделия в клетке, — переводить Леопарды и Тагора и верить друг другу». (14)

По-настоящему независимой Ахматова чувствовала себя только в Комарове. В 1965 году Лидия Чуковская так оценила обстановку в квартире Ахматовой на улице Ленина: «Хотя в Ленинграде Союз писателей в писательском доме предоставил квартиру Ахматовой (не Пуниным), они, живя с нею, не считают себя обязанными создавать в этой квартире быт по ее образу и подобию, быт, соответствующий ее работе, ее болезни, ее праву, ее привычкам. Сколько бы они ни усердствовали, выдавая себя всюду за «семью Ахматовой», — это ложь. Никакая они не семья». (15)

Бродский рассказывал Соломону Волкову о том, как, обсуждая судьбу архивов Пастернака, он убедил

Ахматову составить завещание, по которому Ирина Пунина становилась бы ее наследницей. Но это решение было принято до того, как из лагерей вернулся Лев Гумилев. По-видимому, таким было первое завещание. Ахматова оставляла все Пуниным, опасаясь, чтобы после ее смерти «за барахлом не явилось домоуправление». (16)

Анна Андреевна собиралась изменить завещание, даже написала об этом в одной из своих записных книжек. Она считала, что единственным наследником должен быть Лев Гумилев, ее сын. Однако эта запись не была заверена нотариусом и не имела юридической силы. Найман посоветовал ей обязательно обратиться к нотариусу. Ахматова разозлилась, но все же поехала с ним в контору. 29 апреля 1965 года — за год до смерти — она попросила его взять такси и съездить с ней к нотариусу.

Нотариальная контора располагалась на улице Моисеенко. Оказалось, что нужно подняться на третий этаж по очень крутой лестнице. Найман знал, что врачи категорически запрещают Ахматовой физические нагрузки. Он предложил вернуться домой и вызвать нотариуса на дом. Ахматова все же стала медленно подниматься. Наверху она была так утомлена, что не могла писать. Под наблюдением нотариуса все записал Найман, а Анна Андреевна только поставила подпись. «Когда вышли на улицу, она с тоской произнесла: «О каком наследстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моды и уйти». (17)

К сожалению, в последние годы она почти не виделась с сыном. Частично это объяснялось тем, что Лев с головой ушел в работу. Он поставил перед собой задачу осмыслить историю Азии и Сибири, утвердить величие империи Чингисхана и гуннов. Книга, в которой он описывал свою, евразийскую, версию исто-

рии, была опубликована в 1961 году и сразу же подверглась ожесточенной критике. В журнале «Вестник Древней истории» появилась статья, автор которой утверждал, что Лев Николаевич не читал источников, на которые ссылается, и не знаком с современной исторической литературой, посвященной Китаю и Японии. К счастью, заведующий библиотекой Эрмитажа, Матвей Гуковский, и директор Эрмитажа, профессор Артамонов, отстаивали право ученого пользоваться имеющимися переводами. И тем не менее количество противников Гумилева не уменьшилось. Его вторая книга «Древние турки» была опубликована только в 1967 году, спустя год после смерти Ахматовой.

В последние годы жизни Ахматова неожиданно для себя узнала, что ее слава стала мировой. 30 мая 1964 года в Музее Маяковского состоялась церемония в честь пятидесятилетия публикации «Четок», а в 1965 году вышел большой сборник ее стихов. Генрих Белль, читавший стихи Ахматовой в переводе, приехал к ней в Комарово, чтобы выразить свое восхищение.

Ахматова продолжала переводить с разных языков. Она получила несколько престижных премий, и в том числе премию Этна-Таормина и степень доктора в Оксфордском университете. Итальянскую литературную премию присуждало Европейское литературное сообщество. С этим важным событием Ахматову по телефону поздравили Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар. Отвечая на письмо о присуждении премии, Ахматова написала: «Известие, пришедшее ко мне из страны, которую я нежно любила всю жизнь, пролило луч света на мою работу». (17*) Как обычно, оформление документов для выезда в Италию заняло несколько месяцев. Задержка поражала

Ахматову: «Они что, думают, что я не вернусь? Что я для того здесь осталась, когда все уезжали, для того прожила на этой земле всю — и такую — жизнь, чтобы сейчас все менять?» (18)

Если вспомнить ужасное состояние здоровья Ахматовой и то, что она нуждалась в постоянной помощи даже для того, чтобы добраться из Ленинграда в Москву, становится ясно, что для поездки на Сицилию потребовалась немалая смелость. Ахматова хотела, чтобы ее сопровождала старинная подруга Нина Ольшевская, но во время гастролей в Минске она заболела. Сопровождать Ахматову вызвалась Ирина Пунина. Неожиданная болезнь подруги очень беспокоила Анну Андреевну. Она попросила Наймана немедленно вылететь в Минск, чтобы все выяснить. Из Минска Найман позвонил и сообщил, что Ольшевская все еще больна.

Ахматова с Пуниной отправились в Италию поездом. Ахматовой нравились поезда, возможно, потому, что железные дороги мало изменились с начала века. Тем не менее ей было очень трудно переезжать с места на место. Друзья привезли ее на вокзал задолго до прибытия поезда. Кто-то из молодых отвечал за багаж, второй подавал нитроглицерин. Ахматова ходила очень медленно, тяжело опираясь на руку спутника. Время от времени ей приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть.

Ахматова с Пуниной сначала прибыли в Рим, откуда Анна Андреевна послала Найману открытку: «Вот он какой — этот Рим. Такой и даже лучше. Со всем тепло. Подъезжали сквозь ослепительную розово-алую осень, а за Минском плясали метели, и я думала о Нине...» (19) Двумя днями позже она написала вторую открытку с изображением фонтана Треви: «Сегодня был совсем особенный день — мы проеха-

ли по *via Appia* — древнейшему кладбищу римлян. Кругом жаркое рыжее лето и могилы, могилы. Потом ездили на могилу Рафаэля. Кажется он похоронен вчера. (В Пантеоне)». (20) В другой открытке, датированной 9 декабря 1964 года, Ахматова пишет о том, что ждет врача из посольства, который должен определить, сможет ли она выехать в Таормину.

Из Рима Ахматова с Пуниной выехали поездом, а затем пересели на корабль. Утром 10 декабря они были уже на Сицилии. Весь день Ахматова дремала — неясно, от усталости или от принятых лекарств. Таормина была наполнена цветами. Ахматову поселили в красивом старинном монастыре. 12 декабря Анна Андреевна написала Найману письмо вместо открытки:

«Вечером в отеле стихотворный концерт. Все читают на своих языках... Завтра вручение премии в торжественной обстановке — в Катанье, потом опять Рим и... дом. Все, как во сне. Почему-то совсем не трудно писать письма.... Врач дал мне чудесное лекарство, и мне сразу стало легче. Как моя Нина? Чем бы ее потешить...» (21)

В том же письме Ахматова просит Наймана позвонить Ане Каминской и передать, что у них с Ириной все в порядке. Судя по всему, когда планы путешествия изменились, существовали какие-то сомнения и трения. Ахматовой по-прежнему тяжело ходить, и все же она хочет увидеть как можно больше. Она даже ездила осматривать древний греко-римский театр на вершине горы.

Церемония вручения премии происходила в Катанье. Ахматова и Ирина Пунина прибыли туда из Таормины 12 декабря по прибрежной дороге вдоль Ионического моря. Ирина вспоминает, что водитель гнал со скоростью сто миль в час, правда, держался

за руль обеими руками. Ахматова была очень встревожена, но эта история стала ее любимой после возвращения в Россию.

В Катанье они остановились в отеле «Эксцельсиор». В гостинице было множество репортеров и фотографов. Ахматовой и Пуниной предоставили номер с двуспальной кроватью, поэтому пришлось договариваться о смене комнаты. Церемония была очень торжественной. После того как Ахматова прочла свои стихи, выступили Арсений Тарковский и Александр Твардовский с чтением стихов, посвященных ей. Итальянский режиссер Паоло Пазолини показал свою картину «Евангелие от Матфея». Субботним вечером многие пришли в номер Ахматовой, чтобы поздравить ее. С истинно русским размахом Ахматова угощала пришедших тем, что привезла с собой: икрой, вареньем, черным хлебом и «Столичной». Поздравления затянулись до ночи. (22)

В 1965 году Ахматова отправилась в Оксфорд. Она знала, что там живет счастливый в браке Исая Берлин. Ахматова надеялась встретить в Англии своих старых друзей, с которыми не виделась почти полвека. Особенно ей хотелось увидеть Бориса Анрепа. 2 июня 1965 года утомленная Ахматова прибыла на вокзал Виктория. Ее фотографии и статьи о ней появились во многих лондонских газетах. На этот раз Ирина Пунина не смогла сопровождать Ахматову, и эта роль досталась Анне Каминской. Встречала Ахматову Аманда Хейт, защищавшая в Оксфорде диссертацию по ее творчеству.

Ахматова совершенно правильно предположила, что в присуждении ей почетной степени немалую роль сыграл Исая Берлин. (23) Мысль о том, что им предстоит встреча, заставляла ее волноваться. А жена Берлина, Алина, не вызывала у нее никакой симпатии.

Алина родилась в богатой еврейской семье. Ее отец был банкиром. Барон Пьер де Гинзбург после революции осел в Париже. Алина выросла в большом доме на авеню д'Илена в 16-м квартале. Она дважды была замужем. Со вторым мужем, физиком Хансом Хальбаном, и с сыном от первого брака она жила в большом трехэтажном особняке в георгианском стиле, купленном ей в пригороде Оксфорда. Алина не говорила по-русски, так как отец никогда не учил ее родному языку. Поэтому, когда Ахматова приехала в Оксфорд, она не пришла к ней в отель.

В честь Ахматовой был устроен прием, на котором присутствовали и Берлины. Леди Берлин вспоминает: «Это была ошибка... Она не обращала на меня внимания... Она вообще со мной не разговаривала. И она была так царственна, что я смущалась... Она не улыбалась и не смеялась... К счастью, мы не пригласили ее остановиться в нашем доме. Это была бы плохая идея». (24)

Ахматова тоже была бы смущена подобным предложением. Хедингтон-хаус (резиденция Берлиных) — это огромный дом с фасадом в двадцать четыре окна. У главного входа высятся величественные колонны. Массивная лестница ведет из холла на верхние этажи. Особняк окружен садами. К нему ведет красивая аллея. Студия, где принимают гостей, очень велика. На стенах висят старинные картины. В углу — огромный рояль. Три окна столовой выходят в большой сад.

Контраст между этой роскошью и двухкомнатной «Будкой» в Комарове или комнатой на улице Ленина был бы слишком разительным. Как вспоминает леди Берлин, Ахматова была в черном платье, с большой шалью на плечах. Готовясь увидеть легендарную красавицу, леди Берлин была разочарована. Она уви-

дела лишь полную, пожилую женщину. Но даже в этом Ахматова производила царственное впечатление. Леди Берлин отлично знала о влюбленности мужа в Ахматову. Когда мы разговаривали, она сказала, что абсолютно уверена в том, что слова Исаяи «Я влюблен», сказанные им Бренде Трипп, были лишь проявлением восхищения. «Он считал ее великолепной, но речи о влюбленности в истинном смысле слова и быть не могло. Когда он говорил, что влюблен, он хотел просто выразить свое восхищение и преклонение перед великой женщиной, какой она была». (25)

Во время визита в Оксфорд Ахматова рассказала Берлину о своих молодых друзьях-поэтах и, в частности, о Бродском. Бродский, по ее словам, должен был вскоре превзойти поэтов ее собственного поколения, к которому она причисляла Цветаеву, Мандельштама и Пастернака. Позднее, когда Бродского выслали за границу, Берлин вспомнил слова Ахматовой и с радостью помог изгнаннику.

Михаил Ардов вспоминает рассказ Ахматовой о том, что в Оксфорде она отказалась встретиться с епископом: «Она сказала: «Я принадлежу к русской православной церкви и хотела бы рассказать ему всю правду о жизни в Советской России, но я не могу этого сделать». Она чувствовала, что ее церковь всегда послушно выполняла все требования советского правительства, и знала, что все ее слова будут переданы советским властям». (26)

Ахматова получила почетную степень 4 июня. Вместе с ней степень получал английский поэт Зигфрид Сэссун. Перед отъездом Ахматову навестил Питер Норман, ее официальный переводчик, и записал на магнитофон ее чтение. Два следующих дня она провела в Стратфорде-на-Эйвоне. Эта экскурсия по-

требовала определенной смелости и настойчивости. Ахматова посетила дом, где родился Шекспир, и церковь Святой Троицы, где он похоронен. Она видела его знаменитый бюст. Увидев бюст, Ахматова поразилась тому, что человек с таким лицом мог написать те пьесы, которыми она всегда восхищалась. После этого визита она укрепилась в своих сомнениях относительно авторства шекспировских пьес.

17 июня, спустя тринадцать дней после церемонии, Питер Норман пригласил Ахматову и Каминскую в свой дом в Голдерс Грин. Ахматова уже встречалась с ним в Комарове летом 1964 года. Жена Нормана, Наташа, была гостеприимна, но слишком застенчива. Да и Ахматова была не слишком разговорчива. Когда Каминская принесла ей лекарство, Ахматова спросила, а не водка ли в стакане. (27)

В Англии Ахматова встретила с Саломеей Гальперн, своей старинной подругой еще по «Бродячей собаке». Из Лондона она отправилась в Париж, где остановилась в отеле «Наполеон». Здесь Ахматова встретила многих своих друзей по Санкт-Петербургу, в том числе и критика Георгия Адамовича. Адамович писал о том, что первое впечатление его поразило. Он увидел величественную и красивую пожилую даму. Узнать Ахматову он смог только по улыбке. Прошло несколько минут, и перед ним снова была прежняя Ахматова, только более разговорчивая и уверенная в себе. (28)

Больше всего Ахматовой хотелось увидеть Бориса Анрепа. Она надеялась, что он приедет в Оксфорд на церемонию, но он этого не сделал. Анреп опасался этой встречи. Он потерял подаренное Ахматовой черное кольцо, а может быть, ему просто хотелось сохранить воспоминание о юной и прекрасной подруге. Да и сам он стал старым и полным. Приехав в

Париж, Ахматова позвонила ему, хотя и не без смущения, и пригласила навестить ее в отеле вечером. По его собственному признанию, Анреп нервничал целый день, не зная, как ответить, если она спросит его о кольце. Он носил кольцо на цепочке, но, когда цепочка порвалась, положил кольцо в шкатулку, где хранил памятные вещи. Шкатулка пропала во время германской бомбардировки.

Встреча обернулась глубоким разочарованием. Ахматова ожидала другого. Перед ней был полный пожилой мужчина, которого английские знакомые считали галантным и остроумным. (29) Увидеть молодого офицера, покинувшего ее в 1917 году, Ахматова так и не смогла. Она надеялась, что Анреп будет сожалеть об их расставании. Она прочла ему часть «Реквиема», и он был поражен трагической силой этих стихов. Ахматова читала и другие стихи. Многие вспоминали, что, когда Ахматова начинала читать свои стихи вслух, ее обычная теплая улыбка исчезала и стихи, казалось, шли из глубины ее существа. Уходя от Ахматовой, Анреп еще долго гулял по Парижу, повторяя ее строки: «Отошел ты, и стало снова / На душе и пусто и ясно». Найман считает, что эти строчки — настоящая победа: «Ее жизнь была тяжелой, очень тяжелой, но это еще не означает, что она была жертвой». (30)

Ахматова встретила также с Юрием Анненковым, дважды рисовавшим ее в юности, и с Никитой Струве, племянником Глеба Струве. Струве сделал прекрасную запись ее чтения.

Вернувшись в Россию, Ахматова жила по-прежнему. Большую часть времени она проводила дома, никуда не выходя. Гости шли сплошным потоком. Многие знали только стихи Ахматовой и не были знакомы с ней лично. Многих она удивляла. Она лю-

была шутки, хотя, зная ее давнюю симпатию к евреям, при ней иногда стеснялись рассказывать антисемитские анекдоты.

Ахматова любила кататься по Москве. Найман вспоминает, что в последний раз они отправились на такую прогулку всего за двенадцать дней до смерти Анны Андреевны: «Было морозно, садилось солнце. Попросили шофера отвезти нас к Спасо-Андроникову монастырю... Улица, ведущая к монастырю, оказалась закиданной глыбами льда, видимо, недавно сколотого, машину стало трясти. Ахматова поморщилась, взялась рукой за сердце, я велел возвращаться на Ордынку. Она пососала нитроглицерин, шофер стал огибать белую монастырскую стену». (31)

Они объехали три огромных многоэтажных дома, построенных для номенклатуры возле кинотеатра «Ударник». Многие жильцы этих домов были расстреляны в годы Большого Террора. Проезжая мимо, Ахматова сардонически заметила, что архитектора, создавшего это чудовище, тоже следовало бы расстрелять.

Дни, проведенные за границей, стали неожиданным, величественным финалом ее жизни. Несомненно, напряженное путешествие сыграло определенную роль в ее смерти. В ноябре 1965 года у Ахматовой случился очередной инфаркт. Ее забрали в Боткинскую больницу, где она пролежала три месяца. 18 февраля 1966 года ей позволили вернуться к Ардовым. Ахматова ненавидела больницы. В своем дневнике она писала, что «после долгого пребывания все больницы превращаются в тюрьму», хотя ранее Найман замечал: «В беседе всегда была самой собой, проносила фразу спокойным тоном, предельно ясно и лаконично, не боялась пауз и не облегчала, как это

принято, ничего не значащими репликами положение собеседника, если ему было не по себе». (32)

Маргарита Алигер вспоминала, что друзья составили строгое расписание посещений, чтобы Ахматова не уставала. Печально, что, когда Лев Гумилев приехал в больницу навестить мать, его не пустили, потому что его имени не было в списке. Он оставил записку. Когда Ахматова получила ее, она была очень опечалена и сердита на то, что друзья не могли понять — «ведь это мой единственный сын, самый близкий мне человек, мой единственный наследник».

Воспоминания Алигер печальны, но не враждебны по отношению к друзьям, которые искренне пытались уберечь Ахматову от лишних волнений. Иосиф Бродский вспоминает, что Анна Каминская передала Льву записку Анны Андреевны. Но он больше не пытался навестить мать в больнице.

3 марта 1966 года Ахматова, Найман, Каминская и Ольшевская в сопровождении медсестры на двух такси отправились в санаторий в Домодедово. Санаторий был элитным — с коврами, зимним садом и широкими лестницами, полукругом ведущими к главному зданию. Увидев это великолепие, Ахматова пробормотала: «L'annee derniere a Marienbad» («В прошлом году в Мариенбаде»). Книга Роб-Грийе была чуть ли не последней книгой, которую она прочла. (33) То ли от лекарств, то ли от слабости, связанной с болезнью, Ахматова чувствовала себя сонной. Както у Наймана ей на глаза попала книга Йейтса. Она обратила особое внимание на стихотворение «Когда ты старый и седой и сонный». Санаторий Ахматовой понравился. Здесь было спокойно и хорошо. Здесь она с интересом прочла об обнаружении Кумранских свитков.

Найман простился с Ахматовой 3 марта. Он дол-

жен был скопировать ее мемуары о Лозинском, чтобы отослать их в журнал. 5 марта он вышел из самолета в Домодедове с букетом нарциссов. В коридоре его встретила женщина в белом пальто, но он не запомнил, что она говорила. Войдя в комнату Ахматовой, Найман с удивлением обнаружил, что в постели Анны Андреевны лежит задыхающаяся Нина Ольшевская. Ей дали успокоительное. Возле нее стояла заплаканная Аня Каминская. Два часа назад скончалась Анна Ахматова. И сейчас ее тело лежало в соседней комнате под простыней.

ПРОЩАНИЕ

Сироты Ахматовой.
Дмитрий Бобьшев

О смерти Ахматовой сообщили по радио. Ее тело перевезли в морг Института имени Склифосовского. Пунины занялись бумажными делами. Они получили свидетельство о смерти и передали его Бродскому, чтобы тот нашел место на кладбище. (1) Ленинградские власти предложили место на одном из городских кладбищ, но Бродский и Михаил Ардов решили, что Ахматовой хотелось бы лежать в Комарове, «где она ходила по земле». (2) Зоя Томашевская воспользовалась своими связями с известными архитекторами, чтобы помочь Бродскому организовать похороны в Комарове, поскольку власти сначала этому воспротивились.

Анна Каминская организовала доставку гроба из Москвы в Ленинград. Гроб прибыл 9 марта. Московская организация Союза писателей опасалась демонстрации (3) — точно так же, как это было в день смерти Пушкина. Похороны было приказано провести как можно быстрее. По пути из Москвы гроб с телом Ахматовой сопровождали Тарковский, Озеров и Виктор Ардов. Друзьям было очень сложно организовать прощание с Ахматовой. 8 марта в России — государственный праздник, Международный женский день. Тем не менее удалось убедить всех, кто был связан с похоронами, выйти на работу. В небольшой мрачной

комнате морга друзья смогли поцеловать Ахматовой руку и сказать слова прощания.

Отпевание состоялось 10 марта в красивейшем бело-голубом Никольском соборе. Ахматова лежала в открытом гробу. Голову ее покрывало черное кружево, присланное из Лондона Саломеей Гальперн. На отпевании были все «сироты Ахматовой», как называли их Бобышев, — Бродский, Рейн, Найман и сам Бобышев. Бродский приехал в самом конце, потому что он должен был организовать все на комаровском кладбище. В соборе было много фотографов и операторов. Бродский вспоминает: «В соборе Лева метался и выдергивал пленку из фотоаппаратов у снимающих». (4) Михаил Ардов пишет о том, что Лев принимал более активное участие в организации похорон, чем можно представить по воспоминаниям Бродского. Ардов вспоминает, что 5 марта 1966 года, в день смерти матери, Лев сказал: «Лучше бы было наоборот. Лучше бы я раньше ее умер». (5)

После отпевания гроб и сопровождающие отправились в Комарово. Здесь гроб закрыли и опустили в могилу. Лев и ближайшие друзья Ахматовой отправились в ее «Будку» на поминки. Позднее Союз писателей организовал гражданскую панихиду по Ахматовой. На панихиде присутствовали Лев Гумилев и Анна Каминская.

После похорон возник вопрос, что делать с ахматовскими архивами. Евгений Рейн вспоминает, что об этом задумывались еще до смерти Анны Андреевны. Сергей Лавров пишет о том, что до ссоры Льва Гумилева с матерью они решили, что ее рукописи будут переданы в Пушкинский Дом, где хранятся самые ценные документы, связанные с русской литературой, в том числе и рукописи Пушкина. Михаил Ардов, близкий друг Льва, вспоминает, что Лев не-

сколько месяцев не заговаривал о том, что делать с рукописями матери. Каминская вспоминала (6), что после смерти Ахматовой Лев отказался брать что-либо, принадлежащее ей, «ни ее бумаг, ни вещей!». Он также просил, чтобы никто из ее друзей не имел доступа к архивам.

Найман говорил мне, что бумаги Ахматовой хранились в двух фибровых чемоданах, которые она брала с собой, отправляясь в Москву, и в деревянном сундуке в ее комнате в Ленинграде. Здесь Анна Андреевна хранила все самое дорогое. Найман говорил, что после смерти Ахматовой он привез ее чемоданы из санатория на квартиру Марии Петровых.

Каминская пишет, что чемоданы были не фибровыми, а из искусственной кожи. Она объясняет, что в одном хранились материалы о Блоке, которые Ахматова собирала для телевизионного интервью, а также одежда Анны Андреевны. Второй чемодан был подарен Ахматовой Пуниным в 1936 году. Каминская вспоминает, что Ахматова часто подшучивала над этим раритетом: «Не сиди на музейном экспонате!» В этом чемодане хранились переводы и те стихи, над которыми она работала постоянно, в том числе и рукопись «Поэмы без героя». Каминская утверждает, что этот чемодан был передан в Музей Ахматовой в Фонтанном доме в июле 1994 года. (7)

Большая часть ахматовского архива оставалась в Фонтанном доме. Каминская говорит, что эти бумаги были переданы Ириной Пуниной в РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Это было сделано согласно пожеланию самой Ахматовой, записанному в ее записной книжке в 1958 году. Остальная часть архива была продана Публичной библиотеке имени Н.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В сентябре 1966 года Лев Гумилев получил документы, подтверждающие его право на наследство. Найман объяснял: «После этого было судебное слушание. Даты я не помню. Суд состоялся через полтора года после ее смерти.

Сам я — я имею в виду свои чувства и мысли — был на стороне Льва. Я его не любил. Он не любил меня. Мне кажется, что в некотором отношении он меня ненавидел, потому что, во-первых, я занял его место возле его матери, а во-вторых, он был антисемитом. И все же я был на его стороне».

Суд отверг все обвинения в адрес Ирины Пуниной и не стал взыскивать с нее полученные за продажу архива суммы, но все права по распоряжению наследством были переданы Льву. Сегодня правообладателем является его вдова.

Надо сказать, что рукописи Ахматовой так и не были собраны в одном месте. Многие из них потеряны. Найман говорит о судьбе архива: «Это совершенно обычная ахматовская судьба. И мы не потеряли почти ничего, потому что знаем все, что нам суждено было узнать». (8)

Бездействие Гумилева Найман объясняет так: «Ему не нужны были деньги. Он работал. Он был профессором. Он не хотел вмешиваться в склоки. Не знаю, могу рассказать только то, свидетелем чему я был». (9) У эмоциональной отстраненности Гумилева были и другие причины. В 1966 году Льву Николаевичу позволили выехать в Прагу на этнографический конгресс, где он познакомился с Петром Савицким, ведущим ученым в области изучения Евразии. Тогда же он встретился со своей будущей женой, Наталией Викторовной. Они поженились в 1967 году, спустя год после смерти Ахматовой. Друзья говорили о том, что

этот брак подарил Льву Гумилеву десять или даже пятнадцать лет жизни. (10)

Евгений Рейн понимал, что Ахматовой была нужна семья. Для него важен был не сам архив, а то, как относились к Ахматовой, пока она была жива. Анна Андреевна знала Аню Каминскую с рождения и относилась к ней почти как к дочери. Но Рейн чувствовал, что Ирина Пунина не заслуживала подобного отношения. «Эти две женщины вели себя так, словно Ахматова не была великой поэтессой... Они поселили ее в самой плохой комнате, они пользовались ее деньгами». (11) Однако Дмитрий Бобышев считает, что Пунина и Каминская по-доброму относились к Ахматовой и ухаживали за ней в меру своих сил.

После смерти Ахматовой вышел второй том воспоминаний Надежды Мандельштам. Неожиданно для всех Надежда Яковлевна обвинила Ахматову в тщеславии и суетности, в эгоистичности еще большей, чем была свойственна Цветаевой. Все эти обвинения она не могла высказать при жизни Анны Андреевны. И все же считать их абсолютно предвзятыми нельзя. Найман тоже подтверждает, что Ахматова «бывала капризна, деспотична, несправедлива к людям, временами вела себя эгоистично и как будто напоказ прибавляла к явлению и понятию «Анна Ахматова» все новые и новые восторги читателей, робость и трепет поклонников, само поклонение как определяющее качество отношения к ней. Вольно и невольно она поддерживала в людях желание видеть перед собой фигуру исключительную, не их ранга, единственную — и нужную им, чтобы воочию убеждаться, какого ранга может быть человек». (12)

Но Найман понимал, что источником этого тщеславия являются страдания, перенесенные Ахматовой. Вот почему она часто пыталась взять верх над

своими соперниками. Найман вспоминает встречу Ахматовой с Ольгой Высотской, сын которой от Гумилева, Орест, был очень близок со Львом. Высотская хотела проконсультироваться с Ахматовой по какому-то вопросу, связанному с историей русского общества в период до Первой мировой войны. Ардов и Найман привезли ее на Ордынку на такси. Ахматова встретила свою бывшую соперницу величественно. Она была элегантно одета, подкрашена, красиво причесана, «а ее когдатошня соперница — слабая, старая, словно бы сломленная судьбой». (13)

Лев Гумилев стал выдающимся антропологом, одним из основателей современной антропологической теории русского евразийства. Эта теория отвергает любые попытки внедрить западноевропейские ценности в так называемых евразийских государствах, каким является и Россия. Эту мысль впервые озвучил князь Николай Трубецкой в 20-е годы XX века, а в 60-е она получила развитие в трудах Льва Гумилева. Центральный постулат его теории заключается в том, что между евразийскими государствами и странами Запада существует неразрешимое противоречие, которое может быть преодолено только в результате победы той или другой стороны. В советское время евразийство получало поддержку со стороны военных и КГБ. В начале 80-х годов один из лидеров движения, Александр Дугин, вошел в печально известную антисемитскую организацию Дмитрия Васильева «Память».

В период с 1970 по 1975 год Лев Гумилев опубликовал более сорока статей, многие из которых были переведены на иностранные языки. Его лекции транслировались по Ленинградскому телевидению. В 1987 и 1988 годах он опубликовал две книги. В 1988 году после настойчивых просьб и многих обещаний уви-

дел свет сборник стихов Николая Гумилева. Книга вышла в столице Грузии — Тбилиси. В конце жизни Лев Николаевич говорил, что, для того чтобы назвать себя счастливым человеком, ему пришлось долго прожить. К собственному удивлению и несмотря на все перенесенные тяготы, он дожил до семидесяти лет. В конце 80-х годов к нему пришло признание. В горбачевской России он стал настоящей знаменитостью. Его статьи печатали, он выступал на телевидении, он рассказывал о своих взглядах на хуннов и хазар. Говорил он и о своих знаменитых родителях. (14)

1989 год — год столетия со дня рождения Анны Андреевны — ЮНЕСКО объявила годом Ахматовой. Это событие отмечалось во всем мире. Точно так же, как Пушкина после смерти признали и его друзья, и враги, так и Ахматову сегодня почитают все. Массовому читателю легко прочесть, понять и запомнить ее простые, классические стихи. Либералы видят в ней противника сталинского режима. Люди религиозные уважают Ахматову за ее веру. Патриоты считают ее истинно русским человеком. Даже коммунисты вынуждены признать, что Ахматова никогда не позволяла себе никаких антисоветских высказываний.

В юбилейный год Лев Гумилев не раз думал о матери и часто повторял: «Лучше бы было наоборот. Лучше бы я раньше ее умер». По воспоминаниям Бродского, то же самое он говорил, вернувшись из лагерей. Глубокая печаль не оставляла этого человека. Двумя годами позже, в 1991 году, Лев Николаевич перенес тяжелый инсульт и в следующем году скончался. В 1994 году впервые были опубликованы его письма к матери и письма Ахматовой к сыну. Отбирала и редактировала письма вдова Льва Николаевича, Наталия. В работе ей помогал близкий друг Льва — Александр Панченко. К сожалению, его вступитель-

ная статья и комментарии к письмам глубоко субъективны и отражают точку зрения Гумилева. Десять писем Ахматовой, сохраненных сыном, изображают нам ее как бесчувственную мать. В отличие от сына Ахматова сохранила все письма Льва, но в эту подборку было включено лишь пять из бесчисленного количества его горьких и несправедливых посланий. (15)

Понимая, какой неверный облик Ахматовой может сформироваться у читателей, Эмма Герштейн, уже опубликовавшая за границей свои воспоминания о Мандельштаме, начала писать книгу о своих долгих отношениях с Ахматовой и ее сыном. Книга «Лишняя любовь» сегодня включена в сборник «Московские мемуары». Книга была опубликована в 1998 году, когда Герштейн исполнилось уже девяносто пять лет. Эмма Герштейн была близко знакома с Ахматовой, ей не раз писал Лев Николаевич. В последние годы своего заключения он писал ей не реже трех раз в месяц. В других главах «Московских мемуаров» в неприглядном свете предстает Надежда Мандельштам. В том числе Герштейн пишет и о ее лесбийских наклонностях. Московская интеллигенция была шокирована этими признаниями.

Ахматова получила мировое признание еще при жизни, в особенности после публикации «Реквиема» и успеха первой книги воспоминаний Надежды Мандельштам, получившей на Западе название «Надежда против надежды».

Ахматова родилась в те годы, когда занавес Российской империи начинал опускаться. Ей предстояло пережить самые страшные времена в истории Советского Союза. Она превратилась в символ героического сопротивления государству. И можно было ожидать, что после падения коммунистического режима ее значимость уменьшится.

Но этого не произошло. Через тридцать лет после ее смерти в Санкт-Петербурге был создан музей — в том самом Фонтанном доме, где она провела столько лет. Были восстановлены и другие здания, связанные с ее именем. Бронзовая люстра, когда-то свисавшая с потолка «Бродячей собаки», и сегодня висит на прежнем месте. На ней лежит дамская перчатка, напоминающая посетителям музея о знаменитом раннем стихотворении Ахматовой «Песня последней встречи»:

...Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки. (1*)

В постсоветской России тиражи поэтических сборников сократились практически до западных. В 1960 году сборник Ахматовой вышел тиражом в 1 700 000 экземпляров. Недавнее же издание шеститомного собрания сочинений было опубликовано тиражом всего 15 000 экземпляров. Но не следует счи-

тать, что популярность стихов Ахматовой так резко упала. Шеститомное издание рассчитано на специалистов. В любом книжном магазине вы найдете множество изданий Ахматовой, в том числе и школьные. Кроме того, нужно учитывать, что сегодня тиражи книг большинства поэтов не превышают пяти тысяч экземпляров.

Следует учитывать и еще один фактор: сегодня стихи Ахматовой можно найти в Интернете. Доктор Джена Хаулетт замечает:

«В советские времена наличие книг «запрещенных» писателей в доме являлось признаком «культуры». Все хотели иметь эти книги в своих «стенках» — застекленных шкафах, являвшихся неотъемлемой принадлежностью любой приличной квартиры. Книгу, которая стоила не больше рубля, часто покупали с рук за десять. Но то, что сегодня классика широко доступна в Интернете, означает, что любители поэзии (и я в том числе) могут получить любую книгу бесплатно». (1)

Ахматова остается знаковой фигурой. Она является не только символом диссидентства и сопротивления режиму. Ахматова — символ тонко чувствующей женщины в жестоком мире. После ее смерти Исая Берлин сказал одному из друзей, что ее храбрость была образцом «неоскверненного, цельного и морально безупречного укора... [всем тем]... кто считает, что личность никогда не должна стоять на пути истории». (2)

На встрече, состоявшейся 8 марта 1966 года, за два дня до похорон Ахматовой, Ефим Эткинд, главный свидетель защиты на процессе Иосифа Бродского, процитировал слова Ахматовой о том, что имя Пушкина переживет имена, казалось бы, более влиятельных членов общества:

«Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий». (3)

Эткинд предсказывал, что Ахматову ожидает такой же триумф, и оказался прав. Величие Ахматовой не померкло даже в путинской России. Новое поколение поэтов посвящает ей свои стихи. Каждый год появляются воспоминания, научные статьи, критические выступления. В ее музее всегда многолюдно. Сталина забудут не скоро, но имена его подручных уже почти забыты. Гений же и стоическая гордость Ахматовой навсегда сохранятся в памяти народа.

Элен Файнштейн, октябрь 2004.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

И Ахматову и Цветаеву по праву можно причислить к числу величайших поэтов Европы XX века. Их творчество продолжает привлекать к себе внимание и после их смерти. Но по характеру эти женщины абсолютно не походили одна на другую. Ахматова сохраняла достоинство даже перед лицом трагедии. Цветаева никогда не скрывала захватывающих ее эмоций. Поэзия Ахматовой классически сдержанна, Цветаева постоянно изобретала новые формы. Ахматова всегда отказывалась покинуть Россию. Цветаева последовала за мужем в изгнание. Но обе поэтессы были мучительно несчастливы, и немалую роль в этом несчастье сыграл сделанный ими выбор.

Голоса Цветаевой и Ахматовой тоже различны. Голос Цветаевой имел много тонов. Ее стихи отличается сложная пунктуация, авторские переносы и ударения. Страницы ее стихов пестрят тире и восклицательными знаками. Ахматова также часто использовала аллюзии, но ее стихи всегда очень строги, сдержанны и точны.

Марина Ивановна Цветаева родилась в Москве в 1892 году в семье профессора Ивана Цветаева. Огромную роль в ее воспитании играла мать, умная женщина, обладавшая немалыми талантами. Мария Цветаева, урожденная Мейн, свободно владела четырьмя

иностранными языками. Если мать Ахматовой постоянно пребывала в каком-то прекрасном сне, мать Цветаевой буквально излучала энергию. Она была одаренной пианисткой. Отец возлагал большие надежды на музыкальную карьеру дочери. Но Мария любила женатого мужчину, давно бросившего жену, но так и не сумевшего получить развод. Их отношения прервались, и Мария вышла замуж за вдовца, продолжавшего любить первую жену и целиком посвятившего свою жизнь изучению истории искусств.

Мать Цветаевой была одинокой, печальной женщиной. Она всегда сознавала, что не так красива, как ее предшественница. Всю свою энергию она направила на образование своей первой дочери. Мария мечтала иметь сына, но быстро оценила таланты дочери. Она представляла, что дочь сможет осуществить ее неосуществившуюся мечту — стать концертирующей пианисткой. И, добываясь этой цели, мать была деспотична, требовательна и порой даже жестока. Если Ахматовой позволяли быть самой собой, никак не ограничивая ее свободу на жарком юге, то Цветаеву постоянно контролировали. Она должна была по четыре часа в день неукоснительно заниматься на рояле. Когда же стала понятна ее любовь к литературе и поэзии, Марине перестали давать бумагу. Все попытки писать стихи жестоко пресекались. Воспитание Цветаевой вполне можно назвать спартанским. Марина унаследовала страстную натуру матери. После смерти Марии уроки игры на фортепиано прекратились, но страсть к совершенству сохранилась навсегда. Как писала сама Цветаева: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом». (1)

В 1912 году Марина вышла замуж за красивого, молодого Сергея Эфрона. Они знали друг друга с детства. Инициатором брака стала Цветаева. Эфрону

исполнилось лишь семнадцать, он был на год моложе жены. Друзья всегда считали его более слабым в этом браке. Сергей остался сиротой. Он подавал большие надежды как литератор и актер. Его брак с Цветаевой был единственным и на всю жизнь, несмотря на большое количество увлечений Марины, в том числе связь с поэтессой Софией Парнок и пражский роман с русским эмигрантом Константином Родзевичем, который вдохновил Марину на создание двух поэм — «Поэмы горы» и «Поэмы конца». (2)

Биографам бросается в глаза и еще одно различие между Ахматовой и Цветаевой. Ахматова была очень красива. Мужчины продолжали влюбляться в нее до старости. Цветаева же, хотя и была самой значительной женщиной для всех тех, кто ее любил, никогда не пользовалась повышенным мужским вниманием.

Невозмутимая мужественность Ахматовой ничем не напоминала неумную энергетику Цветаевой, и все же у этих женщин было много общего. Бродский, говоря о Сергее Эфроне, о его постоянно меняющихся политических взглядах и неспособности найти работу, заключает: «Быть мужем великой поэтессы не слишком сладко». (3).

Примечания

Глава первая. Санкт-Петербург, 1913

1. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 332.

2. С. Волков. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней, М., Эксмо, 2004, стр. 180.

3. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996), p. 18.

4. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 332.

5. Среди наиболее значимых фигур русского футуризма был Николай Николаевич Пунин, третий муж Ахматовой.

6. С. Волков. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., Эксмо, 2004, стр. 225.

7. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 48.

8. Константин Поливанов. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 65; Георгий Адамович. Встречи с Анной Ахматовой.

9. Там же. Стр. 64.

10. Константин Поливанов. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 130.

11. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 331.

12. *Надежда Мандельштам*. Преданная надежда (London, 1974), т. 2, стр. 453.

13. *С. Волков*. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., Эксмо, 2004, стр. 230.

14. *Константин Поливанов*. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 232.

15. Беседа с Элен Файнштейн. Франкфурт, 2003

16. *М. Цветаева*. Стихотворения и поэмы.

17. Там же.

Глава вторая. Статья Ахматовой

1. *А. Ахматова*. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 7.

2. *Л. Чуковская*. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 150.

3. *А. Найман*. Рассказы о Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 36.

4. *Л. Чуковская*. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997 т. 1, стр. 151.

5. *А. Ахматова*. Мои полвека.

6. *Jessie Davies*. Anna of All the Russias (Liverpool, 1989), p. 3.

7. Интервью с Элен Файнштейн, Франкфурт, 2003.

8. *А. Ахматова*. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 332.

9. Интервью с Элен Файнштейн.

10. *А. Ахматова*. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 26.

11. Там же. Стр. 122.

12. Больше об этом можно узнать из книги: *Roberta Reeder*, Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994).

13. См. приложение.

14. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1.

15. *Jessie Davies. Anna of All the Russias* (Liverpool, 1989), p. 1.

16. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1.

17. Там же.

18. Однако в целом положение узников царских тюрем было лучше, чем можно предположить. Заключенные могли читать книги и писать. Об этом свидетельствует бывший узник коммунист Илья Эренбург.

19. *Orlando Figes. A People's Tragedy* (London, 1996) p. 96.

19*. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 179.

19** Там же. Стр. 183.

19*** Там же. Стр. 177.

20. *Jessie Davies. Anna of All the Russias* (Liverpool, 1989), p. 5.

21. «Новый мир», 1986, № 9, стр. 196—206. Евгений Рейн подтвердил, что Ахматова назвала Голенищева-Кутузова своим первым любовником.

22. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 183.

23. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 27.

24. Там же. Стр. 26.

25. «Николай Гумилев в воспоминаниях современников» под редакцией Вадима Крейда, стр. 33—34.

26. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 181.

27. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 184.

28. 13 марта 1907 года.

28*. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 7.

28**. Там же. Стр. 179.

29. Там же. Стр. 185.

30. Н.С. Гумилев. «Отказ», сборник «Романтические цветы».

31. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 32.

32. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 179.

33. Там же, стр. 261.

34. Р.Д. Тименчик. Остров искусств. «Дружба народов», 1989, № 6, стр. 244.

35. Беседа Анатолия Наймана с Элен Файнштейн, октябрь 2003.

36. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 182.

37. Там же. Стр. 186.

38. Интервью с Элен Файнштейн, 2003.

Глава третья. Брак с Гумилевым

1. Надежда Мандельштам считает, что родители Ахматовой не одобряли этого брака.

2. Ирина Одоевцева. На берегах Невы.

3. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Со-
гласие, 1997, т. 1, стр. 187.

4. Ирина Одоевцева. На берегах Невы.

5. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 38.

6. Н.С. Гумилев. Это было не раз, сборник «Жемчуга».

7. Н.С. Гумилев. Однажды вечером, сборник «Чужое небо».

8. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 50.

9. Там же. Стр. 12.

10. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 45.

11. Там же. Стр. 37.

12. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 30.

13. Там же. Стр. 29.

14. Там же. Стр. 31.

15. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 138.

16. П. Лукницкий. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой, 1924—1925, т. 1, стр. 141.

17. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 40.

18. Подобные предположения я позаимствовала в книге Frances Laird «Swan Songs».

19. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 43.

20. В то время было обнаружено еще несколько.

21. Николай Гумилев. О русской поэзии.

22. В. Недошивин. Петербург Анны Ахматовой.

23. О. Мандельштам. Слово и культура. М., 1987, стр. 175.

24. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 28.

25. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 35.

26. Так предполагает Катриона Келли (*Catriona Kelly*. *A History of Russian Women's Writing, 1820—1992*. Oxford, 1994).

27. Интервью с Элен Файнштейн.

27*. Н.С. Гумилев. «Она», сборник «Чужое небо».

28. Н.С. Гумилев. Письма.

29. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 66.

30. Там же. Стр. 55.

31. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 48.

32. *John Malmstad, Nikolay Bogomolov*. *Mikhail Kuzmin: A Life in Art*. Boston, 1999, p. 174.

33. Интервью с Элен Файнштейн, 2003.

34. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 54.

35. Там же.

36. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 186.

37. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 72.

38. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 71.

39. Там же. Стр. 67.

40. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 46.

41. Там же. Стр. 47.

42. Там же. Стр. 50.

43. Там же. Стр. 71.

44. Впоследствии он стал ее третьим мужем.

45. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 118.

45*. Там же. Стр. 188.

46. Там же. Стр. 96.

Глава четвертая. Петроград

1. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 106.

2. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 76.

3. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 138.

4. Н. С. Гумилев. Записки кавалериста.

5. Н. С. Гумилев. Письмо к М.Л. Лозинскому от 1 ноября 1914 г.

6. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 98.

7. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996) p. 253.

8. В.В. Маяковский. Вам!

9. О. Берггольц. Сто сорок солнц... — «Литературная Россия», 1963, № 129, 19 июля.

10. Не менее 1 700 000 человек, хотя эти цифры довольно относительно. Предполагается, что потери России в Первой мировой войне превысили 2 000 000 человек.

11. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 45.

12. Там же. Стр. 73.

13. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976, стр. 55—56.

14. А. Ахматова. Сочинения в двух томах, М., Правда, 1990, т. 1, стр. 99.

15. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1996, т. 1, стр. 86.

16. М. Цветаева. Стихи.

16*. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 329.

17. Там же. Стр. 79.

18. Там же.

19. Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета.

20. Лазарь Флейшман. Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института. Ахматовский сборник под ред. С. Дедюлина и Габриеля Суперфина. Париж, 1989. Издательство Института славяноведения. Т. XXXV, стр. 174.

21. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 104.

22. В. М. Жирмунский. Преодолевшие символизм. Анна Ахматова.

23. Н. Недоброво. Анна Ахматова.

24. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 124.

25. См.: *Angelica Garnett. Among the Bohemians: Experiments in Living 1900—1930* (London, 2002); *Deceived with Kindness: A Bloomsbury Childhood* (London, 1984).

26. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 110.

27. См.: *Angelica Garnett. Among the Bohemians: Experiments in Living 1900—1930* (London, 2002).

28. *Roberta Reeder*. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 96.

29. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 104.

30. *Frances Laird*. Swan Songs: Akhmatova and Gumilyov (London, 2002), p. 285.

Глава пятая. Революция.

1. М. Цветаева. Нездешний вечер.

2. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996) p. 283.

3. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996) p. 300.

4. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996) p. 351.

5. *Orlando Figes*. A People's Tragedy (London, 1996) p. 369.

6. «Родина», № 9, 2001 г.

7. А. Ахматова. Стихотворения и поэмы. М., Советский писатель, 1976, стр. 148.

8. Там же. Стр. 129.

9. Там же. Стр. 130.

10. Там же. Стр. 128.

11. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 118.

12. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 131.

13. А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие.

14. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 118.

15. Lois Oliver, Boris Anrep: the National Gallery Mosaics (London, 2004), p. 50.

16. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 97.

17. Там же. Стр. 89.

18. Борис Анреп. О черном кольце.

19. Роберта Ридер в разговоре с Элен Файнштейн в 2004 году предположила, что, даже если это и было, то не повлияло на нее.

20. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 110.

21. Телефонный разговор с Элен Файнштейн, июнь 2004.

22. О. Мандельштам. Стихи.

23. Там же.

24. Roberta Reeder. «Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 112.

25. М. Цветаева. Октябрь в вагоне.

26. А. Блок. Десять поэтических книг. М., Московский рабочий, 1980, стр. 408.

27. Там же. Стр. 412.

28. Roberta Reeder. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 112.

Глава шестая. Голодное время

1. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 75.

2. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 109.

3. «Родина», № 9, 2001 г.

4. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 14.

5. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 118.

6. Электронное письмо от Е. Рейна Элен Файнштейн.

6* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 133.

7. А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие.

7* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 138.

8. Там же. Стр. 133.

9. Там же. Стр. 134.

10. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 17.

11. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 109

12. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 150.

13. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 134.

14. М. Цветаева. Письмо В.В. Розанову от 7 марта 1914 года.

15. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 16.

16. Там же.

17. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 157.

18. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 16.

19. П. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой, т. 1 (март 1925).

20. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 19.

21. В. Ходасевич. Некрополь, очерк «Гумилев и Блок».

22. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 20.

23. Там же.

24. А. Ахматова. Письмо к М.И. Цветаевой, май 1921.

25. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 163.

26. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 94.

27. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 99.

28. Там же. Стр. 173.

29. С. Лавров. Судьба и идеи.

30. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 161.

31. Там же. Стр. 164.

32. Там же. Стр. 165.

33. А. Найман. Интервью с Элен Файнштейн. Франкфурт, сентябрь 2003.

34. Там же.

35. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 88.

36. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 148.

37. Там же. Стр. 99.

38. А.О. Белоусов. Воспоминания учителя. (Опубликовано на сайте www.tstu.ru/koi/tambov/kirsanov/source/belous/belous.html.)

39. В. Ходасевич. Некрополь, очерк «Гумилев и Блок».

40. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 167.
41. Там же. Стр. 162.
42. С. Лавров. Судьба и идеи.
43. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 168.
44. П. Лукницкий. Встречи с Анной Ахматовой, т. 1 (март 1925).
45. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 149.
46. Там же. Стр. 147.
47. Я помню, что мне было трудно с этим согласиться, когда Исая Берлин рассказывал мне об этом в Риме в 1987 г.
48. Об этом можно прочитать в книге Orlando Figes «A People's Tragedy».

Глава седьмая. Неверность

1. S. Monas and J. Green Krupala (eds), *The Diaries of Nikolay Punin 1904—1953* (Austin, Texas, 1999); Н. Пунин. Мир светел любовью. М.: Артист. Режиссер. Театр. 2000.
2. Monas and Krupala, p. 60.
3. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 132.
4. Там же.
5. Там же. Стр. 129.
6. Там же. Стр. 102.
7. Monas and Krupala, p. 47.
8. Там же. Стр. 112.
9. Monas and Krupala, p. 73.

10. Monas and Kgrupala, p. 79.
- 10* Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 77.
- 10** Там же. Стр. 135.
11. Monas and Kgrupala, p. 82.
12. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 156.
13. Там же.
14. Там же. Стр. 168.
15. Там же. Стр. 162.
16. Там же. Стр. 161.
17. Там же.
18. Там же. Стр. 162.
19. Там же.
20. Там же. Стр. 161.
21. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 242.
22. Там же.
23. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 163.
24. Там же. Стр. 164.
25. Там же. Стр. 165.
26. Там же. Стр. 168.
27. Там же.
28. Monas and Kgrupala, p. 103.
29. Monas and Kgrupala, p. 91.
- 29* Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 180.
30. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 155.

- 30* Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 181.
31. Там же. Стр. 183.
32. Там же. Стр. 177.
33. Там же. Стр. 190.
34. Там же. Стр. 191.
35. Там же. Стр. 196.
36. Monas and Kgrupala, p. 116.
37. Б. Эйхенбаум. Анна Ахматова. Опыт анализа.
38. Л. Троцкий. Литература и революция. М., 1924, стр. 30—31.
39. Н. Пунин. Революция без литературы.
40. А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие.
41. А. Коллонтай. Письма к трудящейся молодежи. Письмо третье «О «Драконе» и «Белой птице».
42. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 1973.
43. Там же. Стр. 172.
44. Там же. Стр. 212.
- 44* Там же. Стр. 225.
45. Monas and Kgrupala, p. 135.
- 45* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 184.
- 45** Там же. Стр. 165.
46. Там же. Стр. 185.
47. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 77.
48. Там же. Стр. 79.

49. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 146.

50. К. Чуковский. Ахматова и Маяковский.

51. Их можно увидеть в Музее Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург.

51*. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 229.

52. Там же. Стр. 230.

53. Многие отрицают этот факт, но он вполне согласуется с воспоминаниями жены Льва Гумилева, Натальи, опубликованными в книге С. Лаврова «Судьба и идеи».

53*. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 161

54. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 242.

55. Там же.

56. Там же. Стр. 252.

57. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 93.

58. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 162.

59. Интервью с Элен Файнштейн. Санкт-Петербург, 2003.

Глава восьмая. Фонтанный дом

1. Заметка в Музее Ахматовой, Санкт-Петербург.

2. Там же.

3. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 77.

4. Там же.

5. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 153.

6. Там же. Стр. 153.

7. О. Манделштам. Стихи.

8. Monas and Krupala, p. 97.

9. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 77.

10. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 246.

10* Там же. Стр. 252.

11. Там же. Стр. 241.

12. Евгений Замятин — автор ряда сатирических романов («Мы»).

12* Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 262.

13. Ахматова действительно получила степень в Оксфорде, хотя и намного позже.

14. П. Лукницкий. Мои встречи с Анной Ахматовой. 1926—1927, запись от 22 января 1926 г.

15. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 96.

16. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 245.

17. Monas and Krupala, p. 174.

18. П. Лукницкий. Мои встречи с Анной Ахматовой. 1924—1925.

19. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр. 2000, стр. 264.

20. Там же.

21. Monas and Krupala, p. 175

22. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 264.

23. *Roberta Reeder*. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 192.

24. П. Лукницкий. Мои встречи с Анной Ахматовой. 1926—1927, запись от 9 февраля 1926 г.

Глава девятая.
«Вегетарианские времена» 1928—1933

* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 192.

1. А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие.

2. Константин Поливанов. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 143.

3. Л. Гинзбург. Ахматова. Несколько страниц воспоминаний, 1977.

4. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 80.

5. Л. Гинзбург. Ахматова. Несколько страниц воспоминаний, 1977.

6. См.: E. Feinstein. Pushkin (London, 1998); Serena Vitale. Pushkin's Button (1998).

7. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 1998, т. 2, стр. 96.

8. Там же. Стр. 107.

9. Там же. Стр. 115.

10. Там же. Стр. 124.

11. С. Лавров. Судьба и идеи.

12. Там же.

13. Статья Николая Пунина. «Искусство коммуны», № 1, декабрь 1918 г. (цитируется по книге С. Лавров «Судьба и идеи»).

14. Интервью с Элен Файнштейн. Москва, сентябрь 2003.

15. Записано в Музее Ахматовой.
16. С. Лавров. Судьба и идеи.
17. Интервью с Элен Файнштейн. Санкт-Петербург, сентябрь 2003.
18. Там же.
19. В современной России подобные взгляды весьма непопулярны.
20. Интервью с Элен Файнштейн, сентябрь 2003.
21. С. Лавров. Судьба и идеи.
22. См. примечания к стр. 203.
23. Интервью с Элен Файнштейн, сентябрь 2003.
24. См. примечания к стр. 223.
25. Simon Sebag Montefiore. Stalin: the Court of the Red Tsar (London, 2003), p. 79.
26. Roberta Reeder. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 180.
27. Roberta Reeder. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 189.
28. Интервью с Элен Файнштейн. Санкт-Петербург, сентябрь 2003.
29. См. примечания к стр. 113.
30. Константин Поливанов. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 144.
31. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 180.
32. Там же.
33. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 48.
34. Там же. Стр. 203.
- 34* Там же.

35. Интервью с Элен Файнштейн. Санкт-Петербург. 2003.

36. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 215.

Глава десятая. Террор 1933—1938

1. Интервью с Элен Файнштейн, сентябрь 2003.

2. *Roberta Reeder*. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 202.

3. Н. Мандельштам. Воспоминания. М., Согласие, 1999, стр. 86.

4. Там же. Стр. 53.

5. Там же. Стр. 48.

6. Там же. Стр. 230.

7. Там же. Стр. 16.

8. Там же.

9. *Виталий Шенталинский*. Из литературных архивов КГБ.

10. *Simon Sebag Montefiore*. Stalin: the Court of the Red Tsar (London, 2003) p. 134.

11. С. Лавров. Судьба и идеи.

12. Каминская утверждала, что свидетельства тому можно найти в архивах НКВД, которые она сама видела. Однако доступа к документам мы так и не получили.

13. С. Лавров. Судьба и идеи.

14. Пастернак ссылается на телефонный разговор со Сталиным, состоявшийся после отправки им письма о судьбе Мандельштама.

15. С. Лавров. Судьба и идеи.

16. Там же.

17. С. Лавров. Судьба и идеи.
18. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 219.
19. Там же. Стр. 242.
20. С. Лавров. Судьба и идеи.
- 20* Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 220.
- 20** Там же. Стр. 220.
21. Там же. Стр. 221.
22. Интервью с Элен Файнштейн, 2003.
23. *Simon Sebag Montefiore Stalin: the Court of the Red Tsar* (London, 2003), p. 166.
24. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 232.
25. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 181.
26. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 334.
27. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 193.
28. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 240.
- 28* Там же. Стр. 230.
29. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 173.
30. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 250.
31. С. Лавров. Судьба и идеи.
32. Там же.

33. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 250.

34. П.С. Позднякова (ред.). В.Г. Гаршин.

35. Там же.

36. Там же.

37. Там же.

38. Там же.

39. С. Лавров. Судьба и идеи.

40. Каминская считает, что Пунин именно поэтому попросил Ахматову перебраться в маленькую детскую комнату.

41. Аманда Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991.

Глава одиннадцатая. Агнец

* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 197.

1*. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 17.

1. Там же. Стр. 20.

2. Там же. Стр. 38.

3. С. Лавров. Судьба и идеи.

4. Там же.

5. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 173.

6. С. Лавров. Судьба и идеи.

7. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 44.

8. Там же.

9. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 196.

10. «Источник», № 1, 1999, стр. 80.
11. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 2001, т. 3, стр. 36.
12. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 42.
13. Там же. Стр. 43.
- 13*. Там же.
14. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 197.
15. Как говорила мне Джена Хаулетт.
16. Часть этого письма была показана мне профессором Валентиной Полухиной.
17. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 197.
18. Там же. Стр. 199.
19. Там же. Стр. 198.
20. Там же.
- 20*. Там же. Стр. 200.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же. Стр. 201.
24. Там же. Стр. 203.
25. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 34.
26. См. примечания к стр. 185.
27. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 63.
28. См. примечания к стр. 173.
29. «Звезда», 1991, № 8, стр. 228.
- 29* Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 66.

30. Цитируется по примечаниям: Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 326.

31. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 88.

32. Там же. Стр. 97.

33. Там же. Стр. 93.

34. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 161.

35. Там же. Стр. 147.

36. Там же. Стр. 260.

36* Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 204.

37. Там же. Стр. 206.

37*. Там же. Стр. 183.

38. Там же. Стр. 219.

39. И. Кудрова. Гибель Марины Цветаевой.

40. Там же.

41. Там же.

42. Аманда Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991.

43. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 2001, т. 3, стр. 55.

44. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 256.

Глава двенадцатая. Война

1. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 208.

2. *Simon Sebag Montefiore* Stalin: the Court of the Red Tsar (London, 2003), p. 266.

3. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр.47.

4. Известный галерейщик. Знаменитый художник, носивший ту же фамилию, к этому времени жил во Франции.

5. См. примечания к стр. 176.

6. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 204.

7. Там же. Стр. 205.

8. Если воспоминание Пунина верно, значит, в начале войны Ахматова находилась в Ленинграде.

9. Аманда Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991 (Лукницкий П. Сквозь всю блокаду. Л., 1964, стр. 42).

10. Там же. Стр. 99.

11. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 345.

12. Там же. Стр. 346.

13. Вера Инбер. Ленинградский дневник.

14. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 347.

15. Вера Инбер. Ленинградский дневник.

16. Интервью с Элен Файнштейн, Санкт-Петербург, 2003.

17. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 349.

18. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Эдиториал УРСС, 2001, т. 3, стр. 58.

19. Там же. Стр. 60.

20. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 348.

21. Вероятно, продукты были куплены в специальном магазине для номенклатуры, который действовал в первые дни блокады.

22. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 208.

23. Ежегодный журнал Пушкинского Дома, 1974, стр. 70—71.

23* Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 233.

24. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 352.

25. И. Кудрова. Гибель Марины Цветаевой (*Ариадна Эфрон*. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., Сов. писатель, 1989, с. 455).

26. И. Кудрова. Гибель Марины Цветаевой (Л.И. Чуковская. Воспоминания, стр. 537).

27. И. Кудрова. Гибель Марины Цветаевой.

28. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 187.

29. М. Алигер. Тропинка во ржи. М., 1980.

30. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 262.

31. Там же.

32. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 1, стр. 427.

33. Там же. Стр. 437.

34. Там же. Стр. 25.

35. Там же. Стр. 129.

36. Там же.

37. Д. Щеглов. Ф. Раневская. Монолог.

38. Фаина Раневская. Случаи, шутки, афоризмы. М. Захаров, 1998.

39. Ф. Раневская. Судьба-шлюха.

40. Там же.

41. Интервью с Элен Файнштейн, Санкт-Петербург, сентябрь 2003.

42. Ф. Раневская. Судьба-шлюха.

43. Там же.

44. Там же.

45. *Czapski J.* Terre inhumaine. Paris, 1949, p. 180—184 (цитируется по книге: А. Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991).

46. *Roberta Reeder.* Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 326.

47. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 287.

48. *Franklin Simon.* «New Light on a Poem by Anna Akhmatova? Notes on the Textology of Recollection. Oxford Slavonic Papers: New Series, vol XXXI (1998) p. 98.

49. Там же.

50. Аманда Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991.

51. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 209.

52. Там же. Стр. 19.

53. Там же. Стр. 253.

54. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 354.

54* Там же. Стр. 354.

55. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 355.

56. Там же. Стр. 359.

57. РГАЛИ, ф. 13.

58. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 202.

59. С. Лавров. Судьба и идеи.

60. С. Лавров. Судьба и идеи. Письмо Л. Гумилева к П. Савицкому. 23 января 1957 г.

61. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 369.

62. Там же. Стр. 370.

63. Там же.

64. Там же. Стр. 373.

65. Там же. Стр. 393.

66. См. примечания к стр. 116.

67. *Roberta Reeder. Anna Akhmatova: Poet & Prophet* (London, 1994), p. 280.

68. П.С. Позднякова (ред.). В.Г. Гаршин.

69. О.И. Рыбакова. Грустная правда.

70. Ю.И. Будыко. История одного посвящения. «Русская литература», 1994, № 1, стр. 235—238.

71. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 197.

72. Там же. Стр. 199.

73. Там же. Стр. 200.

Глава тринадцатая. Мир

1. Интервью Элен Файнштейн с Д. Бобышевым, август 2003.

2. М. Цветаева. Поэма конца.

3. Н. Пунин. Мир светел любовью. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 393.

4. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 355.

5. С. Островская. Воспоминания об Анне Ахматовой. 1944—1950. Перевод на английский Джесси Дэвис. Ливерпуль, 1988. Приложение Маргариты Алигер, стр. 78.

6. О. Калугин. Дело КГБ на Анну Ахматову. Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994, стр. 72—79.

7. Georgy Dalos. The Guest from the Future: Anna Akhmatova and Isaiah Berlin. London, 2000, p. 28.

8. С. Островская. Воспоминания об Анне Ахматовой. 1944—1950. Перевод на английский Джесси Дэвис. Ливерпуль, 1988, стр. 1.

9. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 263.

10. С. Островская. Воспоминания об Анне Ахматовой. 1944—1950. Перевод на английский Джесси Дэвис. Ливерпуль, 1988, стр. 6.

11. Там же. Стр. 27.

12. Там же. Стр. 47.

13. Там же. Стр. 44.

14. В частности, для Ричарда Маккейна. Анатолий Найман не помнит, чтобы Островская о нем упоминала.

15. См. примечания к стр. 237—242.

16. О. Калугин. Дело КГБ на Анну Ахматову. Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994, стр. 72—79.

17. С. Островская. Воспоминания об Анне Ахмато-

вой. 1944 — 1950. Перевод на английский Джесси Дэвис. Ливерпуль, 1988, стр. 49.

18. И. Берлин. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями».

19. *Michael Ignatieff*. Isaiah Berlin. London, 1998.

20. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 230.

21. Там же. Стр. 231.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же. Стр. 269.

25. А. Демидова. Ахматовские зеркала.

26. Сокращенная стенограмма выступления А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде.

27. С. Гитович. Об Анне Андреевне, 1970.

28. Д. Бабиченко. Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов. «Вопросы литературы», 1993, № 3, стр. 201—214.

29. К. Чуковский. Дневник. 1930—1969. М., 1994, стр. 211 (цитируется по книге: С. Лавров. Судьба и идеи).

30. Ф. Раневская. Судьба-шлюха.

31. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Индрик, 2003, т. 4, стр. 59.

32. Записи из архивов КГБ № 735—749.

33. С. Лавров. Судьба и идеи.

34. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., Индрик, 2003, т. 4, стр. 61.

35. Там же. Стр. 62.

36. С. Лавров. Судьба и идеи.

37. Н. Пунин. Мир светел любовью. М., Артист. Режиссер. Театр, 2000, стр. 429.

38. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 453.

39. Там же. Стр. 324.

39* Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 43.

40. Девушка, которую Эмме Герштейн представили как невесту Гумилева.

41. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 350.

42. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 254.

43. Э. Герштейн., Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 358.

44. Там же. Стр. 354.

44* Там же. Стр. 360.

45. Там же. Стр. 356.

46. Там же. Стр. 359.

46* Там же. Стр. 360.

47. С. Лавров. Судьба и идеи.

48. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 355.

49. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, т. 3 (цитируется по журналу «Звезда», 1994, № 4, стр. 180—181).

50. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 357.

51. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, т. 3 (цитируется по журналу «Звезда», 1994, № 4, стр. 182).

52. В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, т. 3 (цитируется по журналу «Звезда», 1994, № 4, стр. 182).

53. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 149.

54. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 351.

55. М. Ардов. Легендарная Ордынка, часть 2. «Новый мир», 1994, № 5.

Глава четырнадцатая. Оттепель

1. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 320.

2. Р. Тименчик. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой. «Даугава», 1984, № 2.

3. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 321.

4. Там же.

5. Там же. Стр. 322.

6. Там же. Стр. 324.

7. Там же. Стр. 330.

8. Там же. Стр. 324.

8* Там же.

8** Там же. Стр. 331.

9. Там же. Стр. 335.

9* Там же.

10. Там же.

11. Там же. Стр. 338.

12. там же. Стр. 343.

13. Там же. Стр. 344.

14. Когда я рассказала об этом его сыну, Евгению, в 2003 году, он сказал что большая теплота Пастернака в отношении Цветаевой могла объясняться тем, что у них когда-то был роман.

15. Интервью с Элен Файнштейн. Москва, сентябрь 2003 г.

16. Эту историю рассказала мне в 70-е годы Вера Трайль, а затем подтвердили Чуковская и Ридер.

17. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 87.

18. Там же. Стр. 271.

19. Так он говорил мне, когда мы в 1978 году были на могиле Пастернака.

20. Исаяя Берлин подтвердил мне историческую правоту Пастернака во время нашей встречи в Риме.

20* Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 341.

21. Там же. Стр. 404.

22. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 252.

23. Интервью с Элен Файнштейн, сентябрь 2003.

24. Аманда Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., Радуга, 1991.

25. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 348.

25*. Там же. Стр. 287.

26. С. Волков. Беседы с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 485.

27. Там же. Стр. 466.

28. Там же. Стр. 465.

29. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 375.

30. Интервью с Элен Файнштейн.
31. Там же.
32. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 479.
33. Там же. Стр. 462.
34. Интервью с Элен Файнштейн, сентябрь 2003.
35. Там же.
36. С. Волков. Беседы с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 415.
37. Там же. Стр. 417.
38. Там же. Стр. 436.
39. Там же. Стр. 447—448.
40. Интервью с Элен Файнштейн.
41. Электронное письмо Элен Файнштейн, 2003.
42. Беседа с Элен Файнштейн.
43. Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М, Вагриус, 1999.
44. Там же. Стр. 16.
45. Интервью с Элен Файнштейн, 2003.
46. Там же.
47. Там же.
48. По крайней мере, так он сказал в нашей беседе в 2003 году.
49. А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 31.
50. Интервью с Элен Файнштейн, 1978.
51. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 50.
52. Электронное письмо Элен Файнштейн.

53. С. Волков. Беседы с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 173.

54. Интервью с Элен Файнштейн.

Глава пятнадцатая. Последние годы

1. Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., Согласие, 1997, т. 2, стр. 533.

1* Там же. Стр. 562.

2. См. примечания к стр. 81.

3. Интервью с Элен Файнштейн.

4. Впоследствии он стал редактором сборника стихов Ахматовой, вышедшего в серии «Библиотека поэта».

5. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 230.

6. Там же. Стр. 255.

7. Там же. Стр. 245.

7* Там же. Стр. 236.

8. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 294.

9. Там же. Стр. 291.

10. Интервью с Элен Файнштейн.

11. Беседа с Элен Файнштейн, Нью-Йорк, 1978.

11*. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 193.

12. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 299.

13. Там же. Стр. 300.

14. Там же. Стр. 241.

15. С. Лавров. «Судьба и идеи».

16. А. *Найман*. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 16.

17. Там же. Стр. 17.

17*. А. *Ахматова*. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 251.

18. А. *Найман*. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 159.

19. Там же. Стр. 245.

20. Там же. Стр. 246.

21. Там же. Стр. 248.

22. *Roberta Reeder*. Anna Akhmatova: Poet & Prophet (London, 1994), p. 496.

23. По крайней мере, так сообщила мне сама леди Берлин.

24. Интервью Элен Файнштейн с леди Берлин, март 2004 г.

25. Там же.

26. Там же.

27. *Marialina Frasinì*. Il viaggio in Inghilterra di Anna Akhmatova@ (Tesi di Laurea, Università Degli Studi di Macerata).

28. *Константин Поливанов*. Анна Ахматова и ее окружение (Fayetteville, 1994), стр. 130.

29. Слова Анны Уоллхейм в разговоре с Элен Файнштейн.

30. Интервью с Элен Файнштейн, 2004 г.

31. А. *Найман*. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 259.

32. Там же. Стр. 262.

33. Там же. Стр. 259.

Глава шестнадцатая. Прощание

1. С. Волков. Беседы с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 484.
2. М. Ардов. Легендарная Ордынка. «Новый мир», 1994, № 5.
3. Reeder, p. 503.
4. С. Волков. Беседы с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 490.
5. Интервью с Элен Файнштейн.
6. Электронное письмо Элен Файнштейн, январь 2005.
7. Там же.
8. Интервью с Элен Файнштейн. Франкфурт, 2003.
9. Там же.
10. С. Лавров. Судьба и идеи.
11. Интервью с Элен Файнштейн. Франкфурт, 2003.
12. А. Найман. Рассказы об Анне Ахматовой. М., Вагриус, 1999, стр. 293.
13. Там же. Стр. 299.
14. Э. Герштейн. Мемуары. СПб., Инапресс, 1998, стр. 351.
15. Сегодня эта коллекция хранится в Российской национальной библиотеке в Москве.

Эпилог

1* А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 1, стр. 30.

1. Электронное письмо от доктора Джены Хаулетт. Кембриджский университет, октябрь 2004.

2. *Michael Ignatieff*. The day A Sexual Ingenue Met Russia's Fabled Seductress. The Times 10.10.98. (Цитиру-

ется в книге *Marialina Frasini* «Il viaggio in Inghilterra di Anna Akhmatova» (Tesi di laurea, Università Degli Studi di Macerata), p. 107.)

3. А. Ахматова. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1990, т. 2, стр. 109.

Приложение. Марина Ивановна Цветаева

1. М. Цветаева. Мать и музыка. (Цитируется по изданию: М. Цветаева. Собрание сочинений. В 7 т. М., Эллис Лак, 1994—1995 гг).

2. М. Цветаева. Собрание сочинений. В 7 т. М., Эллис Лак, 1994—1995 гг.

3. С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2004, стр. 81.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БЛАГОДАРНОСТИ	6
ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ	9
<i>Глава 1</i>	
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1913	10
<i>Глава 2</i>	
СТАТЬ АХМАТОВОЙ	23
<i>Глава 3</i>	
БРАК С ГУМИЛЕВЫМ.	46
<i>Глава 4</i>	
ПЕТРОГРАД.	72
<i>Глава 5</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ	90
<i>Глава 6</i>	
ГОЛОДНОЕ ВРЕМЯ.	107
<i>Глава 7</i>	
НЕВЕРНОСТЬ.	133
<i>Глава 8</i>	
ФОНТАННЫЙ ДОМ.	159
<i>Глава 9</i>	
«ВЕГЕТАРИАНСКИЕ ВРЕМЕНА» 1928—1933	169
<i>Глава 10</i>	
ТЕРРОР 1933—1938	188

<i>Глава 11</i>	
АГНЕЦ	216
<i>Глава 12</i>	
ВОЙНА	242
<i>Глава 13</i>	
МИР	275
<i>Глава 14</i>	
ОТТЕПЕЛЬ.	307
<i>Глава 15</i>	
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ.	337
<i>Глава 16</i>	
ПРОЩАНИЕ	360
ЭПИЛОГ.	368
<i>Приложение</i>	
МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА	371
ПРИМЕЧАНИЯ.	374

Литературно-художественное издание

Элен Файнштейн
АННА АХМАТОВА

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 11.04.2007.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84 + вкл.
Доп. тираж 4100 экз. Заказ 4564

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

АННА АХМАТОВА

Британские читатели восприняли печальную историю жизни Ахматовой как поэму. Критики уже строят догадки, какую реакцию вызовет в России этот портрет, полный восхищения и беспристрастных комментариев. Ахматова гордилась тем, что она русская, но не страдала национальной сверхщепетильностью. Теперь она принадлежит не только России, но всему миру – как Шекспир, как Бернс.

Ольга Батлер

Все значимые события XX века коснулись судьбы Анны Ахматовой. Она стала голосом народа, страдавшего от сталинского режима. Какая храбрость нужна была этой женщине в то время, когда ей было запрещено публиковаться, когда ее сын и третий муж находились в лагерях! Ахматова перенесла все несчастья с огромным достоинством и самообладанием. Единственная равная ей по таланту русская поэтесса, Марина Цветаева, назвала ее «Анной всея Руси», словно она была царицей.

Элен Файнштейн

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет и старости нет,
А может, и смерти нет.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них - связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

Анна Ахматова

ISBN 978-5-699-21784-7

9 785699 217847 >